

Сьюзан
Хокфилд

Время живых машин

Биологическая
революция
в технологиях

КНИГИ ПОЛИТЕХА

Сьюзан Хокфилд
Время живых машин.
Биологическая революция в
технологиях

Книга издана при поддержке **Политехнического музея**
и **Фонда развития Политехнического музея**

Переводчик **Виктория Краснянская**

Научные редакторы **Мария Осетрова, Виктория**
Гинанова, канд. биол. наук

Редактор **Антон Никольский**

Оформление серии **Андрея Бондаренко и Дмитрия**
Черногаева

Издатель **П. Подкосов**

Руководитель проекта **И. Серёгина**

Корректоры **М. Миловидова, С. Чупахина**

Компьютерная верстка **М. Зинуллин**

Дизайн обложки **Д. Черногаев**

Фото на обложке **National Cancer Institute on Unsplash**

Фото автора на обложке **Len Rubinstein**

The Age of Living Machines: How Biology Will Build
the Next Technology Revolution

© Susan Hockfield, 2020

Иллюстрации. Somersault1824 BVBA

© А. Бондаренко, Д. Черногаев, художественное
оформление серии, 2021

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО “Альпина нон-фикшн”, 2021

*Все права защищены. Данная электронная книга
предназначена исключительно для частного
использования в личных (некоммерческих) целях.
Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы,
включая текст, изображения и иное, не подлежат
копированию и любому другому использованию без*

разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

КНИГИ ПОЛИТЕХА
ЧЕЛОВЕК И ЖИЗНЬ

К

“КНИГИ ПОЛИТЕХА” – партнерский проект ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, издательств CORPUS, “АЛЬПИНА НОН-ФИКШН” и “БОМБОРА”.

В серии выходят лучшие современные и классические книги о науке и технологиях – все они отобраны и проверены учеными и отраслевыми специалистами.

Серия “Книги Политеха” – это пять коллекций, связанных с темами постоянной экспозиции Политехнического музея:

“Человек и жизнь” – мир живого, от устройства мозга до биотехнологий.

“Цифры и алгоритмы” – математика, искусственный интеллект и цифровые технологии.

“Земля и Вселенная” – происхождение мира, небесные тела, освоение космоса, науки о Земле.

“Материя и материалы” – устройство мира с точки зрения физики и химии.

“Идеи и технологии” – наука и технологии, их прошлое и будущее.

ПОЛИТЕХ

Политехнический музей представляет новый взгляд на экспозицию, посвященную науке и технологиям. Спустя столетие для музея вновь становятся важными

мысль и идея, а не предмет, ими созданный.

Научная часть постоянной экспозиции впервые визуализирует устройство мира с точки зрения современной науки – от орбиталей электрона до черной дыры,

от структуры ДНК до нейронных сетей.

Историческая часть постоянной экспозиции рассказывает о достижениях российских инженеров и изобретателей как части мировой технологической культуры – от самоходного судна Ивана Кулибина до экспериментов по

термоядерному синтезу и компьютера на основе троичной логики.

Политех делает все, чтобы встреча человека и науки состоялась. Чтобы наука осталась в жизни человека навсегда. Чтобы просвещение стало нашим

общим будущим.

Подробнее о Политехе и его проектах – на polytech.one

*Посвящается Тому и Элизабет за
их постоянное терпение,
мудрость и любовь*

Пролог

Последние несколько десятилетий, пребывая в должности декана и проректора Йельского университета, а затем президента и теперь уже президента-эмеритус^[1] Массачусетского технологического института (МТИ), я имела редкую возможность заглянуть за горизонт науки. От того, что я там видела, захватывает дух. Нам выпало стать свидетелями появления гениальных и чрезвычайно мощных биологических инструментов: вирусов, которые могут самостоятельно формировать элементы питания; белков, способных очищать воду; наночастиц, умеющих находить и уничтожать раковые клетки; протезов, которые могут читать мысли; компьютерных систем, повышающих урожайность культур.

Новые технологии словно сошли со страниц фантастических романов, но они реальны. Разработка многих из них продвинулась уже очень далеко, и каждая ведет свое начало из одного и того же революционного источника – соединения^[2] биологии и инженерного дела. Эта книга рассказывает о том, как происходит этот синтез, – о значительных научных открытиях, соединивших две такие разные области знаний вместе, и об исследователях-новаторах, использующих это слияние, чтобы изобретать инструменты и технологии, которые изменят нашу жизнь в наступившем столетии.

Нам нужны новые инструменты и технологии. Сегодня население земного шара составляет примерно 7,6 млрд человек^[3], и ожидается, что к 2050 г. оно превысит 9,5 млрд. Вырабатывая энергию, которая служит топливом, согревает и охлаждает сегодняшнее население, мы уже выбрасываем в атмосферу такое количество оксида углерода, какого хватит, чтобы изменить климат планеты на многие века, и сейчас мы сталкиваемся с последствиями этого^[4]. Температура и уровень океана растут^[5], большие участки земного шара поражены засухой, голодом и устойчивыми к лекарствам болезнями.

Если просто распространять инструменты и технологии, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении, это не решит ужасающие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в мировом масштабе. Как мы можем получать доступную, но не загрязняющую природу энергию, производить достаточно чистую воду, разрабатывать более эффективные лекарства по низким ценам, предоставлять равные возможности для инвалидов и обеспечивать больше продуктов питания, не нарушив мировой экологический баланс? Нам нужны новые решения для этих проблем. Без новых технологий мы обречены на трудные времена.

Нам уже приходилось сталкиваться с прогнозами, предсказывающими всевозможные несчастья. В 1798 г. преподобный Томас Роберт Мальтус^[6], английский священник, демограф и экономист, установил, что повышение уровня населения неизбежно превысит рост производства продуктов. Результаты его анализа предупреждали о единственно возможном исходе – массовые вспышки голода, войн и болезней. Как заявлял Мальтус, эти вспышки смогут регулировать численность населения, но только ценой смерти множества людей. “Непреодолимое увеличение народонаселения, – писал Мальтус, – не может сдерживаться без нищеты и бедствий”.

Но Мальтус был не прав. Уже в его дни фермеры начинали применять новые методы обработки земли, в том числе четырехпольный севооборот и внесение удобрений для повышения урожайности сельскохозяйственных культур. Эти методы полностью изменили уравнение. Они сделали землю более плодородной и наполнили рынок большим количеством продуктов. При наличии доступной пищи население Англии выросло даже быстрее^[7], чем предсказывал Мальтус, что помогло удовлетворить требования к рабочей силе в период индустриальной революции. Технологически обусловленная сельскохозяйственная революция^[8] XIX в. внесла свой вклад в начало новой эпохи инноваций и экономического роста.

Сейчас мы подошли к подобному моменту. Предвещающие несчастья проблемы грозят нам последствиями, которые могут стать катастрофическими. Если их ничем не сдерживать, то они приведут к бедствиям и катастрофам на большей части земного шара. У нас нет средств, чтобы справиться с ними, – пока что нет. Но, когда мне удалось заглянуть за научные горизонты, я увидела удивительно яркое будущее. Биология и инженерное дело соединяются такими способами, которые ранее и представить себе никто не мог^[2], и этот синтез вскоре сможет предложить нам решение некоторых самых значительных и кажущихся непреодолимыми проблем. Мы вот-вот вступим в эпоху невиданных ранее новшеств и процветания, и возможность наступления лучшего будущего будоражит как никогда.

Глава 1 Где начинается будущее

Ранним утром 26 августа 2004 г. на собрании акционеров Массачусетского технологического института^[10] меня избрали 16-м президентом МТИ. Выбор моей кандидатуры удивил большинство наблюдателей. Многие указывали на тот факт, что я была первой женщиной, занявшей эту должность, – существенная перемена, если учесть, что все 15 моих предшественников были мужчинами. Но некоторые подметили и кое-что более удивительное: я биолог. Моя дипломная работа и вся научная карьера были посвящены изучению физического, химического и структурного развития мозга, а это не та область, благодаря которой МТИ особенно известен.

Когда я заняла должность президента, институт славился вполне заслуженной репутацией одного из лучших в мире инженерных вузов и был родным домом для всемирно известных отделений физики, химии, математики и информационных технологий. Институт имеет давнюю историю сотрудничества с промышленностью, чтобы, руководствуясь основополагающей миссией “от идеи к действию”^[11], превращать сделанные в кампусе открытия в полезные и ценные на рынке технологии. Преподаватели и выпускники МТИ основали ряд компаний, в том числе такие, как Intel, Analog Devices, Hewlett-Packard, Qualcomm, TSMC (Taiwan Semiconductor Manufacturing Company, тайваньская компания по производству и изучению полупроводников) и Bose Corporation. Когда люди думают о МТИ, в голову им приходят революционные достижения в области инженерных разработок и физики, которые помогли Соединенным

Штатам стать лидером в период стремительного развития электроники и цифровых технологий в XX в.

Именно поэтому мое назначение воспринималось как неожиданность. Более предсказуемым выбором была бы кандидатура инженера или специалиста в области теории вычислительных систем, физика или математика. Но в действительности с конца Второй мировой войны МТИ начал заниматься новой, зарождающейся областью науки – молекулярной биологией. К тому времени, когда я начала работать в институте, программа его отделения биологии вошла в число лучших в мире. Преподаватели получали Нобелевские премии за свои открытия, участвовали в основании ведущих мировых биотехнологических компаний.

Благодаря возникновению в институте двух сильных сторон – инженерного дела и биологии – стали появляться новые формы сотрудничества. Вскоре после того, как я приехала в Массачусетс, декан Инженерной школы сообщил мне^[12], что треть из 400 преподавателей-инженеров МТИ используют в работе биологический инструментарий. Администрация института понимала, что в XXI в. это взаимопроникновение дисциплин может создать потрясающие способы превращения идей в технологии. В таком свете мое назначение имело смысл: мы могли воспользоваться возможностью и содействовать слиянию биологии и инженерного дела в МТИ, а также в международных научных и промышленных сообществах.

Мне было нужно хорошо обдумать предложение возглавить МТИ. В то время я была проректором Йельского университета, где помогала планировать развитие естественных наук, медицины и инженерного дела. Эта работа мне чрезвычайно нравилась. Главным в ней была реконструкция отделений и зданий для углубления междисциплинарных связей. Моя страсть к налаживанию взаимодействия дисциплин привлекла внимание комитета по выбору президента МТИ, члены которого понимали, что подобное взаимопроникновение обеспечит в будущем практически безграничные возможности.

Могло ли мое положительное решение сработать? И сработает ли? Ставки в выборе между двумя такими разными заведениями были очень высоки и для меня, и для МТИ. Но в каком-то смысле вся моя жизнь готовила меня к этому новому назначению. Поэтому я приняла должность и начала то, что должно было стать увлекательным путешествием к новым областям науки, новым идеям и новым обязанностям.

Мною всегда владело непреодолимое желание понять, как работают разные устройства, и я удовлетворяла это любопытство, разбирая их на части. Еще ребенком, задолго до того, как поняла, что хочу быть ученым, я раскурочивала все подряд. Моя любознательность заставляла меня исследовать детали, из которых состояло устройство, и изучать, как эти части собирать вместе, чтобы оно заработало. Зачарованная зрелищем того, как отец чинит почти все в нашем доме, я разобрала утюг и пылесос. Я вскрыла свои любимые часы, чтобы изучить работу пружины и шестеренок, но это кончилось тем, что пружина раскрутилась, часы вырвались у меня из рук, разлетевшись на десятки частей, с которыми уже ничего нельзя было сделать. Мое любопытство распространилось и на то, что было за порогом дома: я потрошила нарциссы в нашем саду, а также желуди, только пустившие первые зеленые побеги новых молодых дубков.

То, как работает утюг, мне стало ясно после первой попытки его разобрать, но почему цветут нарциссы и растут дубы, оставалось для меня тайной. Как ярко-желтые цветки появляются из зеленого бутона? Почему лепестки желтые, а не красные? Что внутри желудя неожиданно заставляет его прорасти? Тайны живого захватывали меня с самого детства. Что же является его пружинами и шестеренками?

Эта детская страсть все разбирать на части привела меня к работе, которой я посвятила всю жизнь. В то время,

когда я формировалась как ученый, мне очень повезло оказаться в центре двух крупных биологических революций. Первая из них, молекулярная биология, открывала тайны строительных блоков всех живых организмов; вторая, геномика, давала молекулярной биологии шкалу, необходимую для того, чтобы определить гены, ответственные за развитие болезней, и отследить их в разных популяциях и видах.

Невозможно переоценить важность этих революций. Молекулярная биология серьезно заявила о себе в конце 1940-х и начале 1950-х гг., когда коллектив ученых, многие из которых были по образованию физиками, использовал ряд новых методов (большинство из них ведут свое происхождение от методов, разработанных во время Второй мировой войны) для описания биологических механизмов^[13] на новом уровне детализации. Они улучшили наше понимание того, что происходит на уровне отдельных молекул, отсюда и произошло название “молекулярная биология”. Самые известные из этих ученых – Джеймс Уотсон, Фрэнсис Крик, Морис Уилкинс и Розалинд Франклин^[14] – использовали изобретенный в то время рентгеноструктурный анализ, чтобы определить структуру ДНК, что обеспечило множество новых возможностей. Ученые могли теперь понимать биологию на уровне клеточного “аппаратного обеспечения” – ДНК, РНК и белки как строительный материал всей живой материи. Со временем новые инструменты позволили выяснить внутреннее устройство здоровых клеток и улучшить наше понимание нарушений, сигнализирующих о возникновении болезни. Попутно ученые также основали биотехнологические компании, такие как Genentech, Biogen и Amgen, разработали новые способы лечения рака, рассеянного склероза и гепатита. Таким образом они спасли огромное количество жизней, создали десятки тысяч рабочих мест и внесли значительный вклад в экономический рост.

Если молекулярная биология сделала возможным изучение “аппаратного обеспечения” клеток, то геномика – еще один революционный раздел биологии –

позволила изучать их “программное обеспечение” – код, хранящий набор инструкций для каждого живого организма. Геномика, дополнительную энергию которой придавали достижения в области вычислительной техники, создала карту человеческого генома^[15], а также инструменты для анализа в высоком разрешении ДНК и РНК всех видов живых существ на Земле. Благодаря успехам в анализе последовательности генов и геномных данных, позволяющим сравнивать геномную информацию тысяч отдельных людей, ученые начали открывать загадки сложных, многофакторных основ многих болезней. Эти достижения дали возможность биомедицине развивать новые методы лечения пациентов, основанные на уникальном для каждого составе генов и подтипе заболевания, так что теперь мы можем бороться с болезнями отдельного человека с помощью индивидуально подобранной терапии. Те же самые методы используются для изучения животных и растений и, как мы увидим в следующих главах, для того, чтобы изобретать новые решения для некоторых из самых сложных промышленных и общественных задач.

Я изучала биологию, еще будучи студенткой, но это было за годы до того, как молекулярная биология и геномика захватили науку. Проходя постдипломное обучение^[16], я решила специализироваться на нейроанатомии, изучающей строение, развитие и функциональную организацию нервной системы. Красота архитектуры мозга завораживала меня. Используя самые передовые методы, доступные в то время, я изучала нервные клетки и их изысканно-сложные взаимосвязи. Я исследовала, как эти клетки взаимодействуют в процессе развития высокоорганизованных структур, которые дают нам возможность видеть, слышать, думать и мечтать. И я узнавала, как ранний опыт может навсегда изменить и структуру, и биохимию мозга. Но тогда я не могла увидеть более фундаментальные структурные элементы, а именно белки и другие молекулы – механизм работы мозга. Молекулярная биология еще не добралась до нейронауки.

Вскоре после получения степени PhD мне выпала редкая удача получить место в Лаборатории Колд-Спринг-Харбор Джеймса Уотсона, одного из первооткрывателей структуры ДНК. Там я узнала, как биологи, работающие в других отраслях науки, используют молекулярную биологию, чтобы показать, как гены влияют на деятельность всех живых организмов, как растений, так и животных. Вирус гриппа, тина в пруду, тюльпаны, яблони, бабочки, дождевые черви, лососи, щенки гончих, люди – молекулярные биологи доказали, что все эти организмы состоят из одного набора биологических структурных элементов.

Далеко опережая большинство других ученых, Уотсон уловил, что идеи и инструментарий молекулярной биологии могут совершить революцию в изучении всего живого. Он понимал, что у этой научной области есть сила превратить биологию из науки, являющейся результатом наблюдений, в науку прогнозирующую. Под его руководством ученые из Колд-Спринг-Харбор добились успехов в молекулярной биологии, открыв механизмы, управляющие вирусами и дрожжами, а затем используя те же методы, чтобы понять работу клеток, взятых у животных и выращенных в лаборатории. Задолго до появления необходимых технологий Уотсон также предвидел возможность^[17] того, что инструментарий молекулярной биологии может дать ответы на многие загадки мозга.

Эта возможность пленяла меня. Когда я начала работать в Лаборатории Колд-Спринг-Харбор, нейронаука оставалась одной из последних биологических наук, которые сопротивлялись радикально новым открытиям молекулярной биологии. Я пошла поперек главного направления нейробиологии и присоединилась к горстке предприимчивых ученых, которые воспользовались инструментарием молекулярной биологии и стали основателями новой области – молекулярной нейробиологии.

Даже интеллектуальные революции сопряжены с опасностями и сеющими раздор силами. Сражение за

новый подход к нейронауке поставило под удар наши гранты, места работы и карьеру. Яростные споры превращали чопорные заседания в рассадники тайной ненависти. В одном споре на международном совещании ученые, изучавшие человеческий мозг, схлестнулись с теми, кто занимался нервной системой насекомых. Столкновение возникло из-за вопроса, могут ли знания о насекомых пролить свет на происходящее с людьми. В своей основе это был спор о молекулярных механизмах эволюции. И по правде говоря, он скорее представлял из себя неприглядную сцену в духе “кто кого перекричит”, а не научный спор, поскольку у нас еще не было “комплектной ведомости” нервной системы, чтобы можно было окончательно и бесповоротно сравнить ее у насекомых и людей. Мы не знали ничего о ее генах и не могли проследить их экспрессию^[18] в процессе развития нервной системы.

Наша маленькая группа ренегатов, наша “банда” пионеров молекулярной биологии постепенно брала верх, и начатое нами движение выросло в крупную силу, которая, объединив классические исследования мозга и инструментальной молекулярной биологии, изменила нейронауку, позволив сделать открытия, ранее просто немыслимые и объясняющие, как работает мозг, а также открывающие новые стратегии клинических вмешательств. Благодаря этим прорывам в молекулярной биологии сегодня у нас есть новые способы диагностировать и лечить заболевания мозга, которые еще несколько десятилетий назад считались трудно контролируемыми. Среди них эпилепсия, нарушения развития нервной системы, инсульт и воспалительные заболевания, такие как рассеянный склероз. Кроме того, есть причины надеяться на новые открытия, касающиеся множества все еще неизлечимых болезней, в том числе болезни Альцгеймера и других нейродегенеративных заболеваний.

Невозможно описать, насколько потрясающе было участвовать в научной революции, которая свела вместе такие разные дисциплины и идеи. Живя и работая в то

время, я стала участницей и сторонницей того, о чем теперь думаю как о “сходящемся” подходе к открытиям.

Мое избрание президентом МТИ не было первым случаем, когда выбор пал на весьма неожиданного кандидата. Еще в 1930 г., в разгар Великой депрессии, во главе МТИ встал Карл Тэйлор Комптон, физик из Принстона.

Оглядываясь назад, можно сказать, что назначение Комптона выглядит вполне естественным, даже очевидным, но в те времена оно потрясло многих людей как нарушение традиции. Сам Комптон позднее говорил, что оно стало самой большой неожиданностью в его жизни. С момента основания в 1865 г. физика в МТИ считалась частью основной деятельности учебного заведения, но репутация института была связана не с научными исследованиями, но с успехами в технических областях. Люди знали МТИ как место, где готовят инженеров, создающих инструменты и технику, которые могут содействовать индустриальной эпохе. Студент МТИ мог, скорее, ожидать, что его будут готовить к работе в химической промышленности или в зарождающейся отрасли электроники.

Комптон принадлежал к совершенно иной вселенной. В Принстоне он возглавлял отделение физики и руководил прославленной по всей стране физической лабораторией Палмера. Он уделял большое внимание атомной физике – потрясающей области с еще не известным потенциалом, появившейся всего поколение назад. Отделение физики в Принстоне занималось фундаментальной наукой, создавая основание для технологий, за которыми гнались другие.

В начале XX в. можно было наблюдать потрясающее превращение фундаментальных открытий науки в продукцию на рынке. После открытия составных элементов атома и их сил появилась дорога в совершенно

новую область – электронную промышленность. Путь от открытия физических основ до их применения в полезных продуктах был и остается трудным и непредсказуемым. Немногие университеты занимались одновременно открытиями и их применением (наукой и инженерным делом), и всего несколько компаний – в основном известна АТ&Т со своими лабораториями Белла – вкладывали средства и в фундаментальные открытия, и в разработку новых продуктов.

В 1897 г. великий физик Дж. Дж. Томсон^[19] определил электрон как частицу, обладающую отрицательным электрическим зарядом. Он и другие физики его поколения, среди которых были Пьер и Мария Кюри, Вильгельм Рентген и Эрнест Резерфорд^[20], заложили фундамент для моделирования элементарных частиц, из которых состоит материя. Хотя каждый из них шел своим путем, вместе они помогли собрать “спецификацию” компонентов, составляющих физический мир и управляющих всем его поведением: протонов и нейтронов атомного ядра, которые окружает облако электронов.

Составив этот список, а также обнаружив ряд законов, управляющих их поведением, физики той эпохи начали работать с инженерами. Этот мощный союз привел к созданию новых устройств: лампы накаливания, радио, телевизора, телефона и даже электрического освещения домов и целых городов. Так родилась электронная промышленность, которая стала привлекать для работы тысячи людей и обеспечила экономический рост страны. Сегодня в нашем цифровом компьютеризированном мире мы продолжаем наслаждаться плодами тех открытий и сочетанием физики и инженерного дела.

К 1930 г. в МТИ решили, что нужно усилить позиции в этой игре, улучшив качество научного отдела. Позднее, вспоминая о своих чувствах в тот момент, один из сотрудников физического факультета писал: “Мы пробуждались, чтобы увидеть новый мир^[21] – мир науки в фундаментальном понимании, который практически полностью отсутствовал в то время в институте, – и

осознать, как современная наука может изменить инженерное дело будущего”. Со своим свежим пониманием этого будущего и только что обретенным слиянием физики и инженерного дела МТИ обратился к Комптону и предложил ему президентство.

Поначалу застигнутый врасплох, Комптон не горел желанием покинуть своих студентов и работу в Принстоне. Но в конце концов он пришел к той же мысли, что и я 74 года спустя, – о том, что появилось предложение всей жизни. “Значительность этой возможности помочь науке воплотиться в инженерном образовании, – говорил он в интервью в студенческой газете *The Daily Princetonian*^[22], – налагает обязательства, которые оказываются выше всех других соображений”.

С самого начала президентства Комптон посвятил себя развитию интеграции физики и инженерного дела в МТИ. Он воспользовался девизом института и определил, что лучший способ добиваться практических решений в инженерном деле и науке – это поощрять высокий уровень междисциплинарного сотрудничества. Таким образом, за много десятилетий до меня он использовал встречный подход к открытиям и новым изобретениям.

Технические запросы во время Второй мировой войны, которую иногда называют “войной физиков”, еще сильнее сблизили инженерное дело и науку. И в этом процессе важную роль сыграл Комптон. В 1933 г., признавая его способности как ученого и управленца, президент Франклин Рузвельт назначил Комптона главой недавно образованного Научно-консультативного совета, который в 1940 г. стал Национальным исследовательским комитетом по вопросам обороны (National Defense Research Committee, NDRC). Как глава комитета Комптон помогал организовывать развитие таких технических новшеств, как радар, реактивный двигатель и цифровые вычислительные машины, которые вместе со множеством

других технологий оказались жизненно важными для победы, в конце концов одержанной союзниками. Например, Радиационная лаборатория^[23], созданная в МТИ с помощью Комптона, собрала почти 3500 человек – ученых, инженеров, лингвистов, экономистов и других, которые в беспрецедентном сотрудничестве изобрели, сконструировали и построили радары – “технология, позволившую победить в войне”.

К концу войны МТИ, которым руководил Комптон, был на пути к тому, чтобы стать домом для одного из самых лучших физических факультетов в стране, известного растущим потенциалом в фундаментальной науке и занявшего свое место среди инженерных отделений МТИ, отвечающих мировым стандартам. Дав институту удвоенную силу – инженерного дела и физики – и выполнив свои обязанности по руководству, Комптон помог наметить план действий для развития Соединенных Штатов как державы, занявшей лидирующее положение в экономике и промышленности на несколько десятилетий после войны.

За этот период приобрела популярность электронная промышленность. Транзисторы заменили радиолампы, а позже кремниевые схемы заменили транзисторы, дав начало множеству открытий и устройств, распахнувших ворота в компьютерную эпоху. Хотя Комптон понимал, что компьютеры полностью изменят многие подходы к передаче информации и национальной обороне, он не мог предсказать, как технологии, которые он продвигал, создадут цифровой мир, в котором мы живем сегодня. Немногие это предвидели. Такова природа научных революций: они открывают мощные, не поддающиеся предсказаниям пути и предоставляют огромные возможности. Но Комптон сознавал, что сочетание физики и инженерного дела дает начало новой технической эпохе, и он делал все что мог – в МТИ, как советник правительства и публичная фигура, – чтобы быть уверенным: США останутся в выигрыше после этой революции.

Уже только благодаря этим достижениям Комптон занимает высокое положение как глубоко мыслящий творец технической и промышленной силы Америки после Второй мировой войны. Но за время работы в МТИ его замечательная прозорливость позволила увидеть приближение другой революции, а именно слияния биологии и инженерного дела.

Комптон говорил об этом слиянии^[24] уже в 1936 г. в лекции под названием “Что физика может сделать для биологии и медицины?”, где рассказал о последних достижениях ядерной физики, в том числе о том, как новое поколение циклотронов делает возможным внедрение радиоактивных меток в вещества^[25]. С такой меткой вещество можно отследить, когда оно становится частью молекулы и далее, когда молекула проходит через химические реакции и по метаболическим путям клетки или организма. Лекция побудила доктора Саула Герца задаться вопросом, может ли эта технология быть использована для изучения и поиска возможного лечения заболеваний щитовидной железы. Герц был главой отделения болезней щитовидной железы в Массачусетской больнице общего профиля и вместе с коллегами изучал усвоение йода щитовидной железой. Он спросил Комптона, нельзя ли сделать йод более радиоактивным. Герц понял, что тогда можно было бы проследить накопление йода в щитовидной железе. Это, в свою очередь, помогло бы диагностировать заболевания щитовидной железы и, возможно, избирательно убивать клетки опухолей для лечения гипертиреоза и рака щитовидной железы.

Мысль была великолепной, и Комптон увидел ее перспективы. Он связал Герца и его коллег-эндокринологов с физиками из МТИ, и вскоре команда осуществила эту идею, успешно пролечив ряд пациентов с помощью радиоактивного йода^[26]. Это был один из первых примеров того, что сегодня мы называем “прецизионная медицина”^[27].

Комптон увидел потенциал в соединении биологии и инженерного дела и ожидал, что в конце концов оно станет таким же мощным, таким же социально и экономически значимым, как и слияние физики и машиностроения. Чтобы обучать студентов в этой области на стыке наук, в 1939 г. он создал учебную программу по биоинженерии^[28], а в 1942 г. изменил название факультета биологии^[29] МТИ на факультет биологии и биоинженерии. Но Комптон значительно опережал свое время. Биологи тех дней еще даже не разработали “список комплектующих” для живых существ, подобный тому, который физики создали для материи. А без такого списка инженеры мало что могли сделать. Стесненный этой нехваткой инструментария, факультет биологии и биоинженерии не смог оправдать своего названия и в течение нескольких лет снова стал факультетом биологии.

К началу 1940-х гг. все внимание мирового сообщества сосредоточилось на Второй мировой войне. Необходимой наукой стала физика, а не биология. В военные годы Комптон чрезвычайно активно работал как ученый, администратор и публичная фигура. Он возглавлял американские исследования^[30] по созданию радаров, синтетической резины, систем управления огнем, изучению теплового излучения; он возглавлял зарубежные программы Управления научных исследований и разработок (Office of Scientific Research and Development, OSRD); он был научным советником генерала Макартура, а в 1945 г. вошел в число восьми советников, назначенных, чтобы следить за использованием атомной бомбы президентом Трумэном.

После окончания войны Комптон получил награды за все свои усилия в военное время. В 1946 г. Министерство обороны вручило ему самую высокую награду для гражданского лица – медаль “За заслуги”, за работу, способствовавшую “скорейшему прекращению военных действий”. На следующий год Национальная академия наук вручила Комптону медаль Марцеллуса Гартли за “огромные заслуги в применении научных достижений на благо общества”.

Эти две награды, как и многие другие, указывают на одну и ту же особенность в достижениях Комптона. Соединив физику и инженерное дело и обеспечив поддержку революции, которую принес этот союз, он помог не только закончить войну, но и начать новую эпоху американского процветания и возможностей. Инициативы Комптона дали нам потрясающий набор новых инструментов и технологий – не просто радио, телефоны, самолеты, телевизоры, радары и компьютеры, но и ядерную энергию, лазеры, магнитно-резонансную и компьютерную томографию (МРТ и КТ), ракеты, спутники, систему глобального позиционирования (GPS), интернет и смартфоны. Эти приборы и технологии так изменили наш мир, что мы и представить не можем без них свою жизнь.

Новые цифровые продукты и цифровая экономика^[31] способны и дальше его изменять. Дав жизнь Большим данным, интернету вещей^[32] и промышленному интернету, они создали возможность новых бизнес-моделей в розничной торговле (вспомните Amazon), гостиничном бизнесе (Airbnb) и транспорте (Lyft, Uber). Революция продолжается полным ходом, и, если бы Комптон все еще был с нами, он, безусловно, с восхищением бы наблюдал за ее плодами^[33].

Но, конечно, с не меньшим восхищением он бы узнал и о том, что другая революция, которую он начал, – слияние биологии и инженерного дела, – наконец началась.

Поступив на работу в МТИ, я с радостью узнала, как далеко продвинулись многие преподаватели по этой новой дороге. Инженеры института начали удивительными способами применять в своей работе биологические инструменты. Мартин Польц, инженер-эколог, использовал вычислительную геномику, чтобы найти популяцию планктона, поглощающую наибольшее

количество оксида углерода из Мирового океана. Кристала Джонс Пратер, инженер-химик^[34], использовала микроорганизмы для создания новых веществ, например транспортного топлива и лекарств. Скотт Маналис, физик, ставший инженером-биологом^[35], внедрил высокочувствительный метод измерения, который разработал для того, чтобы взвешивать отдельные клетки и отслеживать их рост. А вдохновил их всех профессор института Роберт Лангер, который считается самым плодовитым биоинженером в мире^[36], получившим более 1000 патентов, как действующих, так и ожидающих решения, и являющимся основателем более 25 компаний.

Чем больше я узнавала о невероятных проектах в том новом “королевстве” – не только в МТИ, но и в лабораториях по всему миру, – тем больше убеждалась, что соединение биологии и инженерного дела может изменить мир. Поэтому я сделала это слияние одной из главных задач своего пребывания на посту президента, создавая ресурсы и места, чтобы она реализовалась в жизнь так быстро, как только возможно.

Это принесло свои плоды. Преподаватели факультета биологии, в состав которого входил Центр исследования рака, один из самых известных в стране, занимающийся фундаментальными биологическими исследованиями, объединились со своими коллегами-инженерами и основали на базе МТИ Институт интегративных исследований рака имени Дэвида Кока. Эта организация представляет собой потрясающее соединение инженеров, врачей и биологов, работающих вместе с 2007 г., чтобы по-новому понимать, диагностировать и лечить рак и другие заболевания. Из Института Кока вышли десятки компаний, многие из которых производят биоинженерные продукты, проходящие в данный момент клинические исследования: наночастицы, внедряющиеся в раковые клетки, чтобы доставлять химиотерапевтический препарат непосредственно в те места, где он необходим; технологии формирования изображений, позволяющие хирургу более точно определить и удалить раковые клетки; стратегии определения возбудителей инфекционных заболеваний,

которые будут намного эффективнее, чем современные методы, так что своевременное назначение необходимого лекарства сможет спасти бесчисленное количество жизней. Подобным же образом мы начали в институте Энергетическую инициативу, ускоряющую разработку новых технологий, связанных с энергией. Во многих из них используются биологические компоненты. За свои первые 10 лет Энергетическая инициатива породила около 60 компаний, которые разрабатывают новые аккумуляторы, новые солнечные батареи и новые системы управления производством и передачей энергии.

За всю свою карьеру и особенно за годы работы в МТИ мне посчастливилось встретиться со множеством первооткрывателей в этой находящейся на стадии становления отрасли науки, и я видела, как новые открытия, сделанные в лабораториях, превращаются в продукты на рынке, воплощая идеи в действие. В следующих главах я покажу, как все это произошло, познакомлю с ключевыми фигурами и расскажу о некоторых из способов, которыми эти ученые надеются использовать инструментарий и технологии, разрабатываемые ими, чтобы решить масштабные гуманитарные, медицинские и экологические проблемы нашего времени.

Работа, которую они делают, – научная история этого века. Я в этом нисколько не сомневаюсь. Столетие назад физики и инженеры полностью изменили наш мир, а теперь биологи и инженеры так же глубоко изменяют наше будущее. Эта книга является предисловием к зарождающемуся будущему, так что вы тоже можете насладиться зрелищем того, как оно наступает.

В книге я организовала деление по главам так, чтобы шаг за шагом провести вас от базовых до более сложных биологических понятий. Новый мир основанных на биологии технологий вырос из одной из самых значительных научных революций. Короче говоря, в 1950 г. мы не знали о физической структуре гена и о том, как он влияет на индивидуальные черты. Мы не знали о причине неконтролируемого деления раковых клеток и о

том, что определяет цвет кукурузных зерен. Но теперь мы знаем.

В главе 2 я расскажу о нуклеиновых кислотах ДНК и РНК, которые выполняют функцию биологических информационных систем. Нуклеиновые кислоты управляют всей совокупностью биологических структур и обеспечивают точную передачу признаков от одного поколения к другому. Нуклеиновыми кислотами можно манипулировать, и эта глава описывает, как нуклеиновые кислоты вирусов могут быть использованы для производства аккумуляторов следующего поколения. ДНК и РНК несут в себе ряд инструкций по сборке белков – мини-машин, отвечающих за многие биологические функции. Глава 3 рассказывает историю открытия одного из таких белков под названием аквапорин, который является чрезвычайно избирательным каналом, пропускающим молекулы воды, позволяя ей поступать в клетку и покидать ее (в клетках бактерий, животных и растений). Сейчас этот белок применяется в коммерческих водяных фильтрах.

Технологии, описанные в главе 4, представляют одну из самых быстро развивающихся областей медицины, а именно молекулярную медицину. В ее основе лежит положение о том, что болезнь создает соответствующие отклонения в нормальных молекулярных процессах внутри наших клеток. Новая, высокочувствительная техника, которая распознает эти отклонения, делает раннюю диагностику заболеваний более надежной и дешевой.

Сложные биологические функции человека, такие как дыхание, пищеварение и слух, осуществляются с помощью тканей, состоящих из нескольких видов клеток, собранных вместе. Головной мозг – самая сложная ткань в организме. В главе 5 описывается, как мозг посылает сообщения по нервам, чтобы двигать конечностями, и как новые технологии могут восстановить ампутированные руки и ноги и помочь жертвам заболеваний мозга вернуть возможность пользоваться частями своего тела.

Глава 6 возвращает нас к сумме всех частей. Для каждого живого организма совокупность генов и экспрессия белка выражается в физических особенностях и называется фенотипом. По крайней мере последние 10 000 лет человечество отбирало и разводило животных и растения, оценивая их фенотипы. В этой главе описываются новые технические средства, которые ускоряют основанный на фенотипе отбор, что даст возможность отбирать зерновые с более высокой всхожестью и устойчивостью, чтобы прокормить растущее население планеты.

Из технологий, которые я описала в этой книге, каждая по-своему является продуктом революционного союза биологии и инженерного дела, происходящего буквально на наших глазах. Если я успешно сумею описать эти новые явления, которые обвенчали инженерное дело с биологией, вы увидите, что у вирусов, создающих аккумуляторы, много общего с белками, очищающими воду, и другими описанными в книге технологиями: они пользуются преимуществами обеих отраслей. И я надеюсь, что вы начнете видеть за линией горизонта эту общую характерную особенность многих технических решений.

Мы должны делать все, что можем, чтобы обеспечить это слияние и принести стирающие барьеры технологии в нашу жизнь, причем делать это надо быстро. В конце, в последней главе, я расскажу о нескольких стратегиях того, как мы можем действовать настолько быстро и эффективно, насколько это вообще возможно.

Глава

2

Может ли биология улучшить аккумулятор?

Когда в 1999 г. Анджела Белчер подала документы на получение своего первого гранта, один из рецензентов назвал ее проект “безумным”. Белчер только что приступила к работе в качестве профессора химии в Техасском университете в Остине, и для того, чтобы начать исследования, ей нужен был грант. То, что предлагала Анджела, казалось настоящим сумасшествием: она хотела сконструировать вирусы, которые можно было бы использовать, чтобы “вырастить” электрические цепи, а в конце концов и аккумуляторные батареи. Белчер предполагала, что выращенные вирусами аккумуляторы станут заряжаться быстрее, чем те, которые мы используем сегодня, не будут оставлять после себя практически никакого токсичного мусора и отчасти окажутся биоразлагаемыми. Ее предложение, по сути, давало чистый, дешевый и естественный способ сделать возобновляемую энергию практической альтернативой горючим ископаемым. Белчер чувствовала, что эта идея может изменить весь мир.

То, что ее мысль была отвергнута как сумасшедшая, уязвило Белчер до глубины души. “Когда я читала рецензию, – рассказывала она мне не так давно, – я плакала и плакала”. Анджела была огорчена, но не сдалась, и список ее достижений по прошествии времени скорее показывает безумным того рецензента. В 2000 г. она доказала жизнеспособность своей неординарной идеи^[37] и опубликовала ее в *Nature* – одном из самых престижных научных журналов в мире. Это была первая опубликованная статья Белчер как независимого исследователя. В 2001 г., разглядев ее потенциал, Массачусетский технологический институт принял Анджелу на работу; в 2002 г. *Technology Review* включил Белчер в список 100 лучших изобретателей мира моложе 35 лет^[38]; в 2004 г. она получила “грант для гениев”^[39] Фонда Макартуров^[40], а в 2006 г. *Scientific American* назвал ее “Лучшим исследователем года”^[41]. Сегодня Белчер является профессором энергетики в МТИ, где помимо других обязанностей руководит группой исследователей биомолекулярных материалов и является активным членом Энергетической инициативы, возглавляя команду, разрабатывающую новые способы аккумуляции электроэнергии. Также она основала несколько стартапов, чтобы превратить полученные в лаборатории результаты в рыночные продукты.

Я познакомилась с Энджи Белчер в начале своего пребывания на посту президента МТИ. В тот период мне предстояло быстро вникнуть

в новую работу. Мне нужно было понять, как МТИ поддерживает развитие нестандартных идей и как эти идеи с потрясающей быстротой выходят на рынок.

Чтобы узнать как можно больше в сжатые сроки, я приглашала маленькие группы недавно получивших постоянную должность преподавателей на завтраки. Чтобы быть зачисленными в штат МТИ, преподаватели должны были достичь чего-то, чего ранее никто не добивался, и я была уверена, что те, кого я приглашаю на завтрак, смогут описать магическое соединение ресурсов, людей и духа, которое позволило каждому из них одержать победу. Что сделало МТИ особенным для них и как мы можем сделать его еще лучше? К каким еще захватывающим новым рубежам они стремятся?

Среди изобилия закусок – кофе, яиц и выпечки – я просила рассказать, что им больше всего нравится в МТИ и что больше всего будоражит их в исследованиях и преподавании. Когда беседа всех захватывала, участники начинали рассказывать свою историю, и каждая оказывалась еще более потрясающей, чем предыдущая. Я видела себя в будущем, которого раньше и не могла представить. Они говорили о том, как квантовая вычислительная техника переходит от теории к практике, как наночастицы, доставляющие лекарства в ткани, создаются слой за слоем словно крошечные вечные леденцы с шоколадной фабрики Вилли Вонки, и о десятках других гениальных открытий и изобретений. Слушая их, я сделала удивительное наблюдение: если бы мне нужно было по их рассказам установить, к какому отделению или факультету относятся преподаватели, это могло стать трудной задачей. Их исследования, не спрашивая разрешения и не делая громких заявлений, размывали границы между дисциплинами, и я поняла, что именно эта гибкость является критически важной для того, чтобы новые идеи быстро попали из лаборатории на рынок.

Многие из молодых преподавателей балансировали на стыке совершенно несопоставимых дисциплин. Среди них была и Белчер, которую я сразу определила как живой пример соединения наук. Помимо своей работы с группой, занимающейся биомолекулярными материалами и Энергетической инициативой МТИ, она принимала участие в деятельности отделения материаловедения и инженерного дела, отделения биоинженерии и Института интегративных исследований рака имени Дэвида Кока. Однажды Анджела сказала мне, что пытается свести вместе биологию и инженерное дело, чтобы создать новое поколение электронных приборов, и у меня глаза расширились от удивления. Белчер объяснила, что в будущем получение, распределение и сохранение энергии могут выглядеть совсем по-другому по сравнению с тем, как мы это делаем сейчас.

Впервые идея о новом поколении биологически созданных электронных приспособлений пришла ей в голову в 1990-е гг., когда Анджела занималась исследованиями перед получением степени PhD по химии в Университете Калифорнии в Санта-Барбаре. Ее всегда

завораживала способность природы находить решения в ответ на трудности и возможности, даваемые окружающей средой. Во время постдипломного обучения Анджела была просто одержима галиотисами^[42] – крупными морскими моллюсками, которые обитают вдоль берегов Тихого океана, – и тем, как они делают свои раковины. Этот процесс, как выяснилось, включает в себя принципы биоинженерии, подтолкнувшие Белчер к мысли о самых различных практических применениях, в том числе и об аккумуляторах.

С точки зрения эволюции галиотисы решили очень сложную проблему: как создать легкую, но очень прочную раковину, используя только простые, широко доступные компоненты. Они выработали остроумное и элегантное решение. Во-первых, соединить кальций (Ca) и карбонат (CO₃) – материалы, широко распространенные в океане, чтобы получился карбонат кальция (CaCO₃) – имеющийся в изобилии минерал, кусочками которого мы обычно пишем по классной доске. Сам по себе мел – мягкий материал, который легко крошится, но галиотисы справляются с этой проблемой с помощью двухэтапного “процесса производства”. Для начала молекулы CaCO₃ размещаются^[43] в определенном порядке, формируя маленькие кристаллы. Эти кристаллы гораздо прочнее мела, но имеют всего 1/3000 прочности раковины галиотиса^[44]. “Крепость стали” придается им с помощью процесса, который помогла открыть Белчер во время своих исследований в аспирантуре: создаются маленькие нити белка, размещенные между кристаллами. Таким образом, получается что-то вроде клейкой сетки, работающей в некотором роде как раствор, удерживающий вместе “кирпичи в стене”. Но, в отличие от раствора, материал, скрепляющий раковину галиотиса, является в какой-то мере эластичным, поэтому структура растягивается и не ломается. Прочное, но растяжимое кружево белковых нитей переплетается с кристаллами карбоната кальция, придавая раковине галиотиса необыкновенную динамическую прочность. Раковины защищают галиотисов, пока они живы, а после их смерти разрушаются, пополняя ресурсы для следующего поколения моллюсков, и все это не загрязняет окружающую среду никакими токсичными отходами.

В кабинете Белчер целая коллекция раковин галиотисов, и каждый раз, заглядывая к ней, я просто глаз не могла от них оторвать. Они очень красивые. Вместе они напоминают набор разобранных матрешек: от очаровательных малышек, имеющих размер не больше ногтя моего большого пальца, до раковин больше открытой ладони – им, возможно, более 10 лет. Однажды, когда мы говорили о биологических процессах, в результате которых великолепные материалы получаются из самых обыкновенных элементов, я не смогла устоять, взяла одну из самых больших раковин размером с детскую бейсбольную перчатку и провела пальцами по гладкой внутренней поверхности. Когда я поднесла ее к свету, она засверкала всеми цветами радуги.

Галиотис может прожить до 50 лет. Независимо от размера каждая раковина имеет одну и ту же форму, цвет и текстуру: шершавую снаружи и глянцевую, перламутровую изнутри. Каждая украшена изящной аркой из находящихся на равном расстоянии друг от друга отверстий, через которые животное “дышит”. Это шедевр биоинженерии, и, начав изучать формирование раковины, Белчер задалась вопросом: если ДНК галиотиса содержит код, позволяющий белкам так эффективно собирать морские элементы, чтобы создавать ракушки, то, возможно, мы сможем отдавать приказы ДНК других организмов, чтобы собирать другие элементы и выполнять другую работу. Если это так, то не получится ли, как она предлагала в своей первой заявке на грант, заставить вирусы собирать элементы, используемые в полупроводниках, такие как арсенид галлия и кремний, и создавать электронные компоненты? И если это можно сделать, какие более масштабные задачи реально было бы решить с помощью вирусов? Могла бы Белчер использовать их, чтобы организовать компоненты аккумулятора? Ее инженерный ум работал все активнее, обдумывая различные способы применения. “Если галиотисы могли миллионы лет создавать все эти раковины, не выделяя токсичных веществ, – так рассказывала мне Анджела о своем моменте озарения, – почему бы людям не делать все, что им нужно, не загрязняя окружающую среду?”

В детстве Белчер любила скалы, растения и животных родного Техаса, а потом, во время учебы в колледже в Санта-Барбаре, штат Калифорния, полюбила и берега Тихого океана. Как химик и специалист по материаловедению она находила бесконечно прекрасным и таинственным все то разнообразие форм и размеров, в которые природа облакает имеющиеся у нее в распоряжении вещества. На полках в ее кабинете лежали раковины, кристаллы и окаменелости, причем у каждого из них была история, которую она в волнении мне рассказывала. Однажды, сжимая в одной руке красивый кристалл, а в другой – ничем не выделяющийся кусок белого камня, Анджела воскликнула: “Эти блестящие бирюзовые кристаллы^[45] имеют тот же состав, что и кусок арагонита!” Она не переставала восхищаться тем, что природа может сделать, и одновременно думала, как улучшить наш общий дом для следующего поколения.

Мы с вами, возможно, не проводим много времени в размышлениях о том, насколько упорядочены молекулы в веществах, которые нас окружают, и как они организованы в тех предметах, которыми мы пользуемся каждый день. Но Энджи Белчер об этом думает. Ее дипломная работа дала ей понять значимость того, из чего материалы состоят, и того, как они организованы. Анджела доказала, что раковина галиотиса состоит из карбоната кальция, связанного вместе минимальным количеством раствора, который моллюск изготавливает из особого белка. Разработка новых аккумуляторов опирается на то, чтобы найти оптимальные материалы и организовать их в наилучшем порядке. Но совершенствование состава и организация материала

требуют достаточно изысканного инженерного мастерства. Именно это и пришло Белчер в голову в момент озарения, подтолкнувшего к подаче заявки на грант. Вместо того чтобы целиком положиться на человеческий разум, который мог бы изменить компоненты батарей, исследовательница начала задаваться вопросом, не сможет ли она создать аккумулятор получше, доверив вирусам организацию материала для нас.

Чтобы понять, что Энджи Белчер придумала, попытайтесь решить проблему энергии, а вернее, если говорить более точно, ее накопления, нам следует подумать о топливно-энергетическом комплексе. Как растут наши потребности в использовании энергии и почему важно, из каких источников она будет поступать в следующие десятилетия?

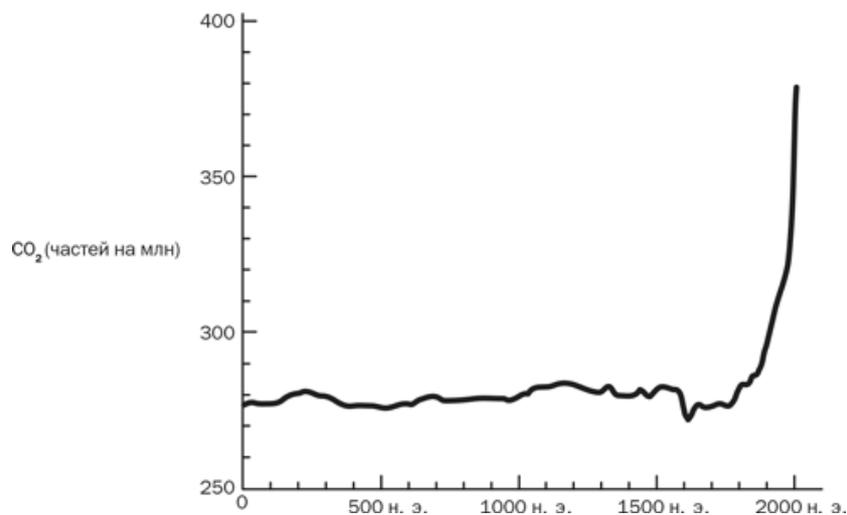
Наши предки фактически создали топливно-энергетический комплекс в тот момент, когда впервые научились контролировать огонь. Кости и пепел растений^[46], обнаруженные в пещерах Южной Африки, показывают, что *Homo erectus*, одни из первых непосредственных предков человека, разводили костры примерно 1 млн лет назад. Наши более близкие предки, неандертальцы, использовали огонь около 400 000 лет назад^[47], и археологические находки из пещеры Пеш-дел'Азе^[48] на юго-западе Франции позволяют предположить, что их жители могли разжигать костры по своему желанию по крайней мере 50 000 лет назад. Первые люди сжигали траву, ветки кустов и деревьев для того, чтобы получать тепло, свет и готовить еду. С тех пор мы продолжаем полагаться на природу, чтобы получать и сохранять энергию, которую потребляем. И к счастью для нас, природа выполняет эту работу исключительно хорошо.

Растения – великолепные накопители энергии. Они сохраняют ее с помощью фотосинтеза – химического процесса, при котором используется энергия света, чтобы соединять углекислый газ с водой. Вода и углекислый газ (CO_2) – широко распространенные, первичные материалы, и их сочетание лежит в основе большинства естественных материалов на Земле. Все, что нужно, чтобы создавать более сложные структуры, начиная от листьев, цветов и веток деревьев и до костей, кожи и мускулов, – это достаточное количество энергии для того, чтобы образовались новые химические связи между молекулами воды и CO_2 . Фотосинтез превращает энергию света в химические связи строительных блоков, основанных на углероде. Каждая химическая связь – это энергия в ожидании: создание связи требует энергии, а разрыв связи высвобождает энергию. В случае с фотосинтезом фотоны из солнечного света обеспечивают источник энергии^[49], чтобы создать химические связи, а разрушение этих связей (в огне, к примеру) высвобождает энергию. Сжигание дров – это, в сущности, процесс

фотосинтеза наоборот, разрывающий химические связи, чтобы высвободить запасенную солнечную энергию в виде тепла и света. Как мы вскоре увидим в случае с батарейками, запасенная химическая энергия также может быть высвобождена в форме электронов.

Тысячелетия люди полагались на дерево, чтобы удовлетворить свою нужду в энергии. Но в последние века наши потребности все больше возрастали. В начале XIX в. основным источником энергии в США было дерево^[50], и американцы потребляли 0,4 квадрил (10¹⁵) британских тепловых единиц (БТЕ)^[51] в год. (Одна БТЕ – это количество тепла, требующееся, чтобы повысить температуру одного фунта воды на один градус Фаренгейта.) В 2016 г. общее энергопотребление США^[52] составляло 97 квадрил БТЕ, то есть оно выросло более чем в 250 раз по сравнению с началом XIX в. Это означает, что средний американец сегодня потребляет примерно в четыре раза больше энергии, чем в 1800 г. Чтобы отвечать потребностям растущего населения, которое использует все больше энергии, и найти более удобные способы транспортировки запасенной энергии, мы перешли на горючие ископаемые: наполненные энергией месторождения нефти, газа и угля, возникшие в результате долговременного сжатия мертвых деревьев, растений и других органических веществ древних лесов, окаменелые растительные остатки органического происхождения.

Ископаемое топливо – уголь, газ и нефть – имеют бóльшую плотность энергии, чем ветки и стволы, поэтому для производства того же количества энергии их нужно гораздо меньше. Большая плотность энергии позволяет легче и дешевле перемещать их. Но тут мы сталкиваемся с проблемой: сжигание основанных на углеводе материалов – бревен, угля, газа – высвобождает запасенную энергию не только в форме тепла и света, но также и CO₂, захваченного растениями во время фотосинтеза. Возможно, трудно представить, что кажущаяся такой огромной атмосфера Земли не может поглотить весь CO₂, который мы производим, сжигая углеводородные энергоресурсы, но она действительно не может. Хотя за всю историю Земли уровень CO₂ поднимался и падал, эти изменения всегда протекали постепенно. Сегодня происходит нечто совсем иное: беспрецедентно быстрое возвращение огромного количества CO₂ в атмосферу.

После долгого периода относительной стабильности^[53] содержание в атмосфере углекислого газа (измеряемого в миллионных долях [млн-1]) значительно возрастает начиная с 1800 г.

Всего за пару веков население земного шара выбросило в атмосферу такое количество CO₂, на накопление которого ушли миллионы лет. Согласно некоторым оценкам, каждый галлон^[54] (3,8 л) бензина – это продукт, полученный из 100 т растительного материала^[55]. Повышение в атмосфере уровня CO₂, высвобождаемого из-за интенсивного сжигания горючих ископаемых, значительно изменило динамику климата и океаны планеты, что, с большой вероятностью, будет иметь ужасные последствия как для Земли, так и для человека.

Сжигание горючих ископаемых загрязняет атмосферу и другими способами. Обычный уголь, который используется для отопления или получения электроэнергии, при сжигании выделяет в воздух вещества, которые в нем находились, такие как ртуть, сера и взвешенные частицы (сажу), угрожающие здоровью людей. Это имеет серьезные и поддающиеся количественной оценке последствия. Тогда как я понимала вред сжигания угля чисто теоретически, Майкл Гринстоун, один из экономистов в области энергетики Энергетической инициативы МТИ в годы моего президентства, представил мне его воочию. Гринстоун рассказал о работе, связанной с Китаем, которую он вместе с коллегами проделал, скрупулезно изучая информацию о состоянии здоровья людей. Между 1950 и 1980 гг. Китайский совет по энергетической политике^[56] предоставлял бесплатный уголь для отопления гражданам, проживающим к северу от реки Хуанхэ. Как обнаружили ученые, у людей в отапливаемых углем поселениях продолжительность жизни была на 5,5 года меньше, чем у тех, кому правительство не предоставляло угля, – огромная разница, которую почти целиком можно объяснить смертью от сердечно-легочных заболеваний, возникающих из-за воздействия находящихся в воздухе взвешенных частиц, остающихся после сжигания угля.

Если сегодняшние проблемы из-за переработки горючих материалов недостаточно пугают, то нельзя забывать, что они могут и усугубиться. По всей видимости, к 2050 г. мировая потребность в горючих ископаемых^[57] удвоится по двум причинам. Во-первых, население планеты идет к тому, чтобы за следующие 30 лет увеличиться с сегодняшних 7,6 млрд человек^[58] до более чем 9,5 млрд. Во-вторых, если все будет хорошо, на что мы смеем надеяться, все бо́льшая часть мирового населения будет богатеть; таким образом, все большее количество людей получит доступ к интенсивному с точки зрения энергоснабжения образу жизни, которым сейчас наслаждаются живущие в развитых странах. Сегодня каждый американский потребитель в среднем^[59] использует более 13 000 кВт/ч ежегодно, в то время как в Бангладеш^[60] это число составляет всего 300 кВт/ч за год. Что произойдет, если больше людей начнут потреблять электроэнергию в огромных количествах? Является ли загрязнение и все его опасные последствия необходимым злом? Или ученые и инженеры смогут изобрести и внедрить новые способы решения этой проблемы?

Мир в высшей степени богат альтернативными источниками энергии. Это и солнечное тепло, и освежающее дуновение летнего бриза, и сила рек и водопадов, и мощь океанского прилива. Я мечтаю увидеть тот день, когда эти альтернативные источники энергии смогут соответствовать всем нашим нуждам. Помню, как однажды мы с отцом отправились в идиллическое плавание под парусом, и я зубоскалила над подвесным мотором, который папа установил на корму нашей лодки, как это только может делать пурист подросткового возраста. Тем не менее мое мнение быстро изменилось, когда свежий утренний бриз стих, оставив нас вдали от берега. Столкнувшись с перспективой провести целый день (а то и ночь) в открытом море, я неожиданно обрадовалась тому, что можно поджечь топливо (какое бы оно ни было) и вернуться на берег. Тут уж я об окружающей среде и не подумала. В подобных случаях мы часто полагаемся на горючие ископаемые, когда они требуются нам в повседневной жизни, чтобы отапливать дома, перевозить нас и все товары, которые нам нужны, по всему миру, чтобы дать питание на электросеть. И большинство из нас даже представить себе не может, как от них отказаться.

В последние десятилетия мы разработали великолепные новые технологии, превращающие силу солнца и ветра в электрическую энергию. Эти технологии постоянно становятся лучше и дешевле. Но есть один подвох: хотя мы научились собирать и преобразовывать эту энергию, мы не слишком хорошо умеем сохранять ее для дальнейшего использования. Яркое солнце пустыни дает более чем достаточно энергии, чтобы согреть нас в холодные вечера, а ветра, яростно дующие во время урагана, могли бы обеспечить электричеством во время затишья, но мы пока не понимаем, как эффективно и дешево сохранять эту энергию. Прерывистая генерация энергии – одна из самых трудных задач, поджидающих нас при попытке заставить альтернативные

источники энергии работать на практике. Если ученые и инженеры смогут разработать аккумуляторы, позволяющие нам справиться с этой проблемой, сопряженной с солнцем, ветром и другими альтернативными источниками, то мы сможем использовать эту чудесную, экологически чистую и широко распространенную энергию для всех наших нужд.

Еще в начале своей карьеры Энджи Белчер поняла, что, возможно, у нее есть средства, которые помогут решить проблему. Добившись успеха в том, что в своей первой заявке на грант она называла “эволюцией” вирусов в варианты, способные “организовать” небιологические материалы, такие как арсенид галлия и кремний, в полупроводники, она начала размышлять о том, как можно использовать эти новые инструменты для создания аккумуляторов. Ее работа была своевременной и прекрасно отвечала зарождающемуся тренду.

Результаты работы Белчер с вирусами и полупроводниками дали ей уверенность в том, что вирусы способны организовывать материал на наноуровне. Она начала экспериментировать, чтобы выяснить, как далеко можно зайти в использовании биологических организмов для того, чтобы небιологические элементы превратились в полезные системы. “Я хотела знать, – рассказывала она, – какие из элементов периодической таблицы мои вирусы смогут использовать для создания новых структур”. Не на все элементы вирусы накидывались с одинаковой жадностью. Но исследовательница выяснила, что металлы и оксиды металлов работают достаточно хорошо. Это ее порадовало, потому что она обратила внимание на то, что связывающиеся с вирусами элементы могут быть использованы для создания электродов, которые, в свою очередь, возможно, открыли бы путь к новому, эффективному, экологически чистому и дешевому способу создать аккумуляторы. Но чтобы понять, как это, по ее мнению, можно сделать, нам вначале надо разобраться, что же такое аккумуляторы.

Как и многие другие инструменты и технологии, жизненно необходимые в нашем повседневном быту, батарейки изобрели не для того, чтобы решить проблему сохранения энергии, и вообще не для того, чтобы решить какую-то практическую проблему. Аккумуляторы появились из-за неутолимого желания понять мир природы в сочетании с тонкой наблюдательностью и любопытством. Тот же самое вдохновило на изобретения и Энджи Белчер.

Первая батарейка датируется 1800 г.^[61], когда Алессандро Вольта доказал, что соединенные вместе чередующиеся пластины цинка и меди, проложенные пропитанной соляным раствором тканью, могут создавать электрический ток. Эта пачка пластин получила название

“Вольтов столб”. Проще говоря, приспособление превращало химическую энергию в электрическую, переводя электроны одного металла в другой.

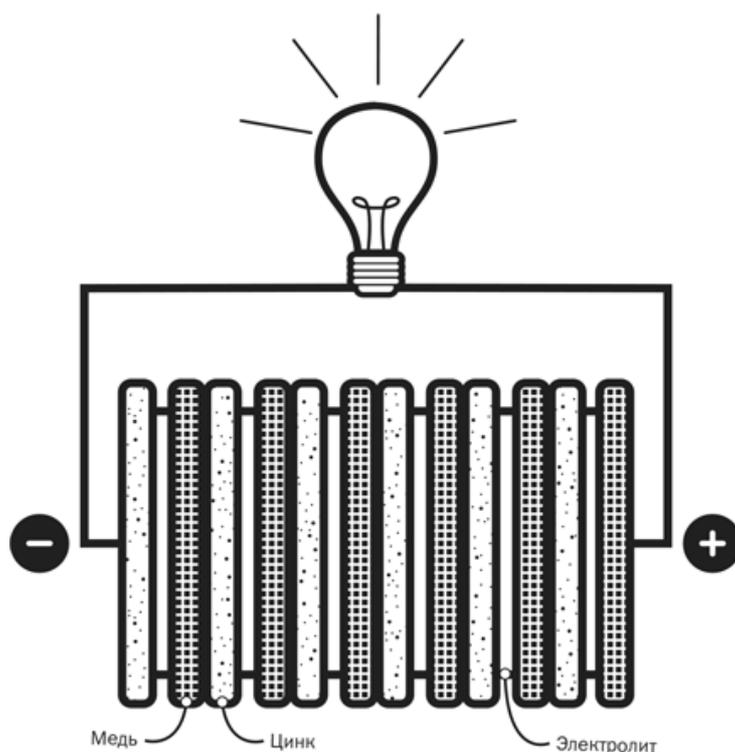
Электроны – это крошечные отрицательно заряженные частицы. В Вольтовом столбе медная пластина создает положительный полюс (катод), а цинковая – отрицательный (анод). Само по себе складывание чередующихся пластин батареи первого поколения не давало никакого заряда, но если между двумя полюсами протянуть что-то, способное проводить электричество, например металлическую проволоку, то она направит поток электронов от анода к катоду. Если подсоединить какой-либо электрический прибор, например маленькую лампу накаливания, то можно будет обнаружить возникающий в цепи ток: когда он появляется, лампочка загорается. В конце концов, когда все свободные электроны будут переданы, а металлы исчерпают способность создавать или принимать новые электроны, процесс прекратится. В этот момент батарея перестанет производить электричество, лампа накаливания погаснет, и Вольтов столб придется заменить.

Чтобы получить на выходе максимальное количество электричества, Вольта экспериментировал с разными металлами в качестве катодов и анодов и с разными жидкостями-электролитами^[62], но ему так и не удалось произвести достаточно электроэнергии для каких-либо практических целей. Тем не менее другие ученые продолжили его работу и создали батареи, которые могут питать электроприборы. Если бы Вольта побывал у нас сегодня, он, безусловно, узнал бы в батарейках прямых потомков своего Вольтова столба.

Обыкновенные батарейки можно воспринимать как приспособления для транспортировки энергии. Самые обычные батарейки ААА, которые я беру с собой в самолет, чтобы слушать музыку в наушниках, – это просто способ преобразовывать химическую энергию, которую я в любой момент могу превратить в электрическую. Когда я дома, розетка на стене является более доступным источником электроэнергии, но, когда домашнего электричества нет в распоряжении, эту лакуну заполняют батарейки. Заряжаемые аккумуляторы, как те, которые находятся внутри вашего телефона или ноутбука, гораздо лучше выполняют функцию накопления и сохранения энергии. Теряя заряд, они могут обратить этот процесс вспять, используя электричество из внешнего источника, скажем из стенной розетки. При подзарядке электроны, которые переходят из анода в катод, восстанавливаются в своем исходном состоянии в аноде. Затем может начаться очередной цикл разрядки аккумулятора.

Возможно, кто-то сочтет этот направленный в обе стороны процесс простым. Но это не так. Он требует наличия материалов, которые могут одновременно отдавать электроны и принимать их. Первая успешно действующая перезаряжаемая батарея появилась чуть больше 100 лет назад^[63]. В качестве электродов в ней использовали свинец, а в качестве электролита – серную кислоту. Эти компоненты делали аккумуляторы

тяжелыми и опасными, но тем не менее они были достаточно надежными, и в результате мы до сих пор используем свинцово-кислотные аккумуляторы во многих совершенно обычных для повседневной жизни задачах, когда требуется усиленная перезарядка. В большинстве автомобилей на наших дорогах все еще применяются свинцово-кислотные аккумуляторы. Даже в электромобилях, где для движения используются литий-ионные аккумуляторы, остаются свинцово-кислотные аккумуляторы для питания фар, вентиляторов и системы безопасности.

Примитивная гальваническая батарея состоит из чередующихся пар пластин меди и цинка со слоем электролита между каждой парой. Электроны двигаются от цинкового анода (-) к медному катоду (+) с помощью проволоки и зажигают небольшую лампу накаливания

В последние годы распространение мобильных электронных устройств подтолкнуло к развитию значительно более легких и безопасных аккумуляторов^[64]. Литий-ионные аккумуляторы теперь дают электричество нашим сотовым телефонам, карманным фонарикам и большинству портативных электронных приспособлений, но эти аккумуляторы недостаточно экономичны, эффективны и мощны, чтобы соответствовать более масштабным энергетическим запросам. Также они подвергают пользователей риску, поскольку были случаи воспламенения аккумуляторов гироскутеров и сотовых телефонов. Помимо технических ограничений самих батарей стандартный процесс их производства^[65] требует очень высокой температуры (подумайте о

расходе энергии), а также дает высокотоксичные побочные продукты. Оценки очень отличаются, но в 2017 г. Шведский научно-исследовательский институт по проблемам окружающей среды (IVL)^[66] высчитал, что при создании одного аккумулятора для электромобиля может выделяться такое количество отходов, которое эквивалентно 20 т углекислого газа^[67], получающимся при сжигании 8500 л бензина^[68]. Так что, садясь за руль своего электромобиля, прежде чем почувствовать себя поддерживающим экологию благонравным водителем, нужно оценить, во что обошлось создание аккумуляторов (с точки зрения затрат электроэнергии и выделения углекислого газа), и то, из какого источника поступает электричество для перезарядки батареи (с гидроэлектростанции или с электростанции, где сжигаются горючие ископаемые). Вдобавок к энергозатратам изготовление аккумулятора, как и многие другие производственные процессы, создает множество отходов, некоторые из которых относятся к высокотоксичным.

Если принять во внимание вышесказанное, то все доступные на сегодня варианты не соответствуют быстро растущим потребностям человека в сохранении энергии. Поиск альтернативного подхода к энергосбережению – именно это подтолкнуло Энджи Белчер к тому, чтобы вступить в игру. Разумеется, она не единственная, кто трудится над тем, чтобы создать более экологически чистые, легкие и эффективные батареи. Эта проблема занимает умы ученых всего мира, и в ближайшие годы из исследовательских лабораторий выйдут десятки многообещающих новых технологий^[69]. И Цуй, и его коллеги из Стэнфордского университета^[70], к примеру, разработали наночастицы для батарей, которые упакованы более плотно, содержат больше заряда и обещают более длительный срок службы, чем у сегодняшних аккумуляторов. Цзе Сян Шэнь из Наньянского технологического университета^[71] в Сингапуре разрабатывает натрий-ионные батареи, сделанные в виде нанолиста и потенциально являющиеся дешевой и безопасной альтернативой литий-ионным аккумуляторам. Но Белчер использовала потрясающий, революционный подход, обратившись к биологии (если говорить более конкретно – к вирусам).

В отличие от большинства живых организмов, то есть растений, животных и даже одноклеточных дрожжей и бактерий, у вирусов отсутствует большинство стандартных компонентов, необходимых для жизни. У них нет клеточных мембран, ядер или каких-либо внутренних структурных элементов, которые имеются у других живых организмов. Вместо этого они состоят всего лишь из оболочки^[72] и цепочки ДНК или РНК. И это все! Тем не менее они миллиарды лет процветают в любой экосистеме нашей планеты; существуют доказательства

существования более 300 млн лет назад^[73] вирусов, поражающих насекомых. Вирусы воспроизводятся весьма успешно, причем иногда это даже пугает. Они населяют самые разные виды сред, в том числе тело человека, и часто являются причиной смертельных заболеваний.

С точки зрения биологии вирусы являются минималистами. Но даже в своей простоте каждый вирус во многом напоминает своего прародителя точно так же, как волосы и глаза моей дочери похожи на мои. Сами по себе вирусы многого не могут. Тогда как они несут собственную генетическую информацию, зашифрованную в ДНК или РНК, им не хватает механизмов, чтобы размножить себя. Чтобы выжить и размножиться, вирусу нужен организм-хозяин. Они поражают клетки живых организмов, и, когда это происходит с нами, мы испытываем то, что называется вирусным заболеванием.

Чтобы передать генетические инструкции своим потомкам, зачастую вирусы используют те же молекулы, которые и мы используем для передачи генетической информации нашим детям^[74]. Информация в их генах и в наших генах сохраняется из поколения в поколение в молекулах нуклеиновой кислоты, ДНК или РНК. Структура нуклеиновых кислот обеспечивает две основные функции: создание точных копий самих себя (это важно для передачи генетической информации следующим поколениям) и управление формированием белков – строительных материалов любого организма.

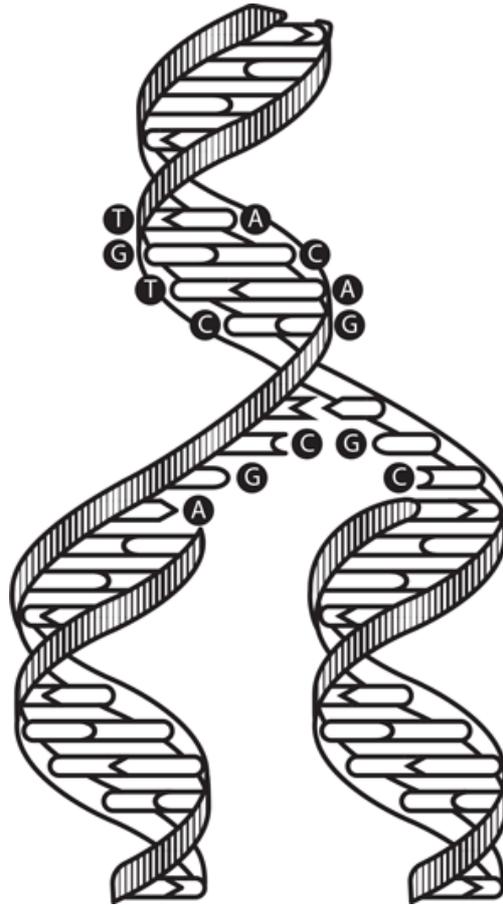
Точное дублирование нуклеиновых кислот – самое важное для передачи генетической информации от родителей к потомкам. ДНК, дезоксирибонуклеиновая кислота, имеет структуру, напоминающую винтовую лестницу, с двумя параллельными остовами, связанными рядом перекладин. Каждая перекладина состоит из пары молекул, которые называются основаниями. Выделяется четыре типа таких оснований: аденин (А), гуанин (G), цитозин (С) и тимин (Т). Два основания в каждой перекладине всегда соединяются одинаково: А с Т, а G с С. Информация, содержащаяся в нуклеиновых кислотах, записана в том порядке, в котором основания расположены друг за другом. РНК, рибонуклеиновая кислота, состоит только из одного рибофосфатного остова (а не двух дезоксирибофосфатных, как ДНК). Кроме того, в ней тимин заменяется урацилом (U). Строгое соединение оснований парами – G-C и A-T (или A-U) – обуславливает точное копирование ДНК (или РНК) в следующем поколении клеток или организмов. Во время синтеза ДНК перед делением клеток двойная винтовая конструкция ДНК разделяется по длине на две части, при этом каждая перекладина превращается в половину с одним основанием. Каждая из этих частей ДНК служит основой для создания новой половины, обусловленной строгим соединением пар А-Т и G-С.

В 1953 г., когда Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик впервые описали структуру ДНК^[75] на одной странице статьи в *Nature*, они пришли к одному из величайших выводов в истории. “От нашего внимания не укрылось, – писали они, – что особое соединение в пары, которое мы

теоретически допускаем, немедленно заставляет предположить о возможном механизме копирования генетического материала”. Это небольшое замечание не только оказалось верным, но также положило начало совершенно новой эпохе в биологии – а именно молекулярной биологии.

ДНК или РНК клетки или вируса управляет формированием белков – строительных блоков для любого организма и его функций. Последовательность оснований вдоль ДНК (или РНК) вируса – это код, который управляет структурой менее чем десятка различных вирусных белков. Подобным же образом последовательность оснований в нашей ДНК управляет структурой всех наших белков. Чтобы использовать вирусы для создания аккумуляторов, Энджи Белчер начала манипулировать в лаборатории с непатогенными штаммами вирусов, чтобы дать им возможность организовать себя в виде компонентов аккумуляторов.

Вирусы воспроизводятся с помощью потрясающего, агрессивного и очень успешного с точки зрения эволюции процесса. Не имея никаких собственных структур для большинства биологических процессов, они вторгаются в клетки других организмов и паразитируют на их механизмах репликации. Белки внешней оболочки вируса ловко связываются с особыми белками на поверхности клетки-хозяина. Некоторые вирусы встраиваются и в наши клетки: вирус гриппа внедряется в клетки органов дыхания, а вирус гепатита С – в клетки печени. Другие вирусы поражают животных и растения. Однажды прикрепившись к клетке-хозяину, вирус захватывает контроль над ее механизмами, заставляя ее воспроизводить вирус в огромных количествах. Это становится для клетки-хозяина такой непосильной ношей, что она либо замедляет свои собственные процессы, часто практически до полной остановки, либо погибает. В любом случае пораженная вирусом клетка создает целую армию вирусов, которые вторгаются в другие клетки и воспроизводятся внутри их. В результате процесс репродукции разрастается, как взрыв, и может нанести огромный вред нашему здоровью, что хорошо известно каждому, страдающему простудой, гриппом, СПИДом или гепатитами различных типов.

Структура ДНК имеет функциональные особенности, направленные на саморепликацию. В верхней части рисунка закрученная по винтовой линии двуцепочечная ДНК имеет перекладины, каждая из которых состоит из пары оснований, всегда соединяющихся одним и тем же образом: С с G, а А с Т. Во время воспроизведения ДНК основания разделяются (посередине фигуры). Каждое из оставшихся без пары оснований соединяется с подходящим партнером (А с Т и С с G) и в результате формирует две новые двуцепочечные ДНК (внизу рисунка), каждая из которых идентична первоначальной

Но несмотря на ту угрозу, которую вирусы представляют для нашего здоровья, от них мы получили огромное количество важной для науки информации. Простые, элегантные структуры сделали их чрезвычайно полезными в качестве лабораторных инструментов. Многие десятилетия ученые задействовали вирусы для изучения биологических процессов. В 1952 г. Ал Херши и Маргарет Чейз^[76] использовали их в своем эксперименте, подтверждающем, что ДНК содержит наследственную информацию, и разрешившем многолетний спор о том, как передаются генетические особенности – с помощью ДНК или белка.

Вирусы стали одним из лучших инструментов для того, чтобы перемещать ДНК и РНК из клетки в клетку. Например, в новых видах иммунотерапии рака они используются, чтобы переправить в клетки иммунной системы пациента гены, кодирующие особые белки, которые могут распознавать и уничтожать раковые клетки, позволяя иммунной системе убивать раковые клетки как чужеродных захватчиков. Вирусы на самом деле настолько хорошо перемещают ДНК и РНК, что теперь исследователи используют в качестве стандартного инструментария в своих лабораторных экспериментах множество их разновидностей, разработанных так, чтобы они не представляли опасности для человека.

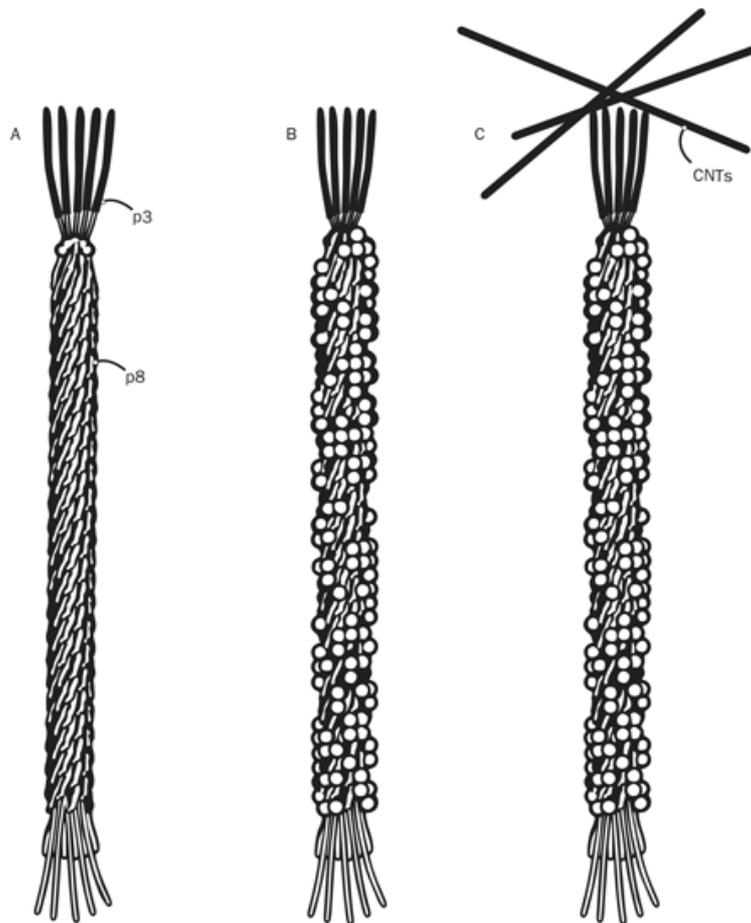
Вирусы могут иметь самые разные формы. Некоторые представляют собой икосаэдры с 20 гранями, другие – простые сферы, а некоторые выглядят как крошечные космические аппараты с посадочными опорами на конце. За очень долгую эволюцию каждый из них оптимизировал свою структуру для выживания. Разумеется, ни один из вирусов не эволюционировал, чтобы стать батареей, но Энджи Белчер определила, что структура одного из вирусов, а именно бактериофага M13, практически идеально подходит для того, чтобы решить некоторые задачи, которые стоят перед конструктором аккумуляторов. Белчер нашла, как направить эволюцию M13, чтобы превратить его в крошечную фабрику по сбору батарей. Ее основанные на вирусе M13 аккумуляторы могут сохранить больше энергии при меньшем объеме, а также эти вирусы могут создавать батареи при значительно меньшей температуре и с меньшим количеством токсичных отходов, чем при обычном процессе производства.

Чтобы добиться успехов в этом проекте, Белчер прежде всего предстояло решить две трудные задачи. Во-первых, разобраться, как организовать металлические материалы батареи, чтобы упаковать ее содержимое так плотно, как только возможно. Но просто собрать вместе материалы еще недостаточно, потому что электроны и ионы металла должны найти эффективные пути, чтобы перемещаться через материалы батареи и вокруг них. Белчер также предстояло разработать для электронов проводящие каналы, чтобы перемещаться от внешнего источника через электроды батареи. Ей была нужна частица размером в несколько нанометров, которая могла бы одновременно и связывать ионы металла, и обеспечивать передачу электронов. У M13 много качеств, которые оказались нужны исследовательнице.

Вирус M13 выглядит как трубка – чрезвычайно маленькая, чрезвычайно тонкая трубка, украшенная нитевидной бахромой. Отдельный вирус M13 имеет размеры немного меньше 1000 нанометров^[77] (нм) в длину и немного меньше 10 нм в ширину. Таким образом, пропорции M13 напоминают очень длинный вариант

лакричного карамельного жгута Twizzler длиной в шесть карамельных жгутов и шириной только в один. Трубка M13 перекручивается, что также немного напоминает жгут Twizzler, и состоит примерно из 2700 копий одного белка, который называется р8. Белки р8 расположены очень компактно и упорядоченно. Белчер распознала потрясающий потенциал M13 с точки зрения уплотнения: если каждый из этих 2700 белков оболочки превратить в место связывания, к которому присоединить важную для батареи структуру, ее основанные на M13 электроды смогут заряжаться и разряжаться с исключительной скоростью.

Белчер использовала весь инструментарий геной инженерии, чтобы изменить вирус M13 и создать аккумуляторы лучше тех, что существуют сегодня. Первоначально, чтобы определить варианты M13, которые могут особенно плотно упаковать материалы батареи, исследовательница использовала метод под названием “фаговый дисплей”, или “фаговое отображение”^[78], разработанный для изучения молекулярных компонентов иммунной системы. Белчер начала с мутации M13, чтобы создать миллиард отдельных вариантов, причем генетическая последовательность каждого из них немного различалась. Предположив, что среди этого миллиарда есть вирус с подходящими качествами, исследовательница начала тестировать варианты на способность связываться с интересующими ее материалами, с которыми обычно вирусы не соединяются, такими как золото или углеродные нанотрубки. После нескольких циклов производства вариантов M13 и выбора тех, что демонстрировали подающие надежды взаимодействия, она выделила из них несколько, которые прочно соединялись с этими материалами.

Вирус М13 можно изменить так, чтобы связать материалы для батареи. (А) Вирус М13 имеет вытянутую, цилиндрическую форму с оболочкой, состоящей из 2700 копий белка р8. На одном конце находятся нити белка р3, который обычно является посредником для прикрепления к клетке-хозяину. (В) Варианты М13 с модифицированными белками р8, что позволяет им связываться с материалами батареи, такими как оксид кобальта (маленькие сферы). Частицы оксида кобальта как бы украшают цилиндрическую основу. (С) М13 может быть модифицирован и дальше, так, чтобы белки р3 связывались с однослойными углеродными нанотрубками (УНТ)

Затем Белчер сделала следующий шаг для того, чтобы М13 стал еще более адаптируемым. Рассудив, что если они смогут изменить 2700 копий ^[79] первоначального белка оболочки р8 так, чтобы они связывались с другими основными классами молекул, то получат многофункциональный инструмент, Анджела и ее коллеги добавили в геном вируса последовательность оснований, которая давала белку р8 нить с отрицательным зарядом. Таким образом, каждый белок р8 получал “липкий” конец, который может цепляться за положительно заряженные частицы – например, за материалы для батареи, такие как оксид кобальта. Только представьте себе всю силу этого подхода: новый

вирус M13, измененный Белчер, имел 2700 “липких” концов и, таким образом, участков, которые могли связываться с положительно заряженными частицами металла.

На этом Белчер не остановилась. Получение 2700 молекул M13, чтобы обеспечить места прикрепления для компонентов батареи, стало большим шагом вперед, но ей также нужно было убедиться, что те электроны и ионы, которые должны двигаться через электроды, могут делать это с большой скоростью. Чтобы разобраться с этой проблемой, исследовательница переключила свое внимание на другой белок M13 – р3, который составляет нитевидную кисточку на одном из концов центральной трубки M13^[80]. В естественном мире белки р3 вируса M13 прикрепляются к поверхности клетки-хозяина – бактерии *Escherichia coli* (кишечной палочки), именно поэтому M13 и называется бактериофагом. Белчер рассудила, что если р3 может связываться с бактерией, то, возможно, у нее получится изменить его так, чтобы он связывался с материалами, способными служить проводниками для электронов и заряженных ионов металла, которые должны проходить сквозь батарею. Она вместе с коллегами снова использовала фаговый дисплей, чтобы определить варианты р3, годные к тому, чтобы присоединяться к одному из самых лучших из известных проводников ионов – однослойной углеродной нанотрубке.

Вся эта работа в конце концов позволила Белчер создать библиотеку вариантов вируса M13, измененных особым образом. Каждый из них мог связываться с одним или двумя материалами, полезными при создании батарей. Некоторые модификации вступали в специфические взаимодействия с такими веществами, как золото; другие – в неспецифические отношения с ионизированными материалами, так что могли взаимодействовать с заряженными частицами, такими как частицы оксида кобальта и фосфата железа. Некоторые прикреплялись к углеродным нанотрубкам, чтобы ускорить движение электронов. Были и варианты с двумя генами, пригодными для создания супервируса M13. С помощью этих новых инструментов лаборатория Белчер начала производить основанные на вирусах электроды для батарей^[81].

Я хотела увидеть эту фабрику вирусов своими глазами, поэтому пришла в лабораторию Белчер, где она назначила моим гидом одного из студентов-магистрантов, энтузиаста создания батарей нового типа Алана Рансила. Слова “энтузиаст” будет недостаточно, чтобы описать восторг молодого человека по поводу будущего способа накопления энергии или то, с какой готовностью он делился со мной своими мнениями и амбициозными планами.

Когда Рансил открыл дверь в лабораторию Белчер, все поверхности в ней были заставлены высокотехнологичными установками, а также инструментами и материалами к ним. От машины к машине целенаправленно двигался поток магистрантов, аспирантов и постдоков^[82], ныряя в различные комнаты и боксы и выныривая из них. Работа Энджи Белчер привлекает молодых исследователей со всего мира, причем они занимаются десятком различных дисциплин; в любой отдельно взятый момент в ее лаборатории работает до 20 исследователей, каждый остается на срок от шести месяцев до нескольких лет. Рансил получил степень бакалавра в Стэнфордском университете, где занимался разработкой новых материалов для солнечных батарей, но теперь он стал доморощенным экспертом по созданию батарей в новых формах, например в виде браслета для часов или торпедо автомобиля. Геран приехал из Новой Зеландии, где работал с технологиями материалов, а сейчас занимается разработкой основанных на сере электродов батарей с большой емкостью. Нимрод, биолог из Израиля, в настоящее время работает над технологией 3D-печати батарей на основе бактериофагов. Это настоящая “организация объединенных наций”, состоящая из подающих надежды энергичных профессионалов со степенями в области прикладной физики и химического производства, биологии, материаловедения из Турции, Индии, Японии, Америки, Китая, Канады, Великобритании, Германии, Кореи и т. д. Над своими проектами они работают с такой потрясающей целеустремленностью, что сложно сказать, какие новые возможности могут появиться из их бесед в коридорах. Что, если получится создать вирусы, которые могут превращать природный газ в бензин? Возможно ли изобрести новый способ визуализировать маленькие группы клеток опухолей, чтобы онкохирургия стала более эффективной?

Большинство этих “сумасшедших” идей быстро выбраковываются, но несколько нашли свое развитие за стенами лаборатории. Одна из компаний, выросших из лаборатории Белчер, – Silurn – превращает природный газ в бензин и другие виды жидкого топлива, обещая найти более дешевый способ транспортировки и хранения метана и газа. Другой проект, начатый в лаборатории, недавно перешел в стадию клинических исследований, проверяющих, не может ли новая технология формирования изображений, разработанная Белчер и ее коллегами, сделать более эффективными операции при раке яичников и повысить выживаемость пациентов.

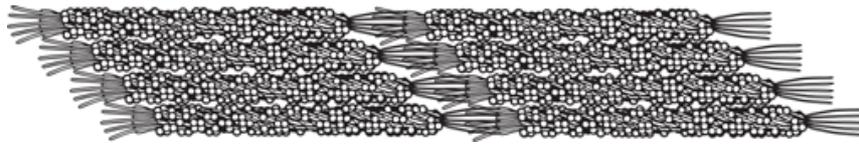
Во время экскурсии по лаборатории Рансил вел меня из комнаты в комнату, показывая все этапы создания основанной на вирусе батареи. Зайдя в помещение, где находились холодильники, в которых хранилась библиотека вирусов Белчер, Алан открыл один из них и показал десяток коробок, представляющих собой квадраты со стороной размером примерно по 12 см. Он взял коробку, вытащил одну из 144 аккуратно подписанных пробирок, вернул коробку на полку и закрыл дверцу холодильника. Он действовал быстро, чтобы повышение температуры в

холодильнике, где поддерживается $-80\text{ }^{\circ}\text{C}$, было минимальным и не произошла деградация образцов в библиотеке вирусов.

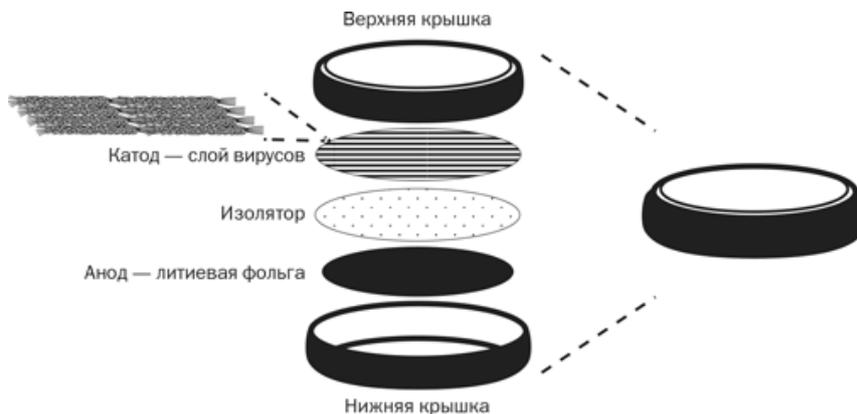
Рансил заранее подготовил колонию бактерии-хозяина для внесения вирусной инфекции. Я наблюдала, как он осторожно размораживает образец вируса, а затем добавляет его к бактерии, позволяя вирусу ее инфицировать. В течение следующих 12 часов исследователю предстоит вырастить инфицированную культуру бактерии, во-первых поместив ее в питательную среду в маленькой колбе, вращающейся на аппарате для перемешивания при $37\text{ }^{\circ}\text{C}$ (температура человеческого тела). Затем он поместит ее в более крупный сосуд, а потом – в еще более крупный. После этого Рансил очистит вирусные частицы, которых стало в 10^{16} больше, от бактерии-хозяина. Он показал мне различные этапы, перенося материал с лабораторного стола при комнатной температуре в холодную комнату, перемешивая до получения однородного раствора на столике с подогревом. Каждый шаг был тщательно рассчитан для того, чтобы очистить компоненты, а затем соединить их вместе в правильный момент в самой оптимальной концентрации. Переходя от одного рабочего места в лаборатории к другому, мы часто останавливались у графика на стене в коридоре, чтобы проследить за этапами создания батареи, основанной на вирусе. Весь процесс чем-то напоминал приготовление блюда по описанию в кулинарной книге, если не считать того, что Рансил и его коллеги сами написали все рецепты и постоянно работают над тем, чтобы их улучшить.

Наконец, после смешивания, выращивания, очистки, перемешивания, взвешивания и высушивания пришло время собрать батарейку. Мы вошли в помещение лаборатории, где нас приветствовал целый отряд затянутых в черную резину кистей и предплечий рук с растопыренными пальцами, торчащих из длинной камеры со стеклянными стенами, внутри которой находился лабораторный стол. Рансил объяснил, что резиновые руки – это на самом деле перчатки, которые раздуваются из-за постоянного давления аргона, наполняющего камеру. Аргон химически неактивен и относительно дешев, он поддерживает среду внутри камеры практически свободной от кислорода и влажности окружающего воздуха, который разрушил бы компоненты батареи еще до сборки.

Рансил сунул руки в пару перчаток и проник ими в камеру так, что мог работать внутри наполненного аргоном пространства. Используя пару пинцетов, он разместил набор компонентов в плоском, округлом корпусе батареи. С одной стороны Алан положил ультрачистый лист лабораторной бумаги и начал собирать батарейку. Первым слоем шел диск литиевой фольги, которая служит анодом. Затем Рансил добавил несколько капель раствора электролита, изолятор^[83] из пластмассы и еще несколько капель электролита, а затем еще один диск, похожий на кусок фольги, но теперь уже являющийся катодом батареи.

Структура M13 способствует самоорганизации в листы электродного материала

Сборка вирусной плоской круглой батарейки. Слой литиевой фольги служит анодом, а слой модифицированных вирусов M13 – катодом. Все слои компонентов запечатываются вместе в корпусе плоской круглой батарейки

Рансил добавил еще несколько капель электролита, закрыл корпус батареи, плотно зажал его и объявил, что батарейка готова.

Батарейка Рансила выглядела точно так же, как и напоминающие монетки батарейки, которые я меняю в своих наручных часах. Снаружи они были одинаковыми. Лаборатория Белчер пакует инновационные, основанные на биологии компоненты батарейки в стандартные корпуса для использования в обычных электронных приспособлениях.

Мне всегда нравились лаборатории. Я люблю их вид, запах и приборы. Но больше всего я люблю кипучую деятельность и всеми разделяемый дух сотрудничества, которые делают невозможное возможным. Лаборатория Белчер во многом напоминает мою нейробиологическую лабораторию, но у меня просто ум за разум заходит, когда я пытаюсь осмыслить инженерное мастерство, которое Энджи Белчер соединила с биологией таким необыкновенным и непредсказуемым образом.

Не так давно, когда мы разговаривали о будущем энергетики, Белчер пришлось покинуть нас ради мозгового штурма, который она регулярно проводит с членами своей группы. “Я их просто обожаю, – сказала она. – Когда мы все собираемся вместе и кому-то в голову приходит новая идея, у меня просто мурашки бегут по коже”. Я прекрасно знаю, что она имеет в виду – магию совместного мышления. Уникальный междисциплинарный склад ума Белчер – это своего рода гениальность,

и она имеет дар, позволяющий ее развивать и поддерживать. Именно поэтому в 2004 г. Энджи получила стипендию Фонда Макатуров, “грант для гениев”.

Шаг за шагом Белчер использовала свои новые, разработанные на базе вирусов инструменты и методы для того, чтобы собрать все необходимые для батарейки компоненты. В 2006 г. она сообщила об успешном создании основанного на вирусах анода^[84], а в 2009 г. – катода^[85]. Идея о том, что вирусы могут быть использованы для того, чтобы улучшить два ключевых компонента батареи, привлекла всеобщее внимание. Когда осенью 2009 г. президент Барак Обама посетил МТИ^[86], чтобы заострить внимание на целенаправленных усилиях всей нации по созданию рациональной стратегии будущего энергетики, мы показали ему несколько многообещающих энергетических технологий, в том числе и основанные на вирусах батареи. После того как Белчер объяснила президенту, что ее целью является открытие новых материалов для новаторских процессов биологического производства, она передала ему карманную периодическую таблицу, объяснив, что ее можно использовать, “если когда-либо окажетесь в безвыходном положении и вам нужно будет узнать молекулярный вес вещества”. Ничуть не смутившись, Обама ответил: “Спасибо, я буду периодически в нее посматривать”.

Производство аккумуляторов сегодня относится к энергозатратным процессам, в результате которых выделяются токсичные отходы. Тем не менее, совсем как раковина галиотиса, батарейки Белчер, производимые с помощью вирусов, собираются легко и просто. Ее работа является важным вкладом в решение наших проблем сбережения энергии, и Белчер по праву гордится тем, что сделали они с коллегами. “Эти биологические батарейки, – сказала она мне, – изготавливаются при комнатной температуре, в них не используются органические растворители, и в процессе производства в окружающую среду не выбрасываются токсичные материалы”. По сравнению с обычными процессами изготовления батарей^[87], которые в фазе производства могут требовать температуры около 1000 °С и выделять загрязнения, эквивалентные 150–200 кг CO₂ на кВт/ч работы батареи^[88], подход Белчер предлагает значительное усовершенствование для решения наших проблем энергосбережения.

Но Белчер не останавливается на достигнутом. Следующий вопрос, который ее занимает, – способно ли ее передовое технологическое достижение – основанные на вирусах аккумуляторы – добиться лучших результатов при транспортировке и сохранении энергии. Вместо того чтобы просто добавлять вес к машине, могут ли они принять форму приборного щитка, чехла на кресле или дверной панели? Это могло бы

стать технологическим прорывом, который вывел бы основанные на вирусах батареи из лаборатории МТИ на рынок вслед за другими стартапами, берущими свое начало в лабораториях.

Белчер уверена, что будущее энергетики станет совсем не таким, как ее настоящее, и эту уверенность разделяют многие первооткрыватели в области энергетических инноваций. Она осознает, что наш топливно-энергетический комплекс не всегда будет зависеть от нефти. Это признавал даже шейх Ямани, министр нефти и минеральных ресурсов в Саудовской Аравии, занимавший пост с 1962 по 1986 г., в период, когда производство неочищенной нефти в мире увеличилось более чем в два раза^[89]. “Каменный век, – однажды сказал он, – закончился не потому, что у людей не хватало камней, и нефтяной век закончится не потому, что нам не будет хватать нефти”.

Конечно, нефтяной век еще не кончился. Но, поставив на службу разработки биологов, Энджи Белчер и ее коллеги считают, что смогут положить ему конец.

Глава

3

Вода, вода, везде вода

В конце 1980-х гг. Питер Агре^[90] случайно сделал открытие, которое изменило наше восприятие воды. Получив должность врача-исследователя в гематологическом отделении университетского Медицинского центра имени Джона Хопкинса в Балтиморе, Агре хотел заняться белком, вызывающим гемолитическую анемию (резус-конфликт)^[91] – расстройство, которое может нанести ужасающий вред развитию плода. Красные кровяные тельца (эритроциты) имеют на своей поверхности антиген Rh, и, когда у матери его нет, а у плода есть, ее иммунная система атакует эритроциты плода. Эта иммунная атака может убить красные кровяные клетки плода, лишив его кислорода и вызвав ряд проблем, а иногда даже смерть. Хотя в защите младенцев от резус-конфликта был достигнут огромный прогресс, на тот момент еще никто не определил белок Rh и не пришел к заключению о его функционировании.

Агре решил изучить это. Он следовал классической стратегии^[92], выделив из мембран красных кровяных телец достаточно белка Rh, чтобы определить его раз и навсегда. Взяв большой объем эритроцитов, он отделил только клеточные мембраны. Затем ученый тщательно разработал последовательность действий, чтобы изолировать белок Rh от других белков, имеющих в мембранах красных кровяных телец. Но, перейдя к последнему этапу, к своему смятению и испугу, Агре обнаружил посторонний элемент – нежелательного “гостя”, который незамеченным прокрался вместе с белком Rh через тщательно разработанные ученым этапы очистки. Неважно, насколько осторожно действовал Агре, каждый раз, когда он проводил эксперимент, этот посторонний элемент был тут как тут.

Это просто сводило с ума. Всем ученым, занимающимся лабораторными исследованиями, знакомо подобное чувство. Вы принимаете все предосторожности, вы проверяете и перепроверяете, а затем ваш тонко очищенный образец оказывается... Ну, не таким уж чистым. Вначале вы не верите результатам. Затем подозреваете, что проблема в технологии. Потом ощущаете мерзкое до тошноты поражение. Тем не менее в конце концов вы начинаете прорабатывать длинный список возможных объяснений. Именно этим занялись Агре и его коллеги. Первоначально он надеялся на самый наилучший расклад – на то, что посторонний белок окажется фрагментом белка Rh. Но дальнейший анализ показал, к его

разочарованию, что нежелательный элемент не был фрагментом белка Rh, но являлся неким ранее неизвестным белком. Агре понятия не имел, что он из себя представляет и какую функцию выполняет. И конечно, он не мог и предполагать, что, пытаясь изолировать посторонний элемент, в конце концов станет лауреатом Нобелевской премии 2003 г. по химии^[93] и откроет революционные возможности очистки всех запасов пресной воды в мире.

Мы не можем жить без воды. Содержание воды в организме составляет более 50 %^[94], и мы используем имеющиеся на планете запасы для питья, сельского хозяйства, транспорта, производства т. д. Вода есть везде – около 1364 миллиардов миллиардов (1364×10^{18}) литров покрывают примерно 70 % поверхности Земли. Но почти весь этот объем – примерно 95 % – соленая вода океанов^[95], которую мы не можем ни пить, ни использовать для полива или каких-либо еще наших нужд.

Для того чтобы жить, нам нужна пресная вода, но она составляет менее 5 % от общего объема воды на Земле. И большая часть ее находится в ледниковых пластах, почве и атмосфере. Для использования доступен только 1 % запасов пресной воды на планете, и этого уже недостаточно, чтобы жизнь оставалась такой, к какой мы привыкли. Более 1 млрд человек сегодня нуждаются в питьевой воде^[96], а засуха поражает как развивающиеся, так и развитые страны. Нам нужно больше пресной воды; самые очевидные способы ее получения – это опреснение и очищение загрязненной соленой воды^[97], которая существует вокруг нас в огромных количествах.

Очищение воды уже очень давно стало необходимым для выживания человечества. Еще в древнеегипетских рисунках^[98], датируемых 1500 г. до н. э., отражена очистка воды с помощью фильтрации, а Аристотель описал процесс дистилляции^[99]. Хотя с тех пор мы достигли больших успехов в этом деле, человечество по-прежнему в основном полагается на эти две основные технологии. И даже спустя 4000 лет усовершенствований очистка воды с помощью дистилляции и фильтрации^[100] остается слишком медленной, слишком дорогой и слишком неэффективной с точки зрения энергозатрат, чтобы соответствовать нашим всевозрастающим требованиям. Нам нужны совершенно новые подходы к очищению воды. И открытие, сделанное Питером Агре в 1992 г.^[101], обеспечило абсолютно новую, очень соблазнительную возможность, пусть даже автор и не подозревал о ней в то время. Как оказалось, ответ на все

наши проблемы с водой может лежать внутри наших тел, в таинственном белке, обнаруженном Агре.

В 1988 г. Агре опубликовал статью^[102], где сообщалось о новом белке красных кровяных телец. В ней автор признался, что роль белка остается “неопределенной”, – достаточно унижительное заявление для любого ученого. Агре был озадачен тем, что может делать таинственный белок, но несколько не продвинулся в решении этой загадки, пока они с семьей не отправились в путешествие в 1991 г.

Агре и его родные обожали выезды на природу и часто проводили каникулы с палатками в национальных парках. В тот год, когда они с женой спросили детей, в какой парк они хотят отправиться, те мгновенно и единодушно дали ответ – Диснейуорлд! Поэтому в тот год семья отправилась во Флориду. Вместо того чтобы потакать желаниям своих детей, Агре и его жена, как и все хорошие родители, сделали по-другому: они решили остановиться в национальном парке Эверглейд. Все же мнение детей они приняли к сведению и долгий обратный путь разнообразили остановкой в Диснейуорлде, встав лагерем в парке Йеллоустон. После этого, уже на пути в Балтимор, семья заехала в Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл, чтобы встретиться со старым другом и наставником Агре доктором Джоном Паркером. Это решение оказалось судьбоносным.

Паркер, клинический врач, гематолог и онколог^[103], был наставником Агре во время клинической подготовки. Как часто случается, Джон Паркер по-прежнему давал советы Питеру. Именно он порекомендовал молодому исследователю заняться изучением мембран красных кровяных телец. Во время своего визита к Паркеру после Диснейуорлда Агре продолжал думать над лабораторной загадкой и поделился с наставником своими сомнительными результатами. Он рассказал, как таинственный белок незаметно преследовал белок Rh во время тщательно проработанных, требующих большого количества времени процедур очистки и как он в больших количествах был обнаружен в почках, где нет белка Rh. Как Агре ни старался, он не мог понять, что это за загадочный белок. Паркеру не потребовалось много времени, чтобы найти решение. Поняв, что и клетки почек, и красные кровяные тельца пропускают через свои мембраны много воды, Джон Паркер пришел к выводу, что Агре мог открыть водный канал, который долгое время являлся предметом поиска, но все время ускользал от исследователей. Таинственный белок Агре мог дать ответ на вопрос, который долгое

время занимал умы ученых: как вода проходит через клеточные мембраны?

Ученые давно осознали важность этого вопроса. Каждая из примерно 37,2 трлн клеток, составляющих наши тела^[104], тщательно отслеживает и регулирует, сколько воды проходит через ее мембраны. Некоторые исследователи в теории предполагали, что должен существовать уникальный канальный белок^[105], но, несмотря на огромные усилия, проводящий воду белок не был обнаружен. У гематологов был особый интерес к тому, как достигается нужный водный баланс внутри клетки и вне ее, потому что красные кровяные тельца нужны для того, чтобы поддерживать правильное количество воды внутри организма, чтобы выполнять свою работу по переносу кислорода от легких к другим тканям тела, а затем возвращать в легкие углекислый газ. Только наполнившись водой, эритроциты могут нести свой жизненно важный груз. Поэтому если такие канальные белки, пропускающие воду, и существуют, то можно ожидать, что в красных кровяных тельцах они будут обнаружены в избытке.

Понимая важность регулирования воды в организме для жизнеспособности клеток, многие ученые пытались обнаружить канальные белки. В процессе осмоса вода пассивно протекает в клетку и вытекает из нее, причем направление потока определяется концентрацией того, что растворено в воде с каждой стороны клеточной мембраны. Осмос уравнивает концентрацию растворов по обе стороны мембраны или фильтра. Проще говоря, если водопроницаемый фильтр разделяет чистую и соленую воду, то чистая вода будет течь через фильтр, пока не разбавит соленую до такой степени, чтобы концентрация раствора по обе стороны фильтра была одинаковой.

Но как вода проходит через клеточную мембрану? Когда Агре и Паркер встречались в 1991 г.^[106], большинство ученых считали, что воде не нужны специальные поры или каналы, чтобы попадать внутрь клеток и вытекать из них. Общепринятой была модель, гласящая, что вода естественным образом проходит через клеточные мембраны так, как она протекает через фильтры^[107].

Несмотря на эту общепринятую модель транспорта воды, неканоническая идея Паркера о том, что существует таинственный белок, проводящий воду, заинтриговала Агре. Но он задался вопросом, стоит ли игра свеч. Сможет ли он действительно опровергнуть признанную научную модель, изучив белок, в существование которого большинство людей не верит? Он знал, что все усилия могли оказаться напрасной затеей, как это было со многими учеными, которые бесплодно искали водные каналы. И это занятие, несомненно, отвлекло бы Агре от его исследований белка

Rh. Мудрым решением было бы отказаться от этой идеи. Но Питер решил продолжить свою сумасбродную затею.

Поиски таинственного белка требовали, чтобы Агре изменил направление работы своей лаборатории. Чтобы доказать, что этот белок действительно является водным каналом, он решил проверить его функцию в клетках различного типа, тех, которые обычно не пропускают воду через свою мембрану. Агре и его коллеги определили последовательность ДНК^[108], кодирующую таинственный белок, и скопировали ее в РНК. РНК, помещенная в другую клетку, заставила бы ее производить таинственный белок. Агре планировал получить этот белок из тестовой клетки, чтобы определить, будет ли он, как предполагал Паркер, создавать водные каналы и транспортировать воду через клеточные мембраны.

Для проверки идеи Паркера Агре использовал икру лягушек. Почему именно ее? Потому что знал, что икра, погруженная в пресноводный пруд, остается круглой и наполненной всеми веществами, необходимыми для питания развивающегося головастика, в течение многих дней. Даже при очень высокой концентрации солей и белков лягушачья икра казалась непроницаемой для воды, что позволяло предположить: окружающая ее мягкая мембрана не имеет механизма для транспортировки воды внутрь и вовне.

Агре разработал незамысловатый тест. Во-первых, он поместил РНК таинственного белка в часть лягушачьей икры^[109], а в другую, контрольную группу впрыснул воду. Ученый рассудил, что введенная в икринки РНК должна заставить их производить таинственный белок. После нескольких дней, проведенных в физиологическом растворе, обе группы выглядели одинаково. Но тут пришло время самого теста: Агре погрузил их в чистую воду. Контрольная группа вела себя как обычная лягушачья икра – с ней ничего не произошло. Но икринки с таинственным белком, как с восторгом рассказывал мне Питер, “взорвались, как попкорн”.

В чем же была разница? Агре смог прийти только к одному выводу: РНК таинственного белка создала белок водных каналов, который пронизал мембраны икринок. Когда содержание соли внутри икринок и вне их находилось в равновесии, обе группы икры выглядели одинаково. Но когда их поместили в чистую воду, водные каналы в икринках, куда была впрыснута РНК, пропустили воду в клетки, доведя их до точки взрыва.

Доказательство! С помощью счастливого случая и великолепной “розыскной деятельности” Агре нашел тот самый неуловимый водный канал. Он назвал его “аквапорин”^[110]. Вскоре стало ясно, что ученый открыл только первый белок из, как нам известно сегодня,

целого семейства аквапоринов^[111], которые обнаружили буквально во всех организмах на Земле: в животных и растениях, в бактериях и грибах.

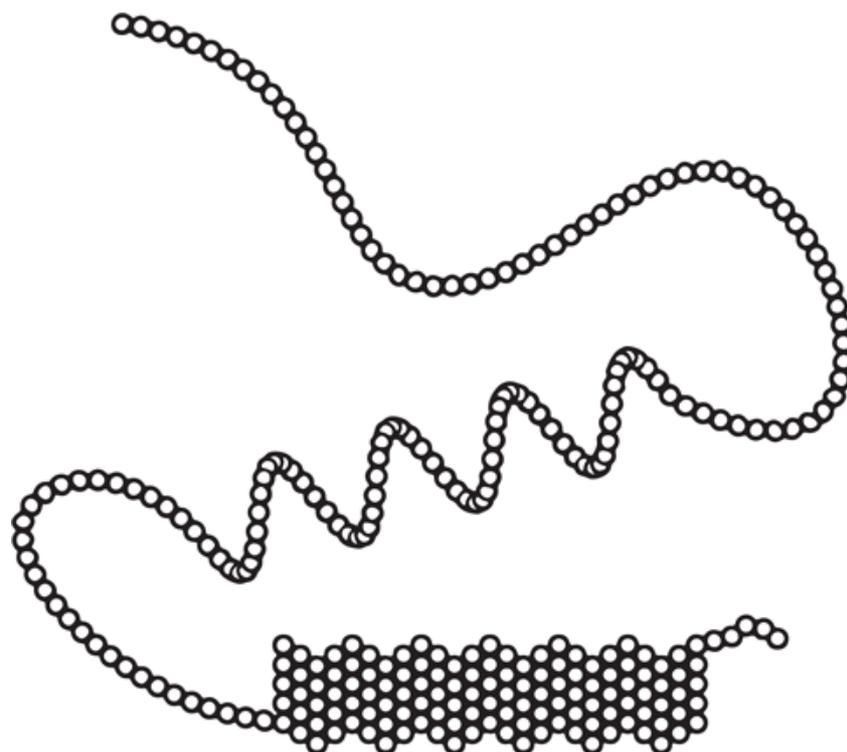

Благодаря великолепному биологическому исследованию Агре водные каналы оказались в руках не только ученых, но и инженеров, и предпринимателей, некоторые из которых теперь надеются применить аквапорины для масштабной очистки воды. Чтобы понять, как водные каналы работают в клетке и как их можно приспособить для очищения воды, нам нужно разобраться, что такое белки и как они действуют.

Мне нравится представлять себе белки как маленькие механизмы, каждый из которых разработан для того, чтобы выполнять конкретную работу в клетке или ткани. Механистическая аналогия может помочь нам понять, что они делают. Функция аквапоринов немного напоминает работу ворот на парковке автомашин, которые пропускают только те автомобили, которые оборудованы особым знаком. Структура канала аквапорина^[112] – своеобразные “ворота” – распознает атомные характеристики воды и позволяет входить в клетку и выходить из нее только молекулам с определенными характеристиками. Она блокирует соли, кислоты и другие молекулы.

Тем не менее в отличие от “ворот” компоненты “белковой машины” не сделаны из металла и пластика. Белки – это скорее нити с бусинами, соединенными в очень строгом порядке.

Бусины на этих нитях белка^[113] – аминокислоты, они представлены в 20 разновидностях. Нити аминокислот свиваются в четко упорядоченные структуры, которые формируют части белкового механизма. Две важные характерные черты определяют особую структуру и функцию каждого белка. Во-первых, бусины аминокислот каждого белка расположены в уникальном порядке. Разнообразие аминокислот может быть только 20, но если вы представите, что белок содержит более сотни аминокислот, то комбинаций их может быть великое множество. Во-вторых, одни аминокислоты притягиваются, а другие отталкиваются. Эти силы притяжения и отталкивания являются причиной того, что каждая нить аминокислот завивается в особую форму; именно эта форма позволяет белку выполнять свои функции.

Белки состоят из последовательности аминокислот, напоминающих бусины, нанизанные на нить. Порядок аминокислот определен порядком оснований нуклеиновых кислот в ДНК (или РНК). Химические свойства каждой из 20 стандартных аминокислот определяют структуру белка посредством притяжения и отталкивания с другими аминокислотами в белковой нити. Эти силы могут заставить части белка завиваться по спирали (в середине белковой нити), складываться в широкую полосу (внизу нити) или принимать другие формы

Функции белков могут быть самыми разными. Одна семья белков обеспечивает каналы для проникновения различных веществ сквозь клеточные мембраны. Эти проводники или каналы чрезвычайно избирательны, пропускают в клетку или из клетки только одну молекулу или их ограниченный набор. Некоторые каналы проводят свой груз в одну сторону, что позволяет молекулам двигаться в одном направлении – в клетку или из нее. Другие “ворота” являются двусторонними, пропуская груз в обоих направлениях. Некоторые каналы пропускают натрий, другие – хлор, а некоторые – как это продемонстрировал Агре своим открытием аквапоринов – воду.

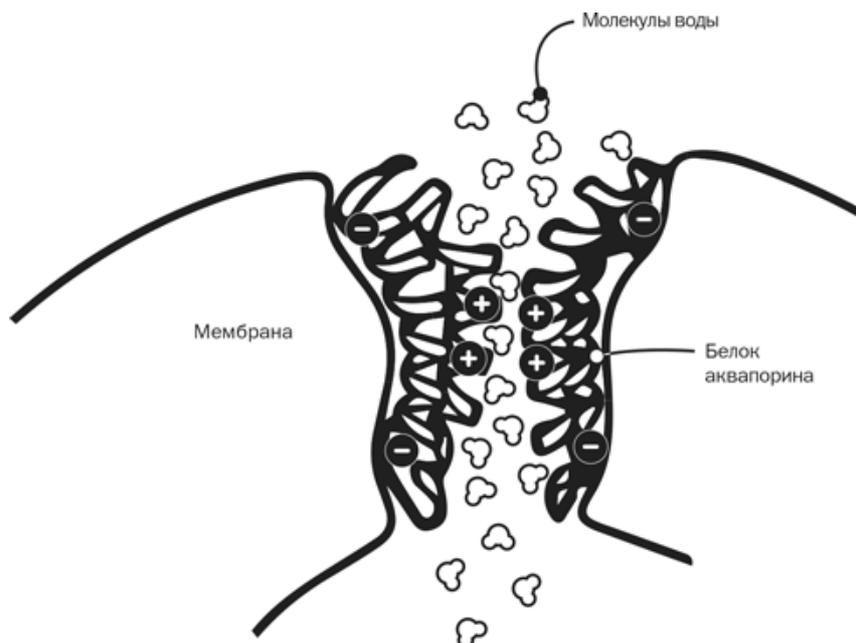
Доказав, что его таинственный белок функционирует как водный канал, ученый приступил к исследованию мира аквапоринов. Определив всю последовательность аминокислот в белковой нити аквапорина, он выяснил, что нить закручивается и завивается в форме^[114], которая напоминает песочные часы с очень узким

горлышком. Высота этих “песочных часов” определяется толщиной клеточной мембраны, а их центральная часть служит чрезвычайно избирательным каналом, который может пропускать воду в обоих направлениях (как внутрь клетки, так и наружу).

Четкие изгибы нити аминокислоты располагают отдельные кислоты на определенных позициях. Каждая аминокислота имеет свои собственные свойства: некоторые заряжены положительно, а другие – отрицательно; одни отталкивают воду, а другие притягивают; есть те, которые отталкивают жирные вещества, такие как липиды, формирующие биологические мембраны, а есть те, которые их притягивают. Агре и его коллеги доказали, что аминокислоты в нити аквапорина размещены так, что аминокислоты, притягивающие липиды, формируют внешнюю поверхность “песочных часов” (и взаимодействуют с липидной клеточной мембраной), а аминокислоты, притягивающие воду, находятся на внутренней поверхности.

Но что именно в аквапорине позволяет воде проникать в клетку и выходить из нее, не пропуская все остальное? Агре исследовал аминокислоты, выстилающие “горлышко” канала, и обнаружил, что стенки, которые тянутся вдоль поры канала, имеют противоположные положительные и отрицательные заряды^[115], пропускающие в канал молекулы воды – и только их.

Секрет избирательности аквапорина к воде связан с ее атомной структурой. Молекулы воды являются асимметричными, и заряды в них располагаются асимметрично. Отдельная молекула (H_2O) состоит из двух атомов водорода и одного – кислорода. Этот единственный атом кислорода дает одной стороне молекулы отрицательный заряд, а два атома водорода делают другую сторону положительно заряженной. В старшей школе мы узнаём, что асимметрия молекулы воды объясняет ее способность в твердой форме формировать кристаллы льда с помощью взаимного притяжения положительно и отрицательно заряженных частиц. Асимметрия заряда молекулы воды также играет свою роль: частицы с противоположным зарядом вдоль поверхности, выстилающей пору аквапорина, сопровождают одну за другой молекулы воды через канал с потрясающей скоростью – 3 млрд молекул в секунду.

Белок аквапорина создает в клеточной мембране каналы в форме песочных часов. Они позволяют воде проходить через жировой слой клеточной мембраны. Если смотреть в разрезе, то аминокислоты аквапорина, направленные в центральную пору водного канала, притягивают воду, тогда как обращенная к мембране сторона состоит из аминокислот, притягивающих липиды (мембрану). Распределение положительных и отрицательных зарядов проводит молекулы воды через канал аквапорина

Вскоре после открытия первого водного канального белка Агре и другие исследователи обнаружили иные члены увеличившейся семьи аквапоринов. Они есть практически в каждом организме^[116] – от простейших бактерий до сложных растений и животных. Некоторые проводят только воду, как первый аквапорин, обнаруженный Агре, а другие представители семейства могут пропускать и другие молекулы^[117], такие как глицерин и мочевины.

Агре склонен недооценивать свое открытие. “В нем не было ничего гениального, – сказал он мне, – но я счастлив, что решил загадку, используя выдержавший проверку временем метод слепой удачи”. Однако ученый скромничает. Возможно, удача и сыграла свою роль, но были и решительность, и пылкий ум, и изрядная доля таланта.

На волне открытия Агре исследователи из разных областей науки начали изучать аквапорины и ту роль, которую эти белки играют в таких процессах, как перенос воды через корни и отростки растений^[118], а также фильтрация воды в почках^[119]. Их достижения были незаурядными. Но в 2000 г. история с аквапорином приобрела

совершенно новый поворот, когда Мортен Остергаард Йенсен, тогда работающий над своей диссертацией в области биофизики в Университете Иллинойса, прочитал доклад Агре об атомной структуре аквапорина. Во время выступления Йенсена озарило: что, если есть возможность использовать канальный белок для очистки воды не только в клетках внутри живых организмов? Что, если можно сделать основанные на аквапорине водяные фильтры, чтобы очищать воду для нас всех и удовлетворять растущие потребности цивилизации в пресной воде?

Чтобы исследовать потенциал своей идеи, в 2005 г. Остергаард Йенсен объединил усилия с другом Петером Хольмом Йенсенем, серийным предпринимателем^[120], имеющим опыт научной работы в структурной биологии. Получив более полное представление о том, как работает аквапорин, компаньоны уверились, что, возможно, им действительно удастся создать основанный на нем водяной фильтр, встроив белок в слой оболочки, чтобы получилось что-то вроде сита. Как себе представляли исследователи, это сито будет пропускать воду – и только ее. Чем больше они размышляли об идее биологического фильтра, тем более многообещающей она казалась. Особенность аквапорина транспортировать молекулы воды могла сделать фильтр более эффективным, чем все уже существующие. Как позднее сказал мне Хольм Йенсен, “зачем пытаться изобрести что-то получше, когда можно использовать гениальную находку природы?”.

В 2005 г. Хольм и Остергаард основали Aquarogin A/S – компанию по очистке воды, расположенную в Дании. Их целью было использовать селективность аквапоринов, чтобы разработать новую технологию очищения воды. Они хорошо знали, что удовлетворение потребности в воде на планете, где к 2050 г. будет жить более 9,5 млрд человек^[121], требует ранее неизвестных методов. Хольм и Остергаард решили посмотреть, что можно сделать для разработки необычной системы очистки воды. Когда я спросила Хольма Йенсена, как он совершил этот потрясающий интеллектуальный скачок от научного открытия к практическому применению, которое может спасти весь мир, тот ответил: “Это было очевидно”. Возможно, очевидно только для него, но теперь его работой стало убеждать других и привлекать их к тому, чтобы помочь воплотить эту фантастическую идею в жизнь.

В 2006 г. Хольм Йенсен добился важного достижения, назначив своего коллегу Клауса Хеликс-Нильсена техническим руководителем Aquarogin A/S. В то время Хеликс-Нильсен занимал – и продолжает

занимать – преподавательские должности отделения экологической технологии Технического университета Дании и отделения химического производства Мариборского университета в Словении. Это партнерство привело к изменениям. Вместе они пустились в авантюру, пытаясь понять, смогут ли увеличить возможности основанной на аквапорине мембраны для очистки воды в одной клетке до масштабов города.

Чтобы больше узнать о том, как идет работа в Aquaporin A/S, я полетела в Данию на встречу с Хеликс-Нильсеном^[122]. Этот человек имеет самые обширные интересы: во время обсуждения аквапоринов он касался самых разных, захватывающих областей, заставив меня задуматься над такими вещами, как физические ограничения зрения животных и машин или переписка Моцарта и Гайдна. В детстве Хеликс-Нильсен хотел стать археологом или, может быть, архитектором. Но затем он заинтересовался тем, как человеческий мозг обрабатывает и сохраняет информацию, поэтому переключился на изучение биофизики. Вначале ученый решил, что может изучить систему обработки визуальных данных. Но, пытаясь понять, как нервные клетки мозга и их сложная совокупность производят зрительные образы такими, какими мы их воспринимаем, он был заинтригован тем, как отдельные компоненты системы объединяются, чтобы поддерживать ее сложную работу как единого целого. Вскоре Хеликс-Нильсен понял, что человеческое зрение является слишком сложным для того, чтобы добиться успеха в исследовании этой общей проблемы, поэтому сосредоточился на простой и ясной вещи – на том, как вещества проходят сквозь клеточные мембраны через специальные белковые каналы, и на том, как эти белки взаимодействуют с мембранами. В конце концов в 2005 г. он обнаружил, что погрузился в исследование аквапорина, увлеченный той легкостью, с какой этот белок отделяет воду от посторонних веществ.

Конечно, для того, чтобы основанная на аквапорине система очистки воды работала на практике, следовало соблюсти по крайней мере одно требование – она должна соответствовать по цене и эффективности уже существующим системам^[123]. Можно ли создать и воплотить в жизнь такое приспособление, которое решило бы проблему с чистой пресной водой в глобальном масштабе? Сразу после того, как я зашла в здание компании Aquaporin, Хеликс-Нильсен провел меня в демонстрационную зону, где продукция компании была представлена в виде поражающего воображение набора пластиковых цилиндров различного размера. Эти цилиндры с логотипом Aquaporin Inside являлись приспособлениями для фильтрации воды размером от нескольких сантиметров до одного метра. Большинство из них находилось на стадии разработки, но Хеликс-Нильсен с гордостью передал мне один, около 30 см в длину

и 10 см в диаметре. Компания уже протестировала его в частных домах в Китае.

На своем пути, пытаясь увеличить объем фильтрации воды от клеточного уровня до масштабов города, Хеликс-Нильсен, Хольм Йенсен и их коллеги из Aquaporin A/S столкнулись с рядом очень трудных задач. Красные кровяные тельца производят ровно столько аквапорина, чтобы его хватало только для фильтрования воды для их собственных нужд, которые, учитывая размер отдельной клетки, невелики. Эритроцит имеет размер менее 10 микрометров (мкм)^[124] в диаметре, то есть 150 красных кровяных телец, размещенных в линию, будут иметь толщину не более 1,5 мм^[125]. Хеликс-Нильсен и его коллеги понимали, что, если они хотят создать какой-либо коммерческий фильтр для воды, пусть даже для начала бытовой, им нужно найти способ производить гораздо больше аквапорина, чем то количество, которое создают клетки. Их аквапорин должен быть стабильным, потому что у коммерческих фильтров нет клеточных механизмов, заменяющих изношенные белки. И поскольку они пытались создать фильтр, который сможет пропускать гораздо большее количество воды, чем клетка, их аквапорин должен был быть способен размещаться на намного более прочной мембране, чем клеточная.

Чтобы решить первую проблему, то есть произвести достаточное количество белков для коммерческого использования, Хеликс-Нильсен обратился за идеями в биофармацевтическую отрасль. В XX в. он бы не смог этого сделать. В прошлом веке лидеры фармацевтики^[126], среди которых были “Аспирин”, “Ацетаминофен” (“Парацетамол”), “Аторвастатин” (“Липитор”) и “Омепразол” (“Прилозек”), появлялись на свет в химических лабораториях, где были разработаны гениальные методы распознавания, а затем и синтеза большого количества химических веществ, способных вмешиваться в клеточные процессы или дополнять их с очень высоким избирательным действием. Но многие из новейших лекарств – это биологические продукты, а не синтетически произведенные химикаты, например белки, взятые из растущих клеток. С ростом биологических знаний новое поколение изобретателей лекарств манипулирует биологическими механизмами, чтобы заставить живые клетки производить основанные на белках лекарства, такие как “Адалимумаб” (“Хумира”) и “Этанерцепт” (“Энбрел”) для лечения аутоиммунных заболеваний, а также ряд противоопухолевых лекарств, в том числе

“Трастузумаб” (“Герцептин”), “Ритуксимаб” (“Ритуксан”) и “Бевацизумаб” (“Авастин”).

Чтобы произвести достаточное для потребления человеком количество этих препаратов, биофармацевтическая промышленность нашла способ выращивать микроорганизмы в огромных цистернах, а затем получать из них путем очистки определенные белковые вещества. Такие компании, как Genentech, Genzyme, Amgen и Biogen, разработали новые методы, чтобы расширить качественное производство этого современного класса лекарств до промышленных масштабов. Хеликс-Нильсен рассудил, что для массового производства аквапорина есть смысл использовать те же методы. В 2006 г. они с коллегами взяли в команду экспертов в области молекулярной биологии и начали работать с различными микроорганизмами в поисках клеточной “фабрики”. В итоге ученые выбрали бактерию *Escherichia coli* и сделали это по двум причинам. Во-первых, этот организм легко вырастить, а исследователи знали, что в биофармацевтической индустрии уже известно, как использовать данную бактерию в качестве биофабрики, чтобы создавать основанные на белках лекарства, такие как инсулин или гормон роста^[127]. Во-вторых, кишечная палочка естественным образом производит собственный аквапорин^[128], поэтому должна существовать возможность “убедить” ее производить его больше, не убивая клетки. В общем и целом бактерия, казалось, имеет потенциал, чтобы стать надежным производителем аквапорина для коммерческого применения.

Но Хеликс-Нильсен и его команда столкнулись с трудностями. Между современными биопрепаратами и аквапорином существует кардинальное отличие. Клетки, производящие большинство сегодняшних биофармацевтических лекарств, выполняют свою работу, выделяя белки в жидкость, окружающую их. Эти выделяемые белки можно собрать вместе с жидкостью, в которой находятся клетки, и очистить их. Но, как доказал Агре, аквапорин находится в клеточных мембранах. Клетки, производящие аквапорин, не выделяют его в окружающую жидкость, они помещают его в мембраны. Чтобы собрать белок, команда Aquaporin A/S должна была вначале выделить мембраны, а затем разработать способы разрушить их, чтобы извлечь аквапорин, – два сложных процесса, которые не переносят многие белки.

Как мы уже видели, функция белка зависит от того, как нить аминокислот завивается, а затем поддерживает свою особую трехмерную форму. Этот процесс опирается на силы притяжения и отталкивания между аминокислотами; если эти силы будут нарушены любым из большого количества факторов, белок раскрутится, что вызовет структурные изменения, которые, возможно, изменят его функцию. Также функционирование белка

прервется, если его нить будет порвана. С этого момента он больше не будет выполнять свою работу. В живой клетке такая проблема обычно не является серьезной, потому что клеточные механизмы могут починить или заменить дефектные белки^[129]. Но для того, чтобы от белка была польза, скажем как от коммерческого водяного фильтра, нужно, чтобы он долгое время сохранял свою структуру без починки и замены. К счастью, аквапорин необыкновенно стабилен.

Возможно, таким он и должен быть. В отличие от многих других клеток тела, у красных кровяных телец нет механизмов, чтобы починить и замещать свои компоненты, не хватает им и механизмов деления. В результате белки эритроцитов должны быть очень стабильными, чтобы выдержать трудное путешествие по кровеносной системе человека. Также они должны быть достаточно стабильны, чтобы просуществовать в течение четырех месяцев^[130] – довольно долгий срок по сравнению с клетками кожи, которые живут менее месяца^[131], или клетками, выстилающими пищеварительный тракт^[132], срок жизни которых составляет менее недели. Для команды Aquaporin A/S это были хорошие новости, поскольку благодаря своей стабильности, необходимой, чтобы обслуживать красные кровяные тельца, этот белок мог пережить высокие температуры^[133] и экстремальные химические среды, необходимые, чтобы отделить его от клеточных мембран^[134]. Даже подвергнувшись жесткому процессу очистки, аквапорин не терял своей способности фильтровать воду. “Это просто наше благословение”, – как сказал мне Хеликс-Нильсен, описывая их авантюру по созданию основанного на аквапорине водяного фильтра.

Пока все шло неплохо. Усовершенствовав методы биофармацевтической промышленности, команда Aquaporin A/S разработала процесс производства большого количества аквапорина. Но тут возник вопрос: как снова встроить выделенные белки аквапорина в мембраны?^[135]

Решение этой задачи оказалось достаточно простым. Структура аквапорина заставляет его искать липидную среду, то есть среду, состоящую из молекул, которые больше напоминают растительное или животное масло, а не воду. Клеточная мембрана – это липидная среда, которая не позволяет соединиться водной среде вне клетки и внутри ее. Внешняя и внутренняя среда клетки содержит различные молекулы в растворе: неорганические, такие как хлорид натрия (обычная пищевая соль) и другие солеподобные молекулы, и органические, такие как белки, которые растворяются в воде. Во

внешней и внутренней среде клетки должен поддерживаться определенный состав молекул в растворе, что позволяет сделать клеточная мембрана. Когда это необходимо, аквапорины и другие каналные белки пропускают воду (в случае с аквапорином), натрий или другие молекулы (в случае с другими каналными белками) с одной стороны мембраны на другую.

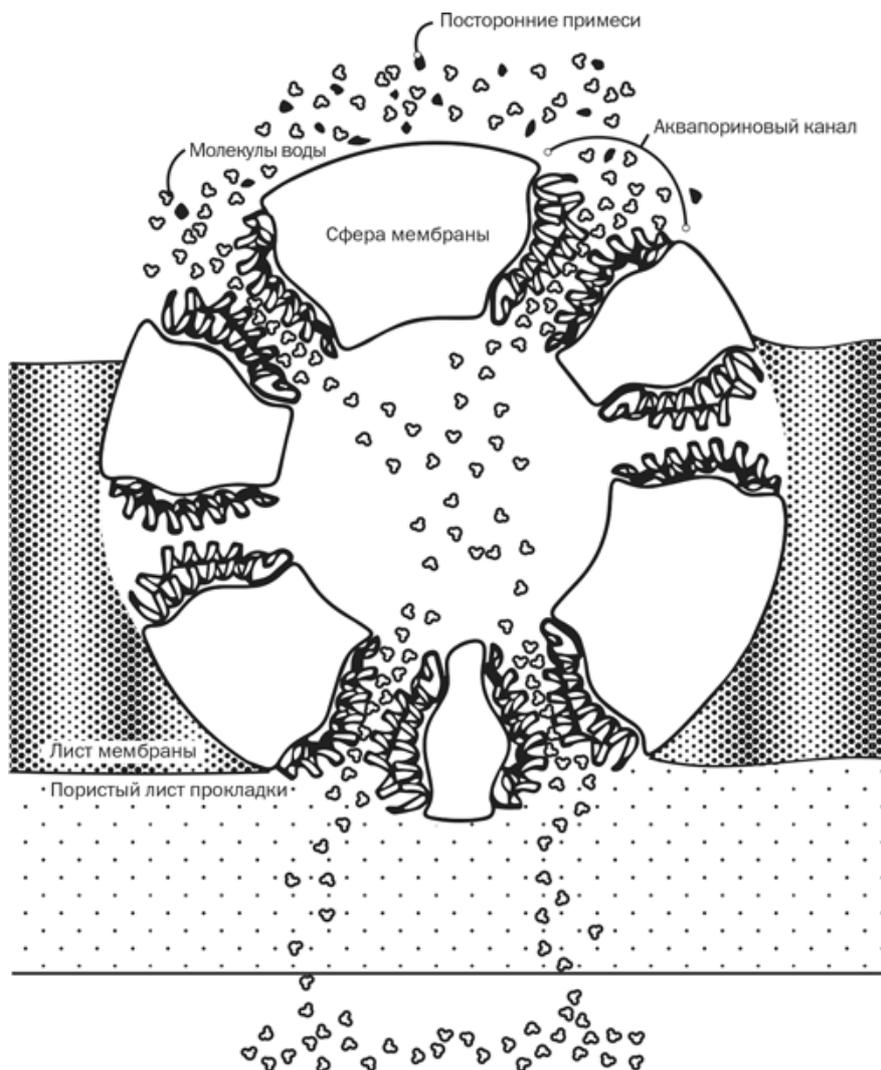
Вспомним, что бочкообразные стенки “песочных часов” аквапорина, как и все остальные части белка, состоят из аминокислот. Некоторые из этих аминокислот растворяются в воде (они являются гидрофильными, водовосприимчивыми), а другие растворяются в жире, а не в воде (их называют гидрофобными). Внешняя поверхность “бочонка” аквапорина состоит из гидрофобных аминокислот, которые ищут липидную среду. Принимая все это во внимание, когда Хеликс-Нильсен и его команда подготовили очищенный аквапорин, все, что им нужно было сделать, – это смешать его с напоминающими липидную мембрану сферами, сделанными из специальных полимеров, и аквапорины естественным образом встроится в оболочку таких сфер.

Следующим шагом было создание фильтра из этих очень маленьких сфер, основанных на полимерах и содержащих аквапорин. Очевидным решением было бы дать сферам свободу и позволить им соединиться друг с другом в плоский лист. Но мембраны от природы склонны к сферической форме. Сделать их плоскими и гладкими – сложный и дорогой процесс. В 2009 г. Хеликс-Нильсен и его команда начали сотрудничать с учеными из Центра мембранных технологий в Сингапуре, чтобы определить, не смогут ли они обойтись без процесса сглаживания и сделать фильтр, который состоит, как бы это ни было неожиданно, из мембранных сфер, или, как его называл Хеликс-Нильсен, пузырьковый лист. Вместо плоской мембраны с порами аквапоринов исследователи представляли себе тонкий слой с внедренными в него сферами аквапоринов.

Это создавало потенциальную проблему: чтобы молекулы воды проходили через лист с находящимися на своих местах пузырьками, требовалось два аквапориновых прохода вместо одного. Вода должна была входить в сферу через аквапориновый канал на одной стороне и выходить через другой такой же канал с другой стороны.

Следующий большой вопрос, на который команде Aquaporin A/S нужно было найти ответ, – это узнать, не снизит ли наличие двух каналов вместо одного производительность процесса фильтрации. Как выяснилось, ответом на него было “нет”. В 2012 г. Хеликс-Нильсен и его помощники из Центра мембранных технологий в Сингапуре сумели разработать пузырьковый лист, который был дешевле и прочнее сглаженного^[136], и продемонстрировали, что

транзит воды через пузырьки, который требовал, чтобы каждая молекула проходила через два аквапориновых канала, не слишком замедляет фильтрацию воды. Относительная легкость производства пузырьковых листов по сравнению со сглаженными более чем компенсировала небольшое снижение производительности из-за того, что вода проходила через два канала.

На рисунке в поперечном сечении показан содержащий аквапорин пузырек, где вода проходит с одного конца аквапоринового фильтра к другому. Вода из раствора с посторонними примесями (наверху) протекает через один аквапориновый канал внутрь пузырька, а затем вытекает из него через второй аквапориновый канал. Пузырек находится в мембранном листе, который поддерживается дополнительным пористым листом прокладки. После того как вода (и только вода) пройдет через аквапориновые каналы (в пузырьке), она проходит через дополнительную прокладку, благодаря чему на

выходе получается чистая вода (внизу)

Пока клеточная мембрана эффективно разделяет друг от друга две водные среды (внутри клетки и вне ее), она выполняет свою работу. Тем не менее клеточная мембрана не имеет особой структурной целостности: это просто очень тонкий слой жира, который формирует оболочки клеток. Он не может выдержать силы, которые должна переносить работоспособная мембрана, фильтрующая воду. Сама по себе плоская клеточная мембрана^[137] имеет толщину менее 10 нм, но даже превосходно сконструированный и сделанный Хеликс-Нильсеном и его коллегами пузырьковый лист толщиной 200 нм все еще тоньше, чем маслянистая пленка в луже воды. Аквапориновые пузырьковые листы следовало поддержать какой-то более прочной структурой.

Чтобы решить эту проблему, команда Aquaporin A/S решила поместить слой аквапоринового пузырькового листа на пористый материал^[138]. Хеликс-Нильсен отметил сходство такой структуры с бисквитным пирожным, покрытым тонким слоем глазури, украшенной изюминками. Бисквит соответствует подкладке из пористого материала, глазурь представляет собой пузырьковый лист, а изюминки – это внедренные в него сферы, содержащие аквапорин. Это изысканная инженерная структура, и Aquaporin A/S сумел построить ее в промышленном масштабе.

Мечта об очистке воды с помощью аквапорина уже доказала свою состоятельность во время проверки, привлечшей всеобщее внимание: в 2015 г. датские астронавты использовали мембраны Aquaporin A/S^[139], чтобы фильтровать воду, которую они пили в космосе, где повторное использование воды – жизненно важная часть любой успешной экспедиции. Теперь в партнерстве с китайским предприятием под названием Aquapoten Aquaporin A/S работает над тем, чтобы вскоре выпустить на рынок систему фильтрации воды, встраиваемую в водопроводный кран. Во время моего визита Хольм Йенсен и Хеликс-Нильсен показали ее прототип и объяснили, как она будет работать. Набор из трех или четырех цилиндров с фильтрами разместится в маленьком пластиковом контейнере за раковиной. Льющаяся через кран вода будет прогоняться через аквапориновые мембраны с удвоенной по сравнению с обычной для таких систем фильтрации скоростью. В зависимости от качества поставляемой воды аквапориновый фильтр нужно будет менять примерно каждые полгода.

Помимо размещаемых за раковиной водяных фильтров Хеликс-Нильсен думал и о многих других способах оптимизировать использование воды. Он указывает на то, что люди используют воду одного и того же качества для всех своих нужд. В США это означает, что одна и та же вода употребляется для питья, стирки одежды, мытья посуды, полива садов и смыва нечистот в туалете. Во многих развитых странах подобным же образом один и тот же источник воды с примесями используется для еды, питья, стирки и ирригации. Хольм Йенсен, Хеликс-Нильсен и Aquarogin A/S хотят изменить такое положение вещей, значительно расширив использование воды для конкретных целей. Эта идея уже становится модной. Например, в одном из зданий МТИ, уже приспособленном к такому подходу, используется две системы водоснабжения: с помощью одной подается сверхчистая вода для питья и мытья посуды, а через другую идет переработанная вода для туалетов и полива.

Если домашние водяные фильтры будут востребованы, Aquarogin A/S планирует запустить ряд новых технологий, которые изменят способ использования воды в XXI в. Хеликс-Нильсен ожидает, что применение основанной на аквапорине системы прямого осмоса приведет к снижению количества воды, используемой для сельскохозяйственных нужд, и уменьшению объема сточных вод во всем мире. Осуществление этой задачи может привести к революционным изменениям, если учесть, что примерно 70 % мировых запасов пресной воды^[140] на планете сегодня используется для сельского хозяйства. Ученый показал мне прототип очень большого цилиндра с фильтром, который будет применен в системе, и объяснил, как она будет работать. Высококонцентрированное удобрение будет течь с одной стороны аквапоринового фильтра, а с другой будет стекать сточная вода, которую сегодняшние фермеры просто сливают. Поскольку концентрация раствора с удобрением будет выше, чем у сточных вод, осмотическое давление заставит воду проходить через аквапориновый фильтр, по сути дела получая чистую воду из грязного сточного потока, чтобы разбавить удобрение. Этот процесс будет давать сразу два преимущества: во-первых, уменьшать объем сточных вод, а во-вторых, понижать количество чистой воды, необходимой для разбавления удобрения, – сплошной выигрыш в использовании воды. Как объяснил Хеликс-Нильсен, подобная же система может функционировать в прачечных. После использования для стирки одежды грязная вода пройдет с одной стороны снабженного аквапорином фильтра, по другую сторону которого находится высококонцентрированный раствор моющего средства. Разница в концентрации между моющим средством и сточной водой вытеснит воду (очищенную прохождением через аквапориновые каналы) с грязной стороны и использует для разбавления моющего средства. Объем сточных вод

сокращается, а разбавленное моющее средство может быть использовано в следующих циклах стирки. Таким образом, происходит экономия воды.

Великолепные биологические открытия таких ученых, как Питер Агре, и инженерные нововведения таких людей, как Петер Хольм Йенсен и Клаус Хеликс-Нильсен, – это свидетельства того, что мы находимся на пороге больших изменений в очистке воды и конструировании систем водоснабжения. Мы наблюдаем революционный момент, тот, который Хеликс-Нильсен сравнивает со временем, когда автомобили стали производиться массово. Точно так же, как компания Ford Motor столетие назад, Aquaporin A/S ставит себе целью расширить масштабы относительно новой технологии, чтобы она стала экономически доступной миллионам – и даже миллиардам – людей. “Я думаю о нашей компании как о заводе Генри Форда, – сказал Клаус. – Форд не изобрел автомобили, но он поставил их производство на поток, доказав состоятельность технологии и сделав ее доступной массам”.

Глава

4

Наночастицы борются с раком

В 1971 г. США объявили войну раку^[141], запланировав на следующие восемь лет мероприятия стоимостью \$100 млн. Сегодня, когда позади осталось более 45 лет и \$100 млрд, мы можем объявить о своем успехе в диагностике и лечении некоторых видов рака, но до победы в войне нам все еще далеко. Ежегодно почти 600 000 американцев и более 8 млн людей по всему миру^[142] умирают от онкологических заболеваний.

Амбициозные цели войны с раком не без оснований опирались на ряд значительных открытий, связанных с биологическими процессами. К 1971 г. революция в молекулярной биологии дала ученым новое понимание этой болезни. Как мы уже видели, она позволила составить список биологических комплектов – если говорить конкретно, то ДНК, РНК и белки вирусов, бактерий и клеток сложных организмов. Компоненты и механизмы всего живого теперь раскрылись с ошеломляющим, новым уровнем разрешения. И эти прозрения подготовили почву для новых подходов к медицинским технологиям, в том числе к вакцинам, лекарствам, диагностическим манипуляциям и т. д. Следующий шаг казался совершенно очевидным. Почему бы не использовать достижения молекулярной биологии, чтобы победить рак – одну из самых страшных болезней человечества?

Оглядываясь назад, можно сказать, что ложные надежды на то, что попытки стоимостью \$ 100 млн в течение восьми лет могут изменить правила игры в борьбе против рака, были связаны с ограниченным пониманием сложности заболевания. Например, прорывное открытие в 1970 г. гена вируса саркомы Рауса^[143] (вируса, вызывающего опухоли у птиц), который может превратить

нормальную клетку в раковую, дало возможность разобраться в вероятных механизмах возникновения рака. Когда вирус саркомы Рауса поражает цыпленка, в геном птичьих клеток встраивается ДНК-копия^[144] вирусных генов, один из которых становится онкогеном. Этот ведущий происхождение от вируса онкоген может разрушить нормальные процессы внутри клетки, превратив ее в раковую. Поток последовавших за открытием экспериментов показал, что помимо являющихся причиной рака генов, попадающих из внешних источников, таких как вирусы, онкологические заболевания могут возникать и из-за внутренних причин^[145], в основном унаследованных генов, которые могут быть активированы мутациями. Эти клеточные “протоонкогены” обычно ведут себя тихо, но могут быть потревожены мутациями, вызванными одним из нескольких факторов: от разрушающих ДНК событий, таких как радиация или курение, до вирусных инфекций, которые внедряют чужеродную ДНК в ДНК клетки, или просто из-за ошибок, которые появляются в ДНК в процессе деления клеток.

При нормальном развитии клетки делятся и созревают в тщательно упорядоченных процессах. Нормальные клетки с потрясающей точностью контролируют свою численность, свои функции и свое местоположение. Они следуют программе, чтобы развиться до зрелого состояния – скажем, как клетка кожи, печени или легкого. Делая это, они контролируют скорость деления и свой путь к созреванию, в том числе обнаруживая и уничтожая клетки, в ДНК которых произошла мутация.

Одна из смертоносных особенностей рака состоит в том, что его клетки делятся бесконтрольно, в отличие от нормальных клеток, которые прекращают деление, обнаружив, что клеток легких или мозга уже достаточно. Также раковые клетки не следуют нормальным путем к зрелости. Они без всякого “уважения” относятся к обычным ограничениям своего местоположения: рак, начавшийся в одном месте, со временем отправит своих отпрысков в другие точки, распространив метастазы,

породив новые опухоли и значительно затруднив лечение. И возможно, самое губительное – это то, что раковые клетки не стремятся убить клетки с поломками в ДНК, а, напротив, ускоряют мутации, производя новые варианты клеток, которые могут прорваться через защиту организма.

Открытие онкогенов дало возможность лечить рак, во-первых, развивая методы идентификации онкогенов, а во-вторых, разрабатывая лекарства, которые могут их нейтрализовать. Эти методы показали себя как мощная, почти чудодейственная стратегия, но только против некоторых видов рака. Например, “Иматиниб”, лекарство, одобренное Управлением по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных препаратов США (FDA) в 2001 г. и продающееся под торговой маркой “Гливек”, нацеливается на белковые продукты ракового гена при хроническом миелоидном лейкозе (ХМЛ) – одном из видов рака крови. При этом заболевании генная мутация вырабатывает белок, который запускает аномальное деление клеток. “Гливек” блокирует действие этого белка^[146] и обеспечивает длительную ремиссию у многих пациентов. Препарат повысил уровень выживаемости пациентов в течение пяти лет после диагностирования у них ХМЛ от 30 до более 80 %.

Многие другие виды рака остаются неизлечимыми и смертоносными. ДНК злокачественных клеток постоянно мутирует, приводя к возникновению новых онкогенов и клеточных механизмов, которые используют практически неисчерпаемый набор методов развития болезни и сопротивляются лечению. Поскольку раковые клетки лишены механизма саморегуляции, который либо исправляет мутацию, либо убивает несущую ее клетку, при их делении мутации нарастают, производя варианты клетки-родителя, порой способные пережить те условия, в которых клетка-родитель погибает. Например, если противораковый препарат избирательно действует против определенного злокачественного белка и убивает первоначальную раковую клетку и всех ее генетически идентичных потомков, обладающий сопротивляемостью к

лекарству вариант часто выживает и порождает новую популяцию устойчивых к препарату клеток.

Самая эффективная стратегия борьбы с раком – это, конечно, его предупреждение. И с 1971 г. мы добились на этом поприще значительных успехов отчасти благодаря тому, что определили причины онкологических заболеваний и сократили использование канцерогенов, в числе которых асбест, радиоактивные вещества и ряд химикатов. Но несмотря на то, чему мы научились, мы все еще подвергаем себя воздействию опасных веществ – выкуривая сигарету, незащищенную кожу – воздействию солнечных лучей, отказываемся от вакцинации от вирусных инфекций. Согласно некоторым оценкам, более трети случаев онкологических заболеваний сегодня можно предотвратить^[147].

В некотором роде это хорошие новости. С помощью более эффективных антитабачных кампаний, лучшей защиты от солнца и новых противовирусных вакцин мы сможем значительно снизить уровень онкологических заболеваний. Но даже если никто в мире не будет курить, если все любители пляжного отдыха станут носить отражающие ультрафиолетовые лучи купальные костюмы и пользоваться средствами защиты, если всем детям сделают прививки от гепатита и вируса папилломы человека, рак все равно каждый год будет угрожать миллионам людей. Мы все еще не знаем причин многих онкологических заболеваний, поэтому одна только профилактика не сможет уничтожить угрозу, которую они несут.

Следующая наилучшая стратегия борьбы с раком – это его ранняя диагностика, за которой следует эффективное лечение. Здесь мы также добились впечатляющих успехов. В последние десятилетия были разработаны новые, мощные методы визуализации и исследования крови, которые могут выявить онкологические заболевания на более ранних стадиях. Например, используя маммографию и колоноскопию^[148], сегодня врачи могут обнаружить рак груди или рак толстой кишки гораздо раньше, чем это

происходило в 1971 г. И такие скрининги в сочетании с последующим хирургическим вмешательством, химиотерапией и лучевой терапией значительно повысили выживаемость пациентов. За последние 40 лет пятилетняя выживаемость пациентов с раком груди^[149] выросла с 75 до более чем 90 %, а у пациентов с раком прямой кишки^[150] – с менее 50 до более 65 %.

Эти технические достижения представляют собой значительные победы, одержанные полными решимости учеными, врачами-практиками и пациентами. Но большинство видов рака по-прежнему не удается обнаружить достаточно рано. Хотя различные онкологические заболевания ведут себя по-разному, современные методы визуализации при обследованиях^[151] обычно могут обнаружить скопления клеток, только когда они разрастаются до нескольких миллиметров или даже сантиметров в диаметре, и даже тогда изображения не могут дать информацию о том, является опухоль злокачественной или доброкачественной. Требуется подтверждение, и для этого применяются инвазивные методы биопсии и другие исследования. А все это стоит денег, время идет, и раковые клетки продолжают расти.

При исследованиях крови врачи сталкиваются с теми же трудностями^[152]. В крови ищут биологические следы, или “маркеры”, оставленные злокачественными клетками. Анализы хорошо выполняют свою работу, отлавливая признаки рака простаты или яичников, к примеру. Но, как и с методами визуализации, анализы крови могут обнаружить признаки болезни на достаточно поздней стадии ее развития, и не всегда возможно четко отграничить рак и сигналы других заболеваний. Постановка определенного диагноза опять же требует инвазивных процедур, больше денег, больше исследований и больше времени. А в борьбе с раком время – это то, чего нельзя упускать. Раннее обнаружение болезни может иметь решающее значение для жизни и смерти.

Методы визуализации и исследования крови, имеющиеся в нашем распоряжении сегодня, значительно более точны, чем 10 или 20 лет назад, но у них есть одни и те же ограничения: им не хватает чувствительности, чтобы определить раковую опухоль на самой ранней стадии, когда она представляет собой крошечное скопление клеток. Они недостаточно избирательны, чтобы выяснить, является ли найденное скопление злокачественным или доброкачественным, поэтому для подтверждения онкологического диагноза часто требуются инвазивные процедуры. Также эти методы дороги. Вместе все факторы серьезно ослабляют возможность бороться с раком наиболее эффективным образом, и в результате каждый год от него умирают миллионы людей.

Чтобы перевести войну с раком на новый уровень, нам нужны более точные, безопасные, быстрые и дешевые способы ранней диагностики заболевания. Благодаря недавнему открытию Сангиты Бхатии, биоинженера и врача по образованию, которая стала первооткрывателем в удивительном мире применения наночастиц в медицине, возможно, скоро у нас будут такие методы. Бхатия разработала методику исследования мочи^[153], которое может обнаружить рак на значительно более ранней стадии, когда клеточные скопления в 20 раз меньше^[154], чем те, которые могут обнаружить лучшие современные методы визуализации. Этот тест, как надеется исследовательница, вскоре станет таким же быстрым, надежным и дешевым, как тесты на беременность, лежащие на прилавках всех сегодняшних аптек.

Идея может выглядеть совершенно невероятной. Но она реальна.

Уже в студенческие времена Бхатия была восходящей звездой. В 1999 г., еще до того, как она получила степень PhD в МТИ и завершила программу подготовки доктора

медицины в Гарварде, молодая исследовательница уже стала преподавателем Университета Калифорнии в Сан-Диего. А в 2005 г., услышав о потрясающих способах, с помощью которых она соединяет медицину и инженерное дело, мы сумели переманить ее обратно в МТИ. Исследовательница продолжила свою новаторскую работу, и в 2007 г., когда мы начали искать инженеров, которые могли бы работать с биологами-онкологами в новом Институте интегративных исследований рака имени Дэвида Кока, Бхатия, безусловно, была одним из первых кандидатов.

Чтобы лучше узнать о ее работе, я однажды зашла к ней в кабинет. Бхатия прямо-таки излучает спокойствие, которое сразу меня согрело. Но во время разговора я быстро поняла, что за скромной, мягкой манерой вести себя скрывается разум, работающий с молниеносной скоростью. Я была потрясена темпом, масштабом и интенсивностью ее работы, которая отважно соединяет биологию, медицину и инженерное мастерство гениальными, ранее неизвестными способами.

Сегодня, спустя более 10 лет, я по-прежнему потрясена. Как Энджи Белчер и другие первооткрыватели, о которых я говорю в этой книге, Бхатия легко переходит из одной дисциплины в другую. В своей дипломной работе она использовала инструменты^[155], применяющиеся при производстве компьютерных чипов, чтобы разрабатывать искусственные органы. В Университете Калифорнии в Сан-Диего исследовательница сделала себе имя как нанотехнолог, умеющий ловко решать биомедицинские проблемы^[156]. И сейчас в МТИ она работает в невообразимом диапазоне разных наук. Ее междисциплинарные интересы можно заметить по тому, что она занимается преподаванием на нескольких факультетах института, а также в Объединенном Бостонском медицинском центре “Бригам энд Уименс”.

Во время своей работы Бхатия работала над нанотехнологиями, и теперь, являясь директором Центра онкологической наномедицины “Марбл”, она

разрабатывает новые платформы для понимания, диагностики и лечения болезней. Стремление исследовательницы не просто оставить след в науке, но спасти жизни пациентов привело к тому, что она и ее ученики основали несколько биотехнологических компаний, каждая из которых занимает место, по словам Бхатии, “на перекрестке медицины и миниатюризации”.

Для нее миниатюризация означает работу с веществом в чрезвычайно маленьком масштабе – на наноуровне. Частицы, с которыми она имеет дело, имеют размер от 5 до 500 нм. Чтобы понять, насколько они малы, только представьте себе: если вы работаете с 10-нанометровыми наночастицами, то для того, чтобы закрыть точку в конце этого предложения, их потребуется 100 000 штук.

Наночастицы – это просто очень маленькие кусочки вещества^[157]. Они могут иметь десятки различных форм (сферы, палочки, пирамиды, додекаэдры) и состоять из разнообразных химических веществ (кремний, железо, золото) или биологических материалов (белки, нити ДНК). Им придается конкретный размер и состав, чтобы они отвечали определенным нуждам. Например, оксид железа – вещество, подходящее для магнитно-резонансной томографии (МРТ)^[158], но высокая способность вступать в реакцию с водой и даже с имеющейся в воздухе влагой затрудняет его применение для биологических и медицинских процедур. Тем не менее наночастицы оксида железа стабилизируются так, чтобы они не вступали в реакцию с водой, покрыв их слоем сахаров, полимеров, липидов или металлов. Выбор материала для покрытия изменит функцию наночастицы таким образом, что ее можно будет использовать для определенной задачи.

Любопытно, что на наноуровне свойства вещества могут отличаться от его же свойств на макроуровне. Наночастицы золота, к примеру, не выглядят золотыми^[159]. Вместо этого они кажутся красными, потому что отражают красный свет. Римские ремесленники 2000 лет назад непреднамеренно создавали наночастицы золота^[160] в процессе производства стекла,

что позволяло им делать очень дорогую, богато украшенную стеклянную посуду, имевшую специфический красноватый оттенок из-за наночастиц. Также мы знаем, что, даже если просто изменить размер наночастицы, это может привести и к изменению ее свойств. Селенид кадмия, например, в естественном виде формирует крупные черные кристаллы^[161], но жидкие растворы наночастиц селенида кадмия разного размера сияют различными цветами, потому что свет по-разному взаимодействует с составляющими, отличающимися по величине: частицы размером два нанометра светятся голубым, четыре нанометра – желтым, семь нанометров – красным.

Изучая такие свойства, ученые и инженеры учатся с удивительной точностью контролировать размер, состав и схему построения наночастиц. Также они начинают понимать, что наночастицы можно использовать для самых разных, абсолютно повседневных целей. Сегодня мы добавляем наночастицы серебра в зубную пасту^[162], потому что они убивают бактерии. Мы кладем наночастицы оксида титана и цинка в солнцезащитные средства^[163], потому что они обеспечивают хорошую защиту от солнечных лучей. В автомобильных шинах есть наночастицы вещества под названием “технический углерод”, потому что они повышают сцепление шины с дорогой и увеличивают продолжительность службы покрышки.

В последние десятилетия медики осознали, что они также могут использовать наночастицы. Для Сангиты Бхатии и других исследователей особенный интерес представляет последнее поколение наночастиц, которые можно собирать и обрабатывать бесчисленным множеством способов, чтобы превратить в новое поколение биомедицинских инструментов. Именно эти наночастицы в конце концов позволили Бхатии разработать ее прорывной метод диагностики рака. Это чудесная история о том, как основанное на взаимопроникновении наук исследование может привести к новой, мощной технологии.

Эта глава истории Бхатии началась в 2000 г., когда она с коллегами исследовала способы, с помощью которых наночастицы могли бы проводить контрастные препараты через кровоток в определенные ткани организма, – таким образом врачи и исследователи получили бы более четкое изображение пораженной болезнью ткани. В то же время ученые пытались понять, как можно использовать наночастицы для доставки лекарств, чтобы устранить болезнь в определенной ткани. Если, к примеру, вы подозреваете заболевание печени, можно ввести в нее специальные диагностические наночастицы, которые помогут выяснить, находится ли заболевание в активной стадии; если появляются признаки заболевания печени, то вы можете использовать другие наночастицы, чтобы доставить лекарство как раз туда, где оно нужно больше всего. Идеальная наночастица, несущая либо контрастное вещество, либо лекарство, избирательно присоединяется к своей цели, проходя через все остальные виды тканей.

Такая сложная работа на перекрестке наук требовала большого разнообразного опыта, и Бхатия более 15 лет сотрудничала с двумя коллегами в Университете Калифорнии в Сан-Диего – Майклом Сэйлором и Эррки Руослати. Сэйлор, химик и специалист по материаловедению^[164], сосредоточил свои усилия на том, чтобы определить, как создавать наночастицы из новых материалов, таких как пористый кремний (одно из основных веществ, используемых при производстве полупроводников) и оксид железа – вещество, видимое на сканере МРТ. Руослати, который теперь работает в Институте Стэнфорд – Бернхам^[165] и Университете Калифорнии в Санта-Барбаре, долгое время изучал семейство составляющих наружный слой клетки адгезивных белков, позволяющих определенным видам клеток собираться вместе и составлять многоклеточные организации.

Вместе трое ученых начали исследовать, как они могут соединить наночастицы Сэйлора с последовательностями липких адгезивных белков Руослати так, чтобы они присоединялись к определенным местам тканей –

например, к кровеносным сосудам опухоли. Тогда белковые последовательности служили бы “почтовым индексом”, который проводил бы наночастицы через кровотоки до желаемого “адреса” в нужной ткани. Оказавшись на месте, адгезивные белки присоединились бы к ткани вместе с прикрепленными к ним наночастицами. Если эти частицы могут быть обнаружены с помощью МРТ, то ткань также становится видимой для сканера.

Идея была заманчивой. Бхатия знала, что наночастицы оксида железа особенно хорошо видны при МРТ, поэтому она и ее коллеги попытались соединить белковые “индексы” Руослати с наночастицами оксида железа Сэйлора, но столкнулись с проблемой. Поскольку наночастицы очень малы, для того, чтобы стать видимыми на сканере МРТ, ученые должны были создавать их скопления^[166] с определенной критической плотностью, но эти кластеры, как оказалось, слишком велики, чтобы пройти через кровотоки в маленьких капиллярах, которые могут доставить их в определенные ткани.

Бхатия поняла, что требуется другая стратегия. Она должна была придумать, как доставить наночастицы в нужном количестве и с необходимой плотностью для того, чтобы они были видны при МРТ, но не создавать больших скоплений, способных закупорить капилляры, по которым должны пройти наночастицы. Проблема была сложной, но исследовательница в конце концов нашла решение: что, если она сможет создать наночастицы, которые будут группироваться по требованию, уже в самой ткани? То есть что, если она сможет сделать наночастицы, которые станут по отдельности проходить по кровотоку, а затем группироваться в кластеры тогда, и только тогда, когда доберутся до нужной ткани? Вместо того чтобы придавать наночастице белковый “индекс”, который доставит ее по “адресу” определенной ткани, Бхатия представила себе новый вид “меток”, которые будут использовать биологические свойства целевой ткани, чтобы заставить наночастицы группироваться только в ней.

Бхатия и ее команда приступили к работе. Во-первых, они сделали два набора наночастиц^[167], при этом каждый набор имел одного члена из пары белков, которые обычно связываются друг с другом с большой авидностью^[168]. Когда два набора помеченных белками наночастиц контактировали друг с другом, они связывались и образовывали большие скопления. Чтобы не дать наночастицам связаться и образовать кластер во время движения по кровотоку, команда Бхатии придумала “щит”, чтобы спрятать связывающие белки друг от друга. Для этого щита они использовали инертное вещество (полиэтиленгликоль, ПЭГ) и привязали его к наночастице, применив короткий сегмент белка.

Щиты ПЭГ позволили наночастицам, связывающие белки которых теперь были спрятаны, проходить через кровотоки, не соединяясь друг с другом и не перекрывая кровеносные сосуды. (Щиты ПЭГ давали и дополнительное преимущество, изолируя наночастицы от защитных механизмов организма, с которыми встречается все, что движется по кровотоку. Защитные механизмы обнаруживают и удаляют из организма чужеродные вещества, а щит ПЭГ скрывал наночастицы и от них.)

Теперь команда была готова послать наночастицы через кровеносную систему – в том числе и через самые мелкие ее капилляры – на поиски целевой ткани. Ученые провели ряд тестов, и их новая стратегия работала именно так, как они и надеялись: по пути наночастицы не формировали скоплений. Вместо этого они легко проходили через кровотоки, а защитные механизмы организма не обнаруживали и не удаляли их.

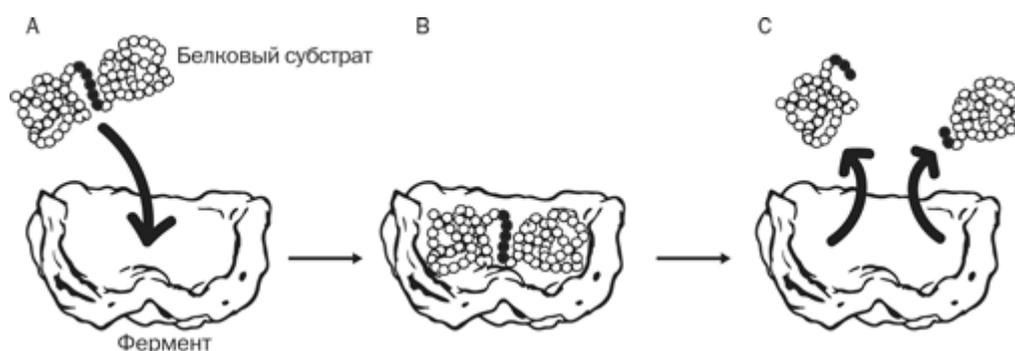
Следующей трудностью было собрать частицы, когда они доберутся до целевой ткани. Со щитами наночастицы не будут группироваться в кластеры, поэтому Бхатии и ее команде предстояло понять, как убрать эти щиты, но только в нужном месте. При решении задачи Бхатии пришла прорывная идея: что, если она сможет присоединить задание по удалению щита к какой-либо характерной для ткани деятельности? Воплощая эту

мысль в жизнь, исследовательница разработала гениальную стратегию: она присоединит щиты к наночастицам белком, который целевая ткань разрушит, используя свои собственные, характерные для нее ферменты.

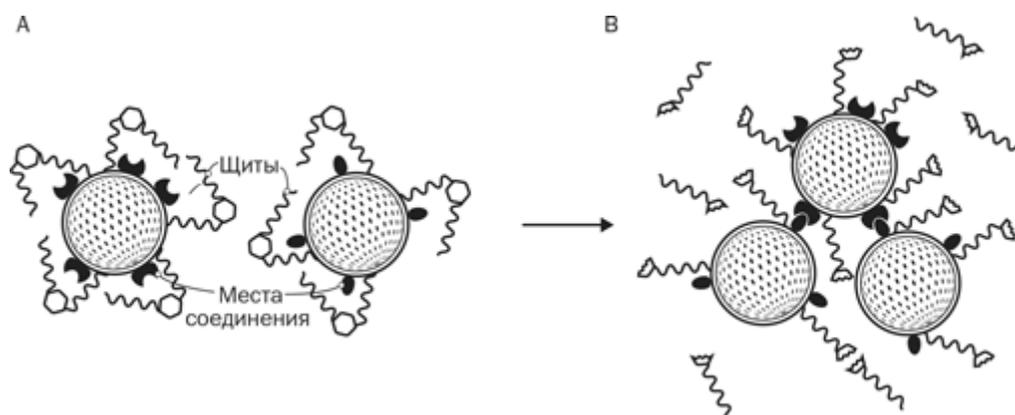
Ферменты – это белки, которые с высокой избирательностью катализируют (ускоряют) те или иные биологические процессы. Некоторые из них приспособлены к расщеплению других молекул. Они встречаются в тысячах разновидностей^[169], каждый можно обнаружить в определенном месте, и он имеет свои собственные цели. Такие ферменты работают как ножницы для молекул – каждый из них “обрезает” особую молекулу, которую называют субстратом фермента. Для многих ферментов субстратами являются белки, и они расщепляют в целевом белке особую последовательность аминокислот. С помощью этого разрезания белка на месте определенной аминокислоты ферменты выполняют чрезвычайно важные функции: они могут превратить неактивные формы белков в активные фрагменты или активные белки в неактивные фрагменты. Среди значимых свойств ферментов есть и такая особенность: когда фермент разрезает свой субстрат, он сам не становится неактивным. Одна-единственная молекула фермента может действовать снова и снова, расщепляя большое количество определенных молекул субстрата всегда в конкретном месте. Также он может делать свою работу очень быстро. Некоторые ферменты способны “разрезать” 1000 или даже 10 000 молекул субстрата за секунду^[170].

Избирательность и скорость действия фермента делают возможными некоторые чрезвычайно селективные и эффективные биологические процессы, такие как свертывание крови, переваривание пищи и движение клеток при распространении метастазов. Бхатия разработала способ использовать действие ферментов для группировки своих наночастиц. Она начала с определения ферментов, специфичных для тех или иных тканей, и сконструировала белковый фрагмент, содержащий последовательность аминокислот, которую распознает

определенный фермент. Затем исследовательница использовала этот конкретный фрагмент белка, чтобы связать щит ПЭГ с наночастицей, полагая, что, когда наночастицы доберутся до ткани, ее ферменты узнают связанные белки и отрежут их. Рассечение освободит щит и обнажит связующие белки, которые были им укрыты. Раскрытые связующие белки найдут друг друга и соединят наночастицы.

Ферменты расщепляют белки в определенных местах. (А) Фермент соединяется с целевым белком (субстратом). (В) Активный центр фермента расщепляет белок в целевом участке (темные бусины). (С) После этого разделенные фрагменты высвобождаются

Вызванное ферментами связывание наночастиц. (А) В двух различных наночастицах есть места для соединения друг с другом. Эти места закрыты щитами, чтобы предотвратить связь между частицами. У каждого щита есть место расщепления для фермента (шестиугольник). (В) Места соединения освобождаются, когда фермент “делает разрез” в целевом фрагменте белка (две половинки шестиугольника). После того как фермент сделает разрез,

щиты отваливаются, чтобы обнажить места соединения, что позволяет наночастицам соединиться друг с другом и образовать кластеры

Соединив эти сложные наночастицы, Бхатия и ее команда могли сосредоточиться на компонентах. Для этой цели они прикрепили маркеры, чтобы удостовериться: частицы, соединяющие белки и щиты со своими связками, прикрепляются правильно. Ученые использовали флуоресцентную метку, которая следовала бы за белком, присоединяющим наночастицу к щиту ПЭГ.

Слишком сложно! Или, как говорил мой научный руководитель, когда я предлагала ему диковинные многоуровневые стратегии научных исследований: “Экспериментальная акробатика обречена на провал”. Но в руках Бхатии акробатика работала прекрасно. В 2006 г. исследовательница со своей командой сообщили об успешной группировке наночастиц^[171] в клеточной культуре посредством ферментов, а в 2009 г. продемонстрировали тканеспецифичную доставку^[172] и визуализацию наночастиц в селезенке и костном мозге.

Это была великолепная работа. Придумав гениальную комбинацию связывающих белков и удаляемый ПЭГ щит, который Бхатия называла “синтетическим биомаркером”, ученые нашли успешный и практически осуществимый метод, чтобы заставить наночастицы сгруппироваться в целевой ткани. Это означало, что теперь они могут воспользоваться МРТ, чтобы заглянуть внутрь этой ткани. Если сканер найдет в ней патологический процесс, исследователи смогут переработать ту же стратегию работы с наночастицами, чтобы отправить конкретное лекарство непосредственно в саму ткань, где наночастицы сгруппируются, чтобы лекарство в высокой концентрации воздействовало в определенном месте, скоординированно и прицельно.

Метод Бхатии во всех отношениях применим для диагностики и лечения заболеваний различных органов

тела – например, для обнаружения опухоли или отслеживания повреждения печени из-за прогрессирующего заболевания. Но Бхатия быстро обнаружила еще одно, менее очевидное его применение, которое первоначально не было в центре внимания. Благодаря своей способности делать неожиданные открытия исследовательница обнаружила, что ее новая технология наночастиц может обеспечить более быстрый и чувствительный метод диагностики рака и других заболеваний.

Врачи, которые обнаруживают единичную опухоль раковых клеток в одном месте, часто прибегают к хирургическому вмешательству или узконаправленной лучевой терапии, чтобы удалить опухоль или уничтожить ее. Но, когда злокачественное новообразование дает метастазы, работа осложняется, потому что многочисленные раковые клетки распространяются во множество мест, где их трудно найти и ликвидировать.

Метастазирование – одно из самых смертоносных свойств онкологических заболеваний. Чтобы распространиться на другие органы, раковым клеткам на своем пути нужно преодолеть естественный тканевый и молекулярный барьеры^[173]. Органы – это изолированные структуры с клетками, организованными с высокоточной архитектурой. Вторгаясь в нее, раковые клетки должны преодолеть молекулярные структуры органа, которые удерживают нормальные клетки в определенных местах. Чтобы расчистить в ткани место для вторжения, раковые клетки вводят в действие специальные ферменты, которые пробиваются через белки и другие молекулы.

Бхатия и ее команда поняли, что они, возможно, сумеют приспособить свой новый метод визуализации тканей так, чтобы “осветить” не только нормальные органы, для отслеживания их реакции на болезнь, но также и следить за болезнетворными клетками, в том числе и за

развивающимся раком. Если щиты, которые они использовали для того, чтобы предотвратить группирование наночастиц во время пути по кровотоку, снабдить фрагментами белка, который обычно “разрезают” раковые ферменты, не будет ли это означать, что связки могут быть отрезаны тогда, и только тогда, когда встретятся с раковыми клетками? Если это так, то ранее защищенные щитами белки выделяются и смогут связаться, заставив сгруппироваться прикрепленные к ним наночастицы на месте опухоли. Это, в свою очередь, возможно, сделает рак видимым на МРТ гораздо раньше, чем с помощью уже известных методов.

Чтобы проверить эту теорию, Бхатия и ее команда провели опыты и добились успеха: они смогли увидеть экспериментальные опухоли на МРТ. Это был настоящий триумф. И тогда с помощью небольшой удачи и великолепного научного прозрения они сделали открытие, которое повело их работу по совершенно иному, возможно потенциально более важному, пути.

Открытие произошло, когда они оценивали результаты своих экспериментов и заметили одну вызывающую недоумение деталь. Вдобавок к тому, что они, как и надеялись, увидели особый МРТ-сигнал на местах опухолей у лабораторных мышей, исследователи также обнаружили неожиданный флуоресцентный сигнал^[174] в мочевом пузыре мышей.

Проще всего было посчитать этот сигнал побочным продуктом эксперимента, который ничего не значит. В мочевом пузыре, в конце концов, накапливается моча, а моча – это поток отходов, которые естественным образом могут содержать элементы белковых щитов и связок, отфильтрованные почками в ходе их обычной деятельности. Но могли быть другие объяснения, и неожиданная находка поставила в тупик учеников Бхатии, испугавшихся, что необычный сигнал в мочевом пузыре указывает на то, что эксперимент провалился. Но, когда результаты принесли Бхатии, она увидела, что происходит кое-что необычное и интересное. “Моя медицинская подготовка подводила к тому, что нет никакого способа,

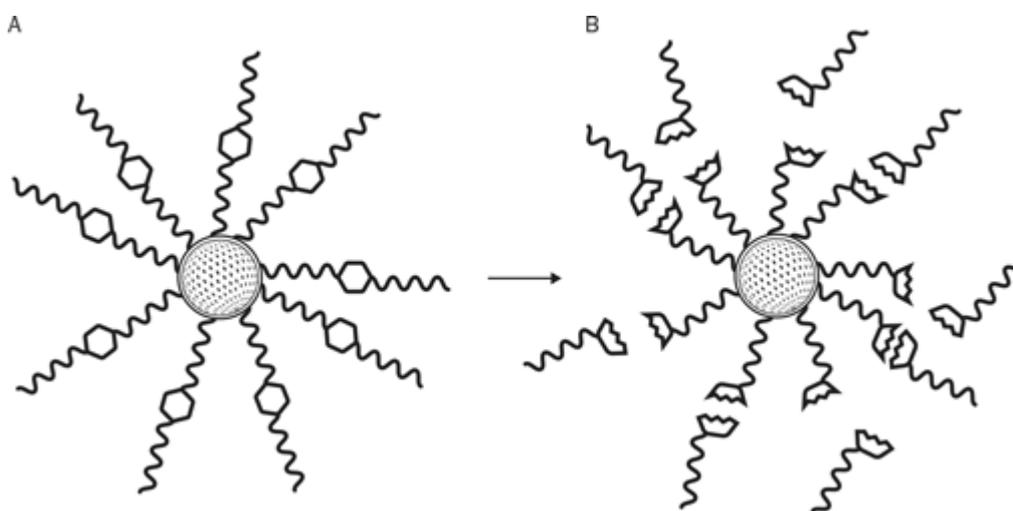
которым наши полностью собранные наночастицы могли попасть в мочу, – сказала Бхатия. – Они просто слишком велики для того, чтобы пройти через фильтр в почках”.

Исследовательница поняла, что должна разобраться с тем, что происходит, и после некоторого мудреного биологического расследования вычислила, в чем дело. Флуоресцентные метки, дающие сигнал в мочевом пузыре, не были связаны с неповрежденными наночастицами. Они состояли из прошедших через почки маленьких кусочков белковых связок, которые скрепляли щит ПЭГ с наночастицами. Команда Бхатии пометила связки, чтобы проследить за всеми сложными этапами эксперимента: вначале, чтобы удостовериться, что связки и щиты прикреплены к наночастицам, а потом – чтобы проследить за их путем по кровотоку к опухоли. Но ученые не сознавали, что, когда раковые ферменты расщепляют белковую связку, удерживающую щит ПЭГ, получившиеся в результате фрагменты достаточно малы, чтобы пройти через фильтр почек в мочу, где они, все еще флуоресцируя, собираются в достаточной концентрации, чтобы стать видимыми.

Как только Бхатия поняла, что происходит, она осознала, что команда ученых открыла биологический механизм, который потенциально может обеспечить простой и надежный способ очень ранней диагностики рака^[175]. Если дело действительно обстоит так, это будет революционным клиническим прорывом.

За годы после открытия Бхатия модернизировала свой диагностический тест, и теперь он работает, как те тесты на беременность, что лежат на аптечной кассе. Это неинвазивный и недорогой анализ с очень высокой чувствительностью, которая действительно производит впечатление. Напомню, что сегодняшние методы визуализации и анализы крови могут обнаружить опухоль только в том случае, если она имеет размер не меньше 1 см. Бхатия считает: ее метод может обнаруживать опухоли размером менее 5 мм^[176]. Поскольку для некоторых видов опухолей могут потребоваться годы^[177],

чтобы вырасти от 5 мм до 1 см, обнаружение и лечение таких маленьких новообразований даст врачам отличную фору в борьбе со злокачественными заболеваниями.

Диагностические наночастицы. (А) Наночастица, украшенная белками, которые содержат места расщепления специфического для заболевания фермента (шестиугольник). (В) Когда болезнь и ее фермент присутствуют в ткани, фермент расщепляет белок и высвобождает его отдаленные от центра фрагменты, которые проходят по кровотоку и фильтруются через почки в мочу. Именно эти маленькие фрагменты в ней и обнаруживаются

Чтобы ускорить клинические исследования этой новой значительной технологии, Бхатия основала компанию под названием Glympse Bio. Разработка готового к выходу на рынок теста мочи^[178] ожидается в 2020 г. Бхатия и ее коллеги планируют развить ряд новых диагностических технологий, способствующих раннему обнаружению не только рака, но и многих других видов заболеваний. “Мы тратили так много времени и средств, чтобы не дать нашим пациентам умереть на поздних стадиях болезни, – сказала мне исследовательница, – но многие заболевания

мы могли бы вылечить, если бы обнаружили их раньше, пока они еще не стали неизлечимыми”.

Как становится ясно из работы Бхатии, нанотехнологии обещают революцию в медицине, значительно улучшив диагностику и терапию заболеваний, а также снизив их стоимость. В своих поисках исследовательница не одинока – у нее есть множество преданных делу коллег. Например, ученые исследуют наночастицы, которые будут медленно доставлять помещенное в них лекарство^[179], обеспечив длительное лечение после одного укола против рака или других болезней, или наночастицы, несущие набор контрастных веществ, повышающих мощность аппарата для ультразвукового исследования или МРТ^[180]. В ближайшие десятилетия все ускоряющееся слияние нанотехнологии и биологии даст нам новые технологии, которые сегодня мы даже не можем себе представить, нанотехнологии, полностью изменяющие то, как мы осуществляем лечение и профилактику заболеваний и боремся с болезнями. Бхатия нисколько не сомневается в этом. “Будущее, – говорит она, – начинается с малого”.

Глава

5

Усиление мозга

Джим Эвинг вернулся с семьей из отпуска на Каймановых островах совершенно другим человеком. Инженер в компании, выпускающей альпинистские тросы, он занимался скалолазанием с подросткового возраста. Эвинг карабкался на скалы^[181], нависающие над океаном, когда из-за лопнувшего бракованного троса упал с 15-метровой высоты на острый утес. Весь следующий год ушел на лечение травм: перелом таза, перелом кисти со смещением и ушиб легкого. Несмотря на многочисленные операции и лечебную физкультуру, левая нога Джима, серьезно пострадавшая от удара, по-прежнему причиняла ему невыносимую боль и не позволяла выполнять самые простые действия, необходимые в повседневной жизни. Он не мог даже надеть носки, не пережив приступа жестокой боли, и уже потерял всякую надежду вернуться хотя бы к какому-то подобию прежней активной жизни. Эвингу предстояло принять тяжелое решение: сохранить ногу или сдаться? Пройти через ампутацию и начать новую жизнь, зависимую от протезов? Это решение его ужасало.

Как инженер Эвинг продолжал искать возможные медицинские решения, но особых надежд не питал. Он вспомнил, что один из товарищей-альпинистов, имеющий протезы ног, сопровождал его в восхождениях на самые труднодоступные вершины Новой Англии. Джим решил с ним связаться.

Приятель Эвинга Хью Герр, теперь профессор, возглавляет группу биомехатроники^[182] в Медиалаборатории МТИ. Он предложил совершенно иной взгляд на будущее Эвинга. Хью работает на переднем крае разработки “умных” протезов и глубоко заинтересован в развитии этой отрасли: в 1982 г., в возрасте 17 лет, он

потерял обе ноги во время несчастного случая в горах ^[183]. После травмы Хью решил снова вернуться в горы, но примитивные протезы того времени делали это желание несбыточной мечтой. Они не обеспечивали никаких вспомогательных сил, которые мы получаем от суставов и мышц, и, разумеется, не имели связи с нервной системой. Эти протезы давали достаточную устойчивость, чтобы человек мог держаться прямо и двигаться, но даже и близко не предоставляли той подвижности, которая нужна для альпинистских восхождений.

Тем не менее Герр не отказался от своей мечты. Вместо этого он взял дело в собственные руки. Еще учась в школе, Хью начал создавать ножные протезы ^[184], которые позволят ему снова карабкаться по горам, и впервые в жизни был серьезно настроен по поводу своих исследований. Он закончил школу, а потом изучал физику в местном колледже. Герр учился достаточно хорошо, чтобы поступить на постдипломную программу обучения в МТИ, а затем и в Гарвард, где изучал инженерную механику и биофизику и добился глубокого понимания механического и математического моделирования движения и силы. После получения степени PhD Хью вернулся в МТИ, где сосредоточился на разработке и создании нового, революционного поколения компьютеризированных протезов. Сегодня с помощью своих искусственных ног, которые он сам и придумал, Герр снова с большим энтузиазмом и профессиональным мастерством занимается альпинизмом и передвигается так грациозно, что никто и предположить не может, что его конечности не являются биологическими. Хью превратился в один из маяков фантастических технологий будущего, которые могут вернуть людей с ампутированными конечностями или параличом к полностью подвижной жизни.

Герр воспринял звонок Эвинга как судьбоносный момент. Он как раз трудился над проектом разработки приспособления, которое вместе с новым методом ампутации обеспечивало взаимодействие пациента с

роботизированным протезом. Эвинг все еще разрывался между имеющимися у него вариантами.

Компьютеры и механизмы в разработанных Герром голенях с потрясающей точностью повторяют функции обыкновенного человеческого голеностопа. Движение стопы или руки или любое наше действие – продукты сложной двигательной системы. Она задействует нервную систему и мышцы, чтобы перевести наши намерения – например, решение подняться на один лестничный пролет – в моторную программу, которая состоит из чрезвычайно сложных заданий с высокой степенью точности и очень маленькой доли активного мышления. Мы осознаем некоторые из компонентов этой системы, в то время как функция других, в сущности, осуществляется автономно, намного ниже нашего обычного уровня восприятия.

Возьмем очень простое действие: вы сидите, положив правую ногу на левую. Если же хотите вытянуть или распрямить затекшую правую ногу, то делаете это, активировав икроножные мышцы. Чтобы выполнить эту кажущуюся простой задачу, вы не контролируете детально все нервные и мышечные процессы. Чтобы опустить ногу вниз, вам не нужно отдавать икроножным мышцам команду сжаться и не нужно указывать мышцам передней части голени, чтобы они расслабились и не сопротивлялись действию. Вы осознаете свое намерение, и это инициирует действие, при этом вы сознательно не воспринимаете многие этапы его воплощения.

Если я убедил вас положить ногу на ногу и провести этот маленький эксперимент, то соответствующие мышцы, поднимающие или опускающие стопу, активируются с помощью сигналов, полученных от нервных клеток в вашем спинном мозге. Эти нервные клетки напрямую активируют мышцы и называются двигательными нейронами^[185]. Они находятся в спинном мозге – длинном столбе нервной системы, который тянется от головного мозга вниз по центру спины. Тела клеток двигательных нейронов, которые, в сущности, являются их “операционной базой”, содержат ядра клеток (с их ДНК) и

большую часть аппарата, который поддерживает деятельность клетки (например, считывание ДНК и построение по ней РНК и превращение РНК в белки). У каждого двигательного нейрона есть длинный, тонкий отросток, который называется аксоном и отходит от спинного мозга. Тысячи аксонов двигательных нейронов соединяются друг с другом в нервы, достигающие отдельных мышц и обеспечивающие связь с нервной системой, управляющей мышцами.

Помимо двигательных нейронов спинной мозг состоит из мириад других нейронов, которые взаимодействуют друг с другом и формируют нейронные цепи, управляющие нашими движениями. Двигательные нейроны отвечают за сокращение мышц, а чувствительные нейроны в мышцах и сухожилиях суставов передают информацию о деятельности мышцы – к примеру, сжимается она или растягивается – обратно в спинной мозг. Для того чтобы совершить желаемое действие, сигналы от спинного мозга к мышцам и от мышц к спинному мозгу уравниваются. Координация элементов движения вашего голенистопа, таких как взаимная активация мышц, которая заставляет ступню опускаться, и торможение мышц, которое ее поднимает, происходит внутри спинного мозга. И большая часть этих “согласований” является ответной реакцией, приспособлением к положению и движению самого голенистопа.

Когда конечность отсутствует, связь со спинным мозгом не может больше поддерживать никакую деятельность. Протез не может отзываться на ваши намерения. Тем не менее Герр запрограммировал^[186] компьютер в своих искусственных голених так, чтобы он имитировал движения обычного голенистопа, по сути воспроизведя тот вид обратной связи, которой головной и спинной мозг обмениваются, когда человек изменяет манеру ходьбы или приспосабливается к неровностям поверхности, по которой идет, например по склону. Чтобы разработать протезы голени, Герр изучил биологию ходьбы, используя передовую технологию распознавания, чтобы следовать за

движениями голени и всей ноги. Также он измерил энергию, которую человек использует при ходьбе^[187] – и на данных природой конечностях, и на пассивных протезах, – и увидел, что разница между этими двумя показателями просто огромна. Он измерил, сколько силы прилагает нормальная голень во время “толчкового” этапа ходьбы, когда находящаяся сзади нога отрывается от тротуара, чтобы перенестись вперед. Жесткие протезы ног, лодыжек и ступней могут обеспечить устойчивость, но не дают дополнительных степеней свободы, и люди, использующие их, вынуждены прилагать невероятные усилия, чтобы перенести протезы на нужное место при каждом следующем шаге вперед.

Герр смоделировал эти биологические факторы в компьютеризированном протезе голени, последнюю версию которого он назвал EmPower. Ходьба с EmPower требует не бóль-ших усилий, чем ходьба с биологическими конечностями. Это выдающееся достижение и продвижение на качественно новый уровень жизни для таких людей, как сам Герр, не говоря о ветеранах, которые возвращаются к жизни и работе после ранений, полученных на поле боя. Тем не менее, хотя протез EmPower отлично подходит для ходьбы, он не позволяет своим владельцам, скажем, притопывать ногами под музыку. Это проблема более высокого порядка – одна из многих, над которыми Герр работает в своей лаборатории биомехатроники. Желая узнать больше, однажды я нанесла туда визит.

Лаборатория представляет собой маленькую двухэтажную мастерскую, набитую оборудованием и запчастями. Войдя в нее, я прошла мимо лабораторных столов, где стояли различные устройства и инструменты, протезов конечностей разного дизайна и беговых дорожек, оборудованных целыми батареями компьютеров, каждый из которых был запрограммирован так, чтобы с большой точностью измерять скорость, усилие и угловое положение каждого сустава ноги во время ходьбы или бега. По винтовой лестнице в одном из углов мастерской я поднялась на верхний уровень с кабинетами –

архитектурная уловка для того, чтобы увеличить объем лаборатории. В маленьком скромном кабинете Герра были только стол, стулья и несколько ножных протезов у стен.

Герр посвятил свою лабораторию и свою жизнь тому, чтобы заложить будущее всего ассортимента технических средств реабилитации инвалидов: разъемы, соединяющие устройство с культей; протезы, движения которых повторяют движения естественных конечностей; приспособления, распознающие сигналы в мышцах так, что тот, кто их носит, может двигать искусственной конечностью в соответствии со своими желаниями, а также технологии нейрокомпьютерного интерфейса, который когда-нибудь соединит нервную систему с протезом, позволив человеку и двигать конечностью, и ощущать это движение. Герр считает своей целью разработку протезов рук и ног, соединенных с нервной системой, что восстановит полную функциональность конечностей.

Протезы голеней, которые Герр уже создал, стали символом триумфа протезирования. Со своими новыми конечностями люди, потерявшие ноги, теперь могут делать то, что любили до травмы, например гулять по улице или бродить по извилистым лесным тропинкам. Важно, что протез EmPower, в отличие от пассивных протезов голени, несет ту же полезную нагрузку, что и биологическая голень. Эта технология представляет собой шаг вперед, который может изменить все для людей, потерявших конечности. Но, как это часто случается, новые устройства не смогут реализовать свой революционный потенциал, пока мы не поймем, как перенести их из лаборатории на рынок. Для этого требуется сделать их более легкими, способными к адаптации, дешевыми и простыми в использовании. Чтобы понять, как инновации прокладывают себе путь на рынок, я побывала в одной из фирм, занимающейся новаторской работой над протезами^[188], – в компании Össur, находящейся в Исландии.

Я прилетела в Рейкьявик, столицу Исландии, в конце октября и поселилась в отеле в центре города. В девять утра, во время очень долгого рассвета, напоминающего, насколько близко я нахожусь к полярному кругу, я вышла из отеля и направилась в офис Össur. Когда через полчаса я вошла в здание компании, солнце, по большому счету, только поднялось и бросало низкие лучи в вестибюль, ярко освещая лозунг фирмы, украшающий стену: “Жизнь без границ”. Это стало идеальной прелюдией к тому, что я увидела дальше.

После звонка, чтобы сообщить о моем приходе, секретарь, ведущий прием посетителей, пригласил меня подождать в комфортабельном холле. Повсюду были фотографии и видеозкраны, показывающие взрослых и детей, которые носят протезы Össur. Они катались на велосипедах, забирались в горы, играли в подвижные игры и занимались обычной, повседневной деятельностью, такой, как подъем по лестнице. Для человека без руки или ноги именно эти каждодневные занятия превращаются в героические достижения. Я поймала себя на том, что глаз не могу оторвать от фотографии сияющей от счастья невесты в красивом подвенечном наряде, радостно вышагивающей рядом со своим женихом, которому через несколько секунд предстояло стать ее мужем. Жестом, естественным для любой невесты, она придерживала край своего платья, скрывающего две искусственные ноги. На соседнем видеозкране группа веселых детей в яркой форме мчалась через спортивное поле: у некоторых было по одному протезу ноги, а у других – по два.

Мне едва хватило времени, чтобы осознать, какую жизнь могут обеспечить умные протезы, как в комнату ожидания вошли двое руководителей Össur – Хильдур Эйнарсдоттир и Ким де Рой. В течение следующих нескольких часов они познакомили меня с компанией и ее продукцией, среди которой множество самых

современных, снабженных компьютерами протезов, доступных для людей с ампутированными конечностями. Де Рой задал быстрый темп ходьбы и разговора, пока мы шли в бионическую исследовательскую лабораторию Össur по длинному коридору со стеклянными стенами, откуда открывался великолепный вид на вулканическую горную гряду.

Эйнарсдоттир указала на ряд коленных протезов, управляемых компьютерами, – прототипов изделия, которое в компании называется RHEO KNEE. Оно разработано так, чтобы предугадывать движения пользователя. RHEO KNEE помогает ходить и бегать, а не просто позволяет это делать, как рудиментарные механические протезы. Я была потрясена тем, как эти протезы похожи на нарисованные на компьютере голени Хью Герра, и узнала, что это не является совпадением. Хозяева объяснили, что технология впервые появилась в лаборатории Герра, а Össur приобрела компанию, которая первой получила патент на нее.

Теперь компания делает коленные протезы для людей по всему миру. Как и голеностоп EmPower, такой протез предсказывает движения того, кто его носит, с помощью маленьких компьютеров, размещенных в RHEO KNEE, чтобы имитировать нейронные процессы, которые обычно происходят в спинном мозге. Он обеспечивает правильный отклик, когда человек двигается в различных условиях: поднимается или спускается по лестнице или горной тропе; идет медленно или быстро; садится на стул или встает с него. Встроенные в коленный протез компьютеры и электронное оборудование позволяют протезу “думать самому за себя”, давая пользователю гораздо большую подвижность по сравнению с пассивным протезом колена – ту улучшенную подвижность, которую обеспечивает и протез голени Герра EmPower.

Выход продуктов на рынок требует, чтобы протезы стоп, голеней и коленей от Össur были способны в буквальном смысле выдержать интенсивное использование, весовую нагрузку, изгибы и повороты во время движения. А в некоторых случаях они должны прослужить до конца

жизни человека, поскольку медицинские страховки многих пациентов, переживших ампутацию, покрывают только одно протезирование и могут не распространяться на сервисное обслуживание или замену частей. Össur разработала RHEO KNEE как долговечное, высокочувствительное, одобренное законодательными органами устройство, которому не требуется обязательное сервисное обслуживание. Чтобы все это стало возможным, компания не только разработала коленный протез, но и нашла способ сделать его эффективным и долговечным. Изготовление каждого из них начинается с великолепного дизайна и заканчивается искусной обработкой.

Чтобы превратить дизайн в продукцию, комплекс Össur включает в себя производственное предприятие. Объясняя, как компания организует процесс производства в соответствии с упомянутыми выше требованиями, де Рой провел нас в лабораторию сборки, которая, в сущности, представляет собой фабрику. В производственных процессах, тщательно контролируемых, для достижения необходимой точности Össur использует самые высококачественные сплавы (например, те виды алюминия и титана, которые применяются при изготовлении частей реактивных двигателей) и ультрасовременное углеродное волокно. Я наблюдала, как компоненты проходят более чем через десяток станков, которые придают форму металлическим заготовкам и полоскам углеродного полотна, точат и полируют их, превращая в голени, ступни и колени. У некоторых компонентов допуск на ошибку составляет всего 8 мкм, и этот потрясающий уровень точности и прочности должен сохраняться каждый день, пока тот, кто его носит, справляется с трудностями ходьбы, восхождений, остановок и стояния в своей повседневной деятельности.

Из лаборатории сборки де Рой быстро спустился на пару лестничных пролетов в просторный, залитый солнечным светом вестибюль, который выглядел как спортивный зал с наклонными плоскостями, лестницами, гладкими и неровными поверхностями для ходьбы, велотренажерами и другим оборудованием. Это была

лаборатория походки Össur. Большую часть тренажеров использовали люди, которые ходили, прыгали и крутили педали, и я поняла, что, проведя в компании несколько часов, уже не замечаю, что большинство из них носит протезы. Де Рой рассказал о некоторых трудностях, с которыми разработчикам пришлось столкнуться, чтобы люди могли надеть протез ноги и легко подниматься и спускаться по лестнице. Для демонстрации этого он приподнял штанину, спустил свой (очень модный) носок и показал мне, как его протез голени поднимает переднюю часть стопы (где когда-то находились пальцы ноги) на достаточную высоту, чтобы идти вверх по лестнице с той же скоростью, с какой это делаю я. К тому времени за несколько часов экскурсии по компании мы прошли в общей сложности примерно 1,5 км и преодолели несколько лестничных пролетов, но я не заметила никаких аномалий в походке моего спутника и даже представить не могла, что левая нога де Роя не настоящая.

Голень и стопа де Роя относились к одной из самых последних разработок компании, которая называется Pro-Flex. Они с Эйнарседоттир не могли сдержать своего восторга по поводу инновационного дизайна этого протеза. Pro-Flex полностью использует механические свойства современного углеродного волокна и тщательно разработанного сочленения, которое обеспечивает механический толчок и вращение голени, дающие де Рою необходимые подвижность, равновесие и силу без компьютера или двигателя. Pro-Flex гораздо ближе подошел к имитации естественных движений голени, чем предыдущие устройства, к тому же он легче, дешевле и прочнее, чем большинство сложных протезов.

Современные материалы, компьютеры и устройства, производимые компанией Össur, открыли новые возможности для протезирования. Искусственные конечности стали более подвижными, сбалансированными

и мощными, чем когда-либо ранее. Но пользователи даже самых сложных, управляемых компьютером и снабженных моторами протезов колена иногда ощущают сильное раздражение: они не могут двигаться на протезах так легко и просто, как передвигались на настоящих конечностях, то есть в соответствии со своими намерениями. Вместо этого они часто говорят о действующем на нервы ощущении того, что “колени ведут меня”.

Разработка конечностей, которые соединяются с нервной системой и отвечают на намерения своего носителя, – это следующая сложная задача в мире умных протезов. Как я узнала из разговора с Магнусом Оддсоном, вице-президентом компании по разработке и исследованию протезов, Össur – одна из компаний, ищущих пути решения этой проблемы.

Оддсон напоминает университетских коллег, чей мозг постоянно работает на нескольких уровнях, помимо нашего разговора. Он говорит мало и очень точно. Как Оддсон объяснил, в работе над намеренным управлением протезами цель компании – найти “клинически подтвержденные, инновационные решения”. Это означает, что устройства должны работать так, чтобы служить реальным людям в реальных ситуациях. Необходимо улучшить их подвижность и увеличить охват пользователей. Помимо разработки приспособления компания должна обеспечить медицинские доказательства создания ценного продукта и сокращения издержек, а также улучшение возможностей для пользователя. Для того чтобы фирма была успешной, чрезвычайно важен баланс между самыми современными научными разработками и соответствием требованиям рынка. Устройства не только должны работать, но и быть признаны поставщиками услуг в сфере здравоохранения и оставаться самыми современными. Как сказал Оддсон, ключ к достижению всех этих целей – простота.

Он объяснил, что стратегия Össur состоит в том, чтобы опираться на биологические особенности носителя и не пытаться воссоздать или изобретать заново нервно-

мышечную систему. Цель компании – помочь людям восстановить утраченные функции, а не создать новые или дать возможности Супермена. В результате Össur направляет свои усилия на биологические процессы, задействованные при движении и управлении мышцами, например на те, которые происходят в ноге.

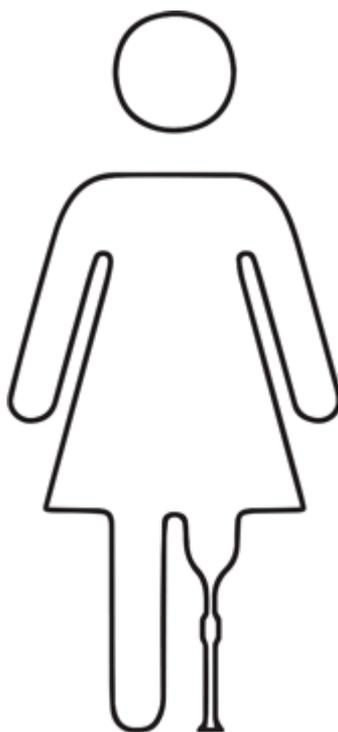
Для того чтобы дать возможность человеку намеренно двигать протезом голени и ступни, Össur прибегает к помощи работоспособных элементов нервно-мышечной системы, сохранившихся после ампутации. Вспомните о том, что двигательные нейроны в спинном мозге имеют длинные аксоны, которые протягиваются через всю конечность, активируя мускулы, используемые при определенном движении. Нервная система в месте ампутации остается в неизменном состоянии, а при большинстве операций ниже колена сохраняется часть мышц нижней части ноги, которые в нормальном виде поднимают или опускают стопу в голеностопном суставе. Понимая это, Össur разработала совместимые с живыми тканями беспроводные электроды, которые ощущают движение мышц. Миоэлектрические сенсоры имплантируются в мышцы, которые в обычном состоянии управляли бы вытягиванием и сокращением лодыжки (когда пальцы ноги, соответственно, указывают вниз или вверх) и которые реагировали бы на сжатие или расслабление мышц. Введенные в мышцы сенсоры посылают сигналы в приемный аппарат, расположенный в манжете протеза. Он передает информацию на контролируемые компьютером моторы в искусственной голени, которые ее растягивают или сжимают, чтобы поднять или опустить искусственную стопу.

Оддсон продемонстрировал успехи Össur, показав мне видео Кали – человека, пережившего ампутацию, который помогает компании тестировать прототип этого протеза нового поколения, управляемого мозгом. На видео Кали носит протез, прикрепленный к его правой ноге ниже колена. Он садится, закинув свою искусственную ногу на настоящую, и привлекает внимание к ступне. Затем, просто пожелав, чтобы это произошло, как происходит с

естественной конечностью, Кали разгибает и выпрямляет ступню, и его роботизированная голень выполняет ту же работу, что когда-то делала живая. После нескольких разгибаний и сгибаний протеза ступни он поднимает голову, и на лице его сияет триумфальная улыбка, в которой соединяются восторг, изумление и гордость.

Конечно, Кали двигает голенью и ступней, не просто подумав об этом. Несмотря на отсутствующую часть ноги, при ампутации сохранились некоторые мышцы ниже колена, и он может напрягать и расслаблять их. До того как ему имплантировали миоэлектрические сенсоры, управляющие компьютеризированным протезом голени, у него не было никаких причин делать это – такое действие было бы совершенно бесполезным. Но с протезом конечности, который может получать сигналы от мышц, Кали снова может желать или изъявлять намерение двигать ступней. Когда такие технологии станут более распространенными, проводящие ампутации хирурги будут делать операции по-другому. Ожидая установку пациенту управляющихся в соответствии с его намерениями протезов, врачи будут бороться за то, чтобы сохранить работу мышц на конце ампутированной конечности так, чтобы сделать возможным использование “умных” протезов. Как я коротко расскажу далее, именно в этом и состоит суть последнего проекта Хью Герра.

Восстановив практически полную подвижность и функциональность ампутированных конечностей и создав дизайн, который может выйти на широкий рынок, Össur изменила то, как мы воспринимаем протезы. Вместо того чтобы сигнализировать об инвалидности, они говорят о нормальности. Именно это я поняла, когда увидела в одном из офисов компании условное обозначение, указывающее на расположение женского туалета. Оно представляло собой стандартную фигурку в юбке, обозначающую женщину, но одна из ног была искусственной.

Условное обозначение на двери женского туалета в компании Össur

Визиты в лабораторию Герра и компанию Össur дали мне веские причины считать, что мы далеко продвинулись по пути решения сложной проблемы замены конечностей на искусственные. Но многие люди с ограниченной дееспособностью не теряют конечности, а страдают от поражений нервной системы. Восстановление подвижности после травмы мозга^[189] – чрезвычайно сложная проблема, но и здесь можно отметить впечатляющие успехи. Я узнала о них, совершив путешествие в Женеву^[190], чтобы встретиться с Джоном Донохью – одним из ведущих нейрофизиологов в мире.

Донохью, друг и коллега по моей ранней работе в области нейронауки, посвятил свою карьеру изучению коры головного мозга – той его части, которая наиболее отличает нас от животных. Работа ученого сосредоточена на двигательной области – сети нервных клеток в коре головного мозга и их связях, управляющих нашими

движениями. В те дни он совмещал работу в Университете Брауна в Провиденсе, штат Род-Айленд, где был преподавателем, и в Женеве, где с 2014 г. являлся директором-учредителем Центра био- и нейроинженерии имени Висса. В Центре Донохью возглавляет команду инженеров, биологов, специалистов по компьютерной технике и практикующих врачей, которые совместно занимаются разработками устройств, способных вернуть подвижность людям, парализованным из-за травмы или болезни.

Научные открытия последнего столетия обеспечили основу для понимания того, как мозг управляет физическими движениями^[191]. После того как мы сознательно или бессознательно решили совершить движение – например, поднять руку для того, чтобы ответить на вопрос, или сделать первый шаг, чтобы спуститься по лестнице и позавтракать, – начинает работать часть нашего мозга под названием первичная двигательная кора. Она находится на поверхности головного мозга, выше передней части ушей. Нервные клетки первичной двигательной коры имеют очень длинные аксоны, которые действуют как провода, передавая сигналы от коры через основание головного мозга и спинной мозг, чтобы те достигли двигательных нейронов в нужном отделе спинного мозга и выполнили определенную задачу. Когда двигательные нейроны получают входящий сигнал от нейронов двигательной коры, их аксоны передают этот сигнал из спинного мозга к мышцам, которые должны совершить планируемое движение. Чтобы я подняла руку, нервные клетки первичной двигательной коры посылают сигнал на двигательные нейроны в район спинного мозга, отвечающий за плечо, а аксоны двигательных нейронов, в свою очередь, передают сигнал из спинного мозга к мышцам, контролирующим движение руки.

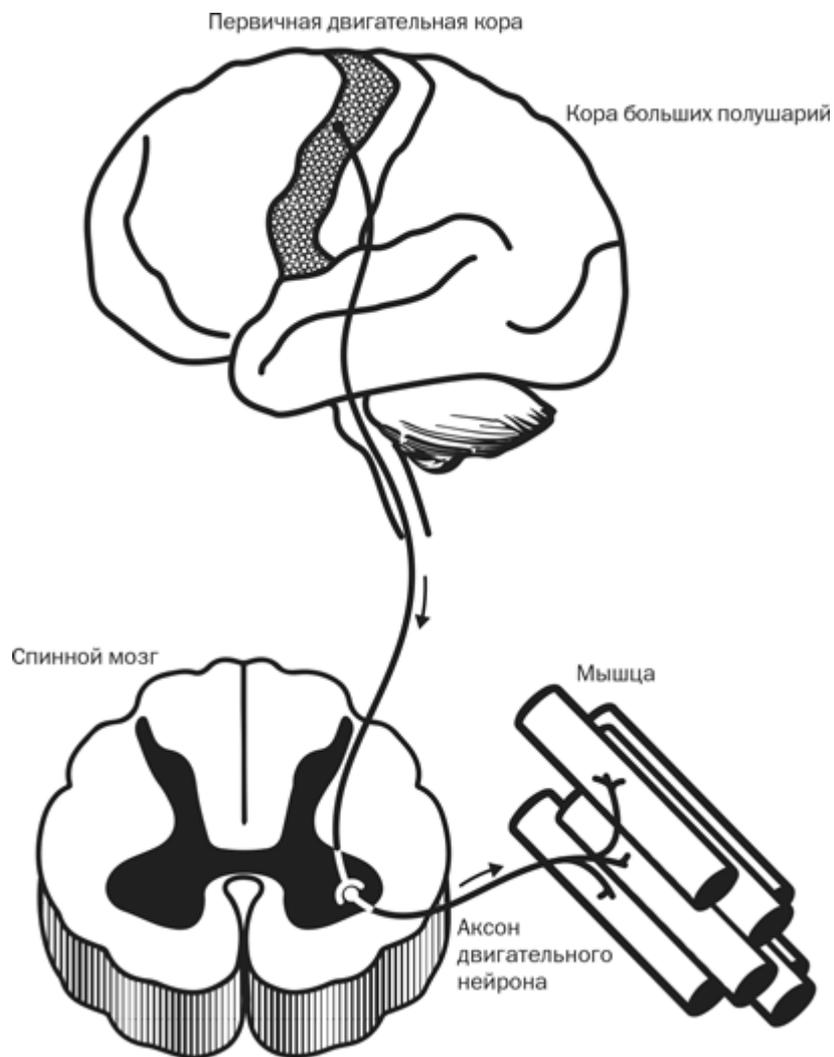
Когда я изучала биологию в аспирантуре, в моих учебниках первичная двигательная кора описывалась как имеющая “пуантилистскую”^[192] организацию: считалось, что ее нервные клетки расположены в головном мозге как

некая карта, отражающая все тело, и нейроны в каждой ее точке управляют моторными нейронами определенных мышц тела. Тем не менее в своей работе Донохью сделал открытие, изменившее наше представление об организации первичной двигательной коры и о том, как мозг управляет физическими действиями. В ряде прорывных исследований ученый доказал, что каждая точка первичной двигательной коры соответствует ^[193] не определенной мышце или ряду мышц, а завершеному действию. Когда я, например, поднимаю руку, одна и та же область первичной двигательной коры управляет мускулами и в правой, и в левой руке, согласовывая сигналы на выходе, чтобы добиться плавного выполнения движений.

Благодаря своим исследованиям Донохью получил признание во всем мире. Если бы он пошел обычным путем, то продолжал бы исследования по общей нейробиологии коры головного мозга. Но он решил воплотить в жизнь невероятно смелое устремление: использовать свои знания о первичной двигательной коре и ее организации, чтобы вернуть способность двигаться людям, парализованным из-за травм и болезней спинного мозга.

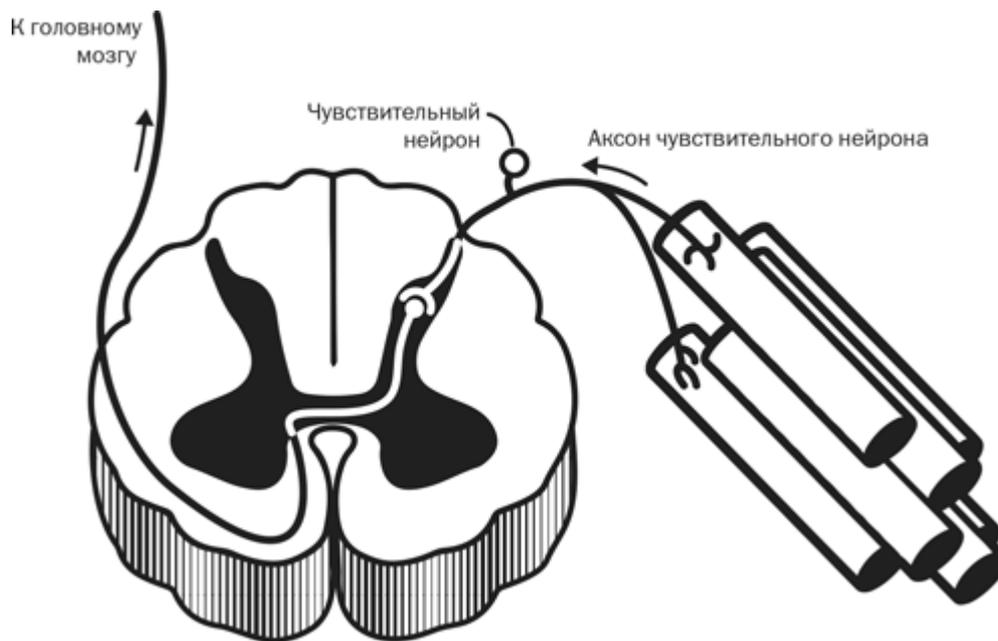
Когда головной и спинной мозг в порядке, нейроны в первичной двигательной коре и других частях мозга посылают сигналы через свои аксоны и координируют движения. Эти сигналы проходят вдоль аксонов от головного мозга через спинной мозг, чтобы активировать двигательные нейроны. Вспомним, что у двигательных нейронов в спинном мозге имеются аксоны, выходящие из спинного мозга, чтобы активировать мышцы. Для того чтобы наши движения имели нужный результат и были скоординированными, они должны восприниматься, устанавливая что-то вроде обратной связи. Мы ощущаем то, что вокруг нас, с помощью касаний и положения рук и ног через сигналы, которые идут в обратном направлении в спинной мозг, через аксоны, которые связывают органы чувств в мышцах, коже и суставах с нервными клетками в спинном мозге, а затем, через спинной мозг, – еще выше, в

головной. Сенсорные связи, возвращающиеся в мозг, дают нам представление о боли, тепле, холоде или о положении рук или ног^[194].

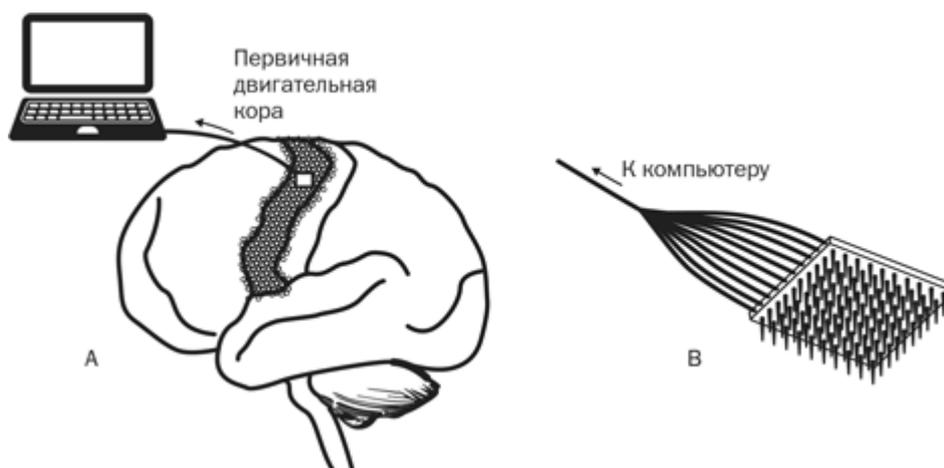
Активность в первичной двигательной коре управляет движениями. Нейроны (нервные клетки) в двигательной коре имеют длинные аксоны, которые ведут в спинной мозг. Когда нейроны первичной двигательной коры активны, их оканчивающиеся в спинном мозге аксоны активируют двигательные нейроны. Аксоны последних связаны с мышцами и управляют их движениями

Тем не менее после травмы спинного мозга все эти связи могут быть разрушены, “отрезав” головной мозг от мышц и органов чувств, что оборачивается параличом и потерей чувствительности. Спинной мозг защищен от травм костной оболочкой – бугристым позвоночным столбом, который мы видим и ощущаем вдоль спины. Подобным же образом головной мозг защищен черепом – собственной костяной оболочкой. Защита головного и спинного мозга критически важна: в отличие от кожи, костей, печени и мышц нервные клетки центральной нервной системы не могут эффективно восстанавливаться от травм. Все наши способности и действия – например, дыхание, речь, зрение, ходьба – управляются нейронами, которые в случае повреждения починить себя не могут. Несмотря на огромное количество исследований, мы все еще полностью не понимаем биологические механизмы, которые не позволяют мозгу восстанавливаться, и у нас по-прежнему нет эффективных стратегий лечения травм головного и спинного мозга. Это означает, что серьезные поражения спинного мозга часто делают намеренное движение конечностями невозможным навсегда. После тренировок некоторые пациенты могут восстановить часть функций через пути, которые не были затронуты травмой, но большинство людей с поражениями спинного мозга остаются парализованными и лишенными ощущений.

Сенсорная информация от мышц (или кожи) попадает в спинной мозг через аксоны чувствительных нейронов, которые находятся вне спинного мозга. Входящие сигналы активируют нейроны спинного мозга, которые несут сенсорную информацию в головной мозг

Донохью увидел, что существует возможность сохранения активности нейронами первичной двигательной коры, несмотря на нарушение связи, препятствующее произвольным движениям после травмы спинного мозга. Он задался вопросом, не удастся ли записать активность этих нейронов, чтобы понять намерение человека, а потом придумать альтернативные средства, чтобы превратить это намерение в движение. Если это удастся сделать, то, возможно, он сможет обеспечить людям, парализованным из-за травмы или болезни, способ физического взаимодействия с миром. Чтобы изучить такие возможности, ученый объединил усилия с рядом коллег – врачей, инженеров и нейробиологов. В начале 2000-х гг. они разработали интракортикальный^[195] нейрокомпьютерный интерфейс (НКИ)^[196], записывающий активность головного мозга, а затем передающий ее на компьютер, который использует эти записи для управления движением.

Интракортикальный нейрокомпьютерный интерфейс (НКИ) может записывать намеренные движения с нейронов первичной двигательной коры. (А) Небольшой набор электродов (белый квадратик в первичной двигательной коре) записывает активность ее нейронов. Когда начинается намеренное движение конечности, набор электродов распознает сигналы нейронов первичной двигательной коры и эти сигналы передаются компьютеру. Компьютер расшифровывает сигналы и передает их на внешнее устройство, такое, как роботизированная рука. (В) Набор электродов интракортикального НКИ представляет собой примерно сотню очень тонких, напоминающих иглы, электродов, которые имплантируются в первичную двигательную кору. Электроды записывают активность ее нейронов и передают эти сигналы по маленьким гибким проводам на находящийся неподалеку компьютер.

Донохью и его коллеги впервые продемонстрировали потенциал интракортикального НКИ^[197] в 2006 г., когда молодой человек, парализованный от области шеи и ниже из-за травмы спинного мозга, использовал интракортикальный НКИ с компьютерным интерфейсом, чтобы играть в видеоигру Pong. Когда он представлял, как двигает рукой компьютерную мышь, интракортикальный НКИ считывал его намерения и переводил их в движение ракетки Pong на мониторе компьютера.

За следующие годы команда Донохью добилась значительных успехов, и в 2012 г. исследователи сообщили, что женщина по имени Кейти^[198], парализованная от шеи и ниже из-за последствий инсульта, благодаря интракортикальному НКИ могла управлять движением роботизированной руки, просто думая о том, как двигает своей рукой. Это стало возможным благодаря миниатюрному чипу размером с маленькую таблетку, имплантированному в ту зону первичной двигательной коры головного мозга Кейти, которая отвечала за естественные движения руки. Чип содержал примерно сотню крошечных иглоподобных электродов, помещенных в первичную двигательную кору. Каждый электрод записывал электрические сигналы, идущие от ближайших к ним нейронов коры, а затем посылал их через очень тонкий провод на компьютер, который, в свою очередь, использовал сигналы, чтобы интерпретировать намерения Кейти. Затем код команды движения посылался на управляемую компьютером роботизированную руку. В первый раз за 15 лет, прошедших после инсульта, Кейти могла двигать предметы, просто думая об этом.

Команда записала видео, где Кейти^[199] успешно использовала роботизированную руку. Задачей женщины было взять бутылку, где находился ее любимый утренний напиток – латте с корицей, – и пить из нее. На видео женщина хмурит брови, сосредотачиваясь на том, чтобы рука двигалась. Это работает: роботизированная рука медленно захватывает бутылку, поднимает ее и подносит ко рту Кейти. В бутылке есть соломинка, и, когда женщина отпивает из нее и ощущает вкус латте, с одной стороны ее рта появляется слабая улыбка. Через некоторое время она хочет убрать бутылку и поставить на стол перед собой. Когда это удается, Кейти поворачивает голову к камере, и на ее губах видна ликующая улыбка. У меня на глазах появляются слезы.

В 2017 г. Донохью и его команда^[200] продвинули новую технологию далеко вперед, позволив двигать своей собственной рукой Биллу, который был парализован в

течение восьми лет после несчастного случая на велосипеде. Команда имплантировала два интракорткальных НКИ в первичную двигательную кору головного мозга Билла, а также набор стимулирующих электродов в парализованные мышцы руки. Билла, как и Кейти, попросили взять чашку, поднести ее ко рту и отпить из нее. Если Билл желал, чтобы его рука двигалась, сигналы, которые интракорткальные НКИ подхватывали от активных нейронов первичной двигательной коры, передавались на компьютер, посылающий сообщение на электроды в мышцах руки, заставляя их вести себя так, будто они были нормальными. И снова это сработало: Билл захотел, чтобы его рука взяла чашку за ручку и поднесла ее ко рту, чтобы сделать глоток, – впервые за восемь лет с тех пор, как он был лишен возможности есть и пить самостоятельно.

Когда осенью 2017 г. я побывала у Донохью в Центре Висса, он с восхищением показал мне то, что называл своим музеем, – стеклянную витрину, где находился ряд бионических устройств. Многие из них были предшественниками его нейрокомпьютерных интерфейсов, например кохлеарные импланты^[201], которые позволяют многим глухим людям слышать, или кардиостимуляторы, нормализующие нерегулярные сердечные сокращения. Донохью показал мне, как многие из этих изменивших жизнь технологий становились со временем все меньше благодаря открытиям в биологии и развитию техники. И он дал мне подержать новейшую версию чипа, который находится в первичной двигательной коре Билла.

Чип имеет размер грани около 4 мм^[202]. К нему прикреплено сотня электродов толщиной с волос и по 1,5 мм в длину, поэтому он напоминает крошечную щетку для волос с тонкими, едва видимыми зубчиками. К основанию чипа крепится тонкий, очень гибкий провод, позволяющий электродам посылать сигналы, которые они получают, на компьютер, преобразовывающий их на выходе в электронные команды для управления намеренными движениями роботизированной или

естественной руки. Взяв устройство в руку, я была поражена тем, как мало оно весит и как много дает возможностей.

Следующее поколение нейрокомпьютерных интерфейсов и их чипов уменьшится в размерах и не будет иметь проводов. Некоторые инженеры предсказывают, что сенсоры могут стать меньше крупинки соли и будут регистрировать и передавать нейронную активность. Такие маленькие устройства можно разместить в каждом отделе головного мозга, записывая гораздо более широкий диапазон сигналов и обеспечивая намного более точное чтение намерений человека.

С конца 1960-х гг., когда нейрокомпьютерные интерфейсы^[203] были новой, ошеломляющей идеей, быстрое развитие нейробиологии и вычислительных мощностей обещает появление новых технологий, которые в не таком уж далеком будущем, возможно, помогут облегчить состояние при самых страшных заболеваниях. Один из коллег Донохью, доктор Ли Хокберг, предвидит^[204], что следующее поколение беспроводных устройств станет записывать мозговую активность и иметь способность разгадывать момент возникновения аномальных волн, скажем при эпилепсии или биполярных расстройствах. Он ожидает появления приспособлений, которые будут посылать нужные сигналы обратно в мозг, чтобы восстановить его нормальную деятельность, и таким образом вернуть к обычной жизни тех^[205], кто страдает от неврологических и психических расстройств.

Подобные медицинские чудеса гораздо реальнее, чем нам может казаться. Хью Герр и его команда начали клинические исследования, впервые проводимые с участием людей и направленные на то, чтобы в большей степени восстановить естественную подвижность у людей

с ампутированной конечностью. Среди членов команды есть хирурги-ортопеды, нейробиологи, инженеры по механическому оборудованию и электрическим системам и молекулярные генетики, а также студенты колледжей, чья будущая профессиональная деятельность по-новому совместит все эти отрасли. Как и группы в Центре Висса и в компании Össur, исследователи используют нормальные биологические механизмы, чтобы восстановить управление движениями. Они были готовы двигаться вперед, когда Джим Эвинг связался с Хью Герром. Эвинг вызвался быть первым человеком, которому предстояло пройти через то, что сейчас называют “ампутацией Эвинга”.

Герр и его коллеги сконцентрировали усилия на том, чтобы воссоздать нормальные пары мышц агонист/антагонист^[206] вокруг суставов^[207], а затем направить нервы, чтобы связать эти пары со спинным мозгом. Когда вы сгибаете или разгибаете, к примеру, голеностоп, мышцы в передней и задней части голени по очереди сжимаются и расслабляются; и сжатием, и расслаблением управляют цепи нервных импульсов, проходящих от мышцы в спинной мозг через ряд “станций” внутри спинного мозга и возвращающихся обратно в мышцу. Согласованное сжатие и расслабление нужно для плавных и эффективных движений. Входная сенсорная информация от мышц и суставов, идущая в спинной мозг, создает отдельные нейронные цепи, чтобы согласовывать движения, а также отправляется в головной мозг для осознания положения ноги и ступни.

Чтобы адаптировать пациентов к новым устройствам, Герру и его коллегам-хирургам пришлось переработать саму процедуру ампутации^[208]. Они перемещали оставшиеся нижние мышцы ноги, контролирующие движение голени, вместе с соединенными с ними нервами. Ученые создавали пары агонистов/антагонистов, используя сухожилия, чтобы соединить пары мышц, которые будут сжимать и расслаблять голеностоп. После этого хирургического вмешательства, когда пациент думает о том, чтобы расслабить или напрячь голень,

мышцы ног сжимаются и расслабляются по обычной схеме, как пары агонистов/антагонистов. Электроды над мышцами распознают их деятельность и передают сигналы на компьютеризированную голень, которая реагирует на них, воспроизводя действие сохранившейся конечности. Как и в случае с нормальной ногой, намерение того, кто носит протез, управляет движением мышц, но вместо того, чтобы управлять действием напрямую, компьютеры в голени превращают сигналы от мышц в работу протеза голени и ступни.

К 2015 г. команда Герра закончила все приготовления к этой процедуре, которая, возможно, могла полностью изменить жизнь. Были завершены проектирование устройства, компьютерное моделирование и экспериментальная отработка^[209]; исследователи приготовились перейти к испытаниям на человеке, и тут Эвинг связался с Герром. Джиму предстояло принять очень трудное решение: пытаться ли сохранить свою конечность, которая после целого года лечения вызывала нестерпимую боль и не позволяла ему выполнять даже обычные повседневные действия, не говоря уж о его спортивных амбициях? Врачи предоставили Эвингу выбор: продолжать пытаться восстановить голень или ампутировать нижнюю часть ноги и поставить вместо нее протез. Джим так описывал трудность стоящего перед ним решения: “Ампутация казалась ужасной, но все остальные перспективы были очень печальными”. Герр рассказал о своем собственном опыте жизни с ножными протезами, а также об изменениях, произошедших с этими приспособлениями в его лаборатории и в других компаниях. После множества разговоров, консультаций и демонстраций Эвинг решился на ампутацию. Он вызвался быть первым человеком, который пройдет через операцию по новой процедуре^[210], что позволило ему использовать последнюю разработку Герра, а именно протез нижней части ноги (голени и ступни), которым он мог двигать и который мог ощущать.

Обыкновенно Эвинг носит ножные протезы, чтобы ходить, бегать, заниматься скалолазанием, кататься на

лыжах или плавать с аквалангом. Он вернулся к прежней активной жизни без боли. В особые дни Джим присоединяется к команде Герра, чтобы проводить новаторские исследования нового протеза ноги, которую оживляет головной мозг. Во время моего последнего визита в лабораторию биомехатроники Герра я посмотрела видеоролик, где Эвинг взбирается по скале на Каймановых островах. Как и у всех альпинистов, его взгляд устремлен вверх, а в это время левая ступня нашаривает место для опоры; без всякой помощи зрения палец протеза нашупывает место, а затем искусственная нога принимает вес тела и находит равновесие точно так же, как это происходит с живой правой ногой, которая определяет следующую точку опоры. Достигнув вершины, Эвинг садится и смотрит на океан, приподнимая ногу, чтобы положить левую ступню на удобный уступ.

Благодаря этой сложной биологической, компьютерной и механической хирургии и имеющемуся у него устройству Эвинг вернул себе значительный объем почти естественных движений. Он говорит о том, что чувствует все “так, будто протез является частью меня”. Герр предполагает, что в течение следующих 20 лет носить протез “будет почти тем же самым, что восстановить биологическую конечность”.

В не столь отдаленном будущем инвалиды будут ходить, говорить и снова взаимодействовать с миром. Чтобы дать совету директоров МТИ заглянуть в это будущее, в 2010 г. я пригласила Хью Герра рассказать о новых технологиях. Мы встретились в маленькой аудитории. После того как я представила его, Герр вышел на середину комнаты грациозной походкой спортсмена. Ни у кого не было и мысли, что у этого человека ампутированы обе ноги.

Начав говорить, Герр оглядел аудиторию и обнаружил, что многие из присутствующих пользуются меняющей жизнь технологией протезирования – они носят очки. Плохое зрение может осложнять жизнь, отметил он, но мы не считаем тех, кто плохо видит, инвалидами. Почему? “Потому что у нас есть великолепная технология, позволяющая людям с плохим зрением вести

полноценную жизнь”, – сказал Герр. Аналогия идеально отражала то, чего он надеется достичь с протезами. Начав рассказывать о своей работе, Герр закатал вначале одну штанину брюк, а потом другую, постепенно продемонстрировав, к величайшему удивлению аудитории, протезы голеней и ступней. Сомневаюсь, что кто-то, увидевший, как Герр входит в комнату и начинает говорить, посчитал его инвалидом по той простой причине, что он носит протезы, которые делают свою работу так же хорошо, как очки выполняют свою. Стоя на ультрасовременных искусственных ногах с работающими при помощи компьютера голеньями, Герр закончил речь такими словами: “Мы называем создавшееся положение инвалидностью только до тех пор, пока доступные нам технологии не позволяют его преодолеть. Давайте вычеркнем ампутации и параличи из списка заболеваний, ограничивающих возможности”.

Глава

6

Накормить мир

Осенью 2017 г. я оказалась в полутемном вестибюле Центра растениеводства имени Дональда Данфорта рядом с Сент-Луисом. Сквозь маленькое окно я смотрела на “Дом роста”^[211] площадью около 70 м². То, что я видела внутри, напоминало мультипликационный фильм: под ярким светом, который заставлял листья сиять неестественным оттенком ярко-зеленого, примерно тысяча маленьких и средних растений исполняла тщательно отрежиссированный танец.

На самом деле они двигались вдоль конвейерных лент общей длиной 180 м. Появляясь из центральной зоны, растения одно за другим залихватски переходили на очередной конвейер, перепрыгивали на следующий и время от времени останавливались на различных станциях, делая полный круг по всему помещению. У каждой станции была своя особая функция. На одной каждому растению доставалась доза воды, необходимая именно ему. На другой то же самое происходило с удобрениями. На третьей записывался вес. Еще на одной под разными углами делались цифровые фотографии, регистрирующие такие параметры, как высота, обхват и количество листьев, а также размер и рисунок ветвей. На следующей станции фотографии делались в инфракрасном свете, чтобы записать содержание воды. Этот танец продолжался, пока растения не возвращались на свои места на центральном участке, а на следующий день все начиналось заново. Свет, температура и влажность в комнате устанавливали точно и контролировали очень тщательно. Ученые, проводившие исследования в этом помещении, могли поднимать температуру до критических величин, проводя стресс-тесты, и манипулировать со спектром света и его интенсивностью, чтобы проверить способность к фотосинтезу, приспособляемость к тени и т. д.

Несколько минут я наблюдала за этим зрелищем, завороженная его необычностью. Но это было не просто шоу, разыгранное в мою честь. Танец растений продолжался неделями, и весь процесс был тщательно разработан отделением Центра Данфорда под названием Фенотипический комплекс фонда Белуэттера. За каждым растением здесь тщательно наблюдали, используя идентификацию по сигналам персональной карточки и монитор, считывающий штрихкоды. Таким образом, комплекс без всякого вмешательства людей мог отследить, чтобы все изображения и подробные измерения тщательно фиксировались, а индивидуальное выделение удобрений и воды правильно применялось, причем часто в течение всего жизненного цикла растения. Эта работа соединяет биологию и инженерию, чтобы помочь нам понять особым, новым образом, как генетическое наследование растения в сочетании с окружающей его средой со временем создает все особенности и качества, которые вместе называются фенотипом.

Попытка впечатляющая: ученые из Данфорта собирают генетическую и фенотипическую информацию о своих растениях^[212] в форме, которая поддается многофакторному компьютерному анализу. В сущности, это означает, что все генетические и фенотипические особенности переводятся в цифры и с помощью этих цифр создается карта качеств растений. Как генотип отвечает за весь набор генетической информации организма, фенотип содержит в себе всю фенотипическую информацию^[213] о нем, его физические признаки.

Количество информации, которую Дом собирает о каждом растении, просто поражает. Десятки тысяч генов влияют на развитие и функционирование растения^[214], а множество вероятных комбинаций незначительных вариаций генов создает практически бесконечную последовательность возможных фенотипов. Никогда ранее ученым и инженерам не удавалось получить информацию о росте растений в таком количестве и качестве. Благодаря работе нового поколения ботаников в Данфорте и других научных центрах мы получаем более полную, чем когда-либо, картину всех тех сложных путей, которые с течением времени ведут к проявлению генов растения. Учитывая наступление эпохи больших данных и обладающего огромными возможностями компьютерного анализа, мы быстро учимся тому, как изучать фенотипы, манипулировать ими и записывать их способами, позволяющими нам создать варианты растений, которые значительно повысят урожай сельскохозяйственных культур.

Это слияние биологии и инженерного мастерства не похоже на примеры, которые мы рассматривали в предыдущих главах. Там мы видели, как ученые и инженеры приспособливают биологические организмы и механизмы, чтобы решить самые разнообразные технические задачи. Сейчас мы увидим, как сбор информации и инструменты вычислительной инженерии могут помочь проникнуть в суть сложных биологических процессов. Для выведения новых растений и сельскохозяйственных культур эти инструменты обеспечивают ранее немислимый уровень понимания физических свойств растений и того, как эти качества развиваются и меняются с течением времени. Новая информация обещает нам возможность выбирать растения с оптимальными характеристиками гораздо более точно и эффективно по сравнению с тем, как мы это делаем сейчас. Такое слияние является настолько же революционным, как и все остальные, рассмотренные ранее: оно открывает новые подходы к сельскому хозяйству и производству продуктов питания, которые помогут накормить растущее и все более процветающее население нашей планеты, ведь к 2050 г. оно должно достигнуть 9,5 млрд человек или более^[215].

Продуктов питания будет требоваться очень много. Чтобы отвечать этим запросам, нам нужно увеличить сегодняшнее производство сельскохозяйственных культур почти в два раза^[216]. Потребуется ли это удвоения количества обрабатываемых земель? Или, возможно, вместо этого мы сможем повысить производительность обрабатываемой сегодня земли с помощью технологических нововведений? Проблема действительно сложная, но нам уже приходилось справляться с ней в прошлом. За последние сто лет мы на самом деле увеличили количество производимого зерна не в два, а в четыре раза с помощью более грамотной организации полевых работ: ротации севооборота, возросшей доступности естественных и синтетических удобрений, улучшения генома зерновых благодаря селекции и генной инженерии и возрастающей эффективности механизации сельского хозяйства.

Мы работаем над увеличением производства продуктов питания уже очень долгое время. Благодаря археологическим раскопкам^[217] существуют доказательства того, что люди начали выводить пищевые виды зерновых более 10 000 лет назад в Плодородном полумесяце^[218]. Вероятно, наши далекие предки собирали и сажали зерна дикорастущих растений; затем они повышали всхожесть, тщательно ухаживая за ними, отбирая и разводя самые подходящие варианты. Можно сказать, что они были первыми генными инженерами, несмотря на то что ничего не знали о генах.

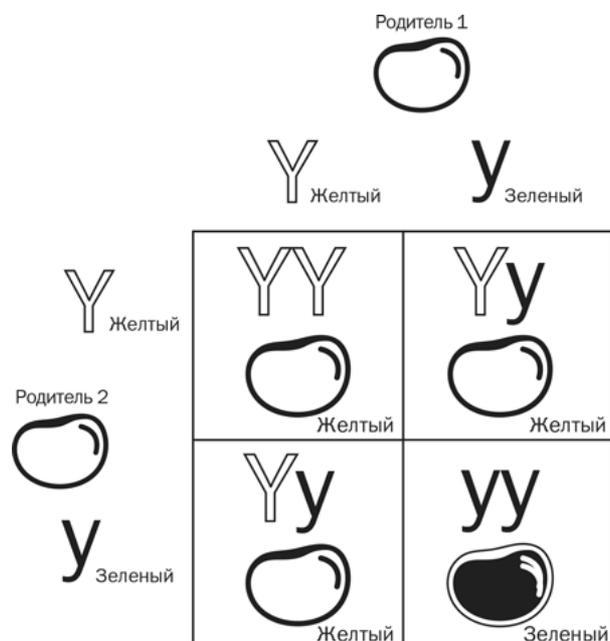
Генетика – современная наука. Слово “ген” восходит всего лишь к 1905 г.^[219], когда датский ботаник Вильгельм Йогансен использовал его, чтобы описать отдельную наследуемую единицу, которая участвует в определении видимых физических особенностей. Йогансен создал слово из термина “панген”, который 20 годами ранее ввел еще один датский ботаник – Хуго де Фриз. Но существование такой наследуемой единицы на самом деле еще раньше предположил августинец Грегор Мендель, человек, которого обычно считают основоположником современной генетики.

Между 1856 и 1863 гг., работая в безвестности в августинском аббатстве Св. Фомы в Брно (сейчас – города в Чехии), Мендель скрестил тысячи растений гороха и обнаружил, что их отличительные черты от поколения к поколению распределяются в соответствии с рядом предсказуемых математических правил. Как предположил ученый, эти правила можно объяснить существованием отдельных наследуемых единиц, которые он назвал “факторами” и которые управляют наследованием физических характеристик растения. Правила, которые разгадал Мендель, сегодня известны как законы наследования Менделя. Именно они легли в основу современной генетики.

Мендель опубликовал свои удивительные выводы^[220] в 1865 г. Ключевым в них было то, что определенная физическая черта растения, например цвет зерен, определяется экспрессией пары генов (как мы их называем сегодня), по одному от каждого из родителей. Эти два гена могут по-разному проявиться в выражении черты: один может быть доминантным, а другой – рецессивным. В случае с генами, отвечающими за цвет зерен гороха, желтый является доминантным над зеленым. Если горох наследует два гена желтого цвета зерен (по одному от каждого родителя), то у него будут желтые зерна. Если растение

наследует два гена зеленого цвета зерен, то зерна будут зелеными. Но если оно наследует один “желтый” ген и один “зеленый”, то у него будут желтые зерна, потому что желтый ген является доминантным.

Когда Мендель описал “факторы”, которые лежат за законами наследования, он и понятия не имел, какую физическую форму они могут принимать. То же самое справедливо и по отношению к Иогансену: впервые используя термин “ген”, он, как и Мендель, описывал механизм поведения, а не физическую структуру. Настоящая структура ДНК^[221] и ее роль в определении качеств организма была открыта почти 50 лет спустя.

Решетка Пенетта – стандартный инструмент для представления генетического скрещивания. Для семян гороха желтый цвет зерен (Y) является доминантным над зеленым (y). Горох с двумя желтыми генами (YY) или с одним желтым и одним зеленым (Yy, гетерозиготные) будет иметь желтые зерна. Когда два растения-родителя с генетическим набором Yy скрещиваются, растения-потомки наследуют один или два доминантных гена и желтые гены (Y) дадут желтые зерна. Это означает, что наследник, получивший два Y гена (YY, гомозиготные), будет иметь желтые зерна, и такие же зерна будут у тех растений, которые унаследовали по одному желтому (Y) и одному зеленому (y) гену (Yy, гетерозиготные). Только зерна растений-потомков, которые унаследуют две копии рецессивного зеленого гена (yy, гомозиготные), будут иметь зеленую окраску

Такой путь научного прогресса вполне обычен, и мы часто встречались с ним на страницах этой книги. Он начинается с интенсивных наблюдений явления, а последующие исследования вели к открытию физического компонента, вызывающего само явление. Майкл Фарадей описал электромагнитные силы в середине XIX в.^[222], задолго до того, как в 1897 г. Дж. Дж. Томсон открыл электрон^[223] как частицу, дающую жизнь этим силам. Подобным же образом кинетика прохождения воды через клеточную мембрану^[224], была подробно описана в первой половине XX в., задолго до открытия Питером Агре канального белка, обеспечивающего физические проходы для движения молекул воды через мембраны.

При жизни ученого работу Менделя плохо поняли^[225] и практически забыли, но в начале XX в. несколько исследователей переоткрыли и развили ее. Так, Вильгельм Иогансен начал называть “факторы” Менделя генами. Руководствуясь законами Менделя и уже зарождающейся генетикой, агрономы стали по-новому думать о выращивании растений.

Тем временем исследования других ученых постепенно набирали обороты в своих поисках молекулярной структуры ДНК – охоте, начавшейся в 1869 г., когда швейцарский биолог Фридрих Мишер выделил из ядер клеток крови вещество^[226], которое назвал “нуклеин”.

Мишер и не подозревал, что нашел физическую основу наследственности. Многие годы большинство ученых действительно считали, что нуклеин не может нести генетическую информацию, потому что его структура без конца повторяется и однообразна. Богатое разнообразие наблюдаемых фенотипов, как они считали, должно требовать в равной степени разнообразного материала, поэтому идею о том, что нуклеин имеет отношение к наследственности, никто не принимал всерьез.

Охота на вещество, отвечающее за наследственность, продолжалась несколько десятилетий, до 1953 г., когда в одной из самых знаменитых статей, когда-либо опубликованных, Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик предложили двойную спираль в качестве модели молекулярной структуры ДНК^[227]. Как мы уже видели в главе 2, эта двойная спираль, которую они описали, представляет собой “винтовую лестницу” с параллельными цепями фосфатов и сахаров, связанных между собой перекладинами из пар, где четыре основания всегда соединяются одним и тем же образом (гуанин с цитозином, а аденин с тиминном), обеспечивая точное воспроизведение ДНК.

После описания структуры ДНК молекулярная биология действительно выделилась в отдельную область науки. Вскоре биологи смогли определить, что генетическая информация вначале копируется из ДНК в РНК (очень похожую по структуре на одну нить ДНК), а затем передается от РНК к белкам. Белки руководят организацией клеток в ткани и дают толчок развитию жизненно важных свойств тканей и всего организма.

Этот момент стал знаменательным в истории науки и сельского хозяйства. После открытия Уотсона и Крика молекулярные биологи стали его использовать, чтобы получить совершенно новые способы выращивать пищу. К 1983 г. ученые придумали метод введения ДНК^[228] в клетки растений, а также вывели генетически измененный вид табака, устойчивый к насекомым-вредителям^[229]. Теперь стали возможны еще более разнообразные изменения. Добавление генов к растению могло улучшить его пищевую ценность, понизить потребность в воде или уменьшить восприимчивость к болезням.

В следующие десятилетия генетики и агрономы разработали высокоурожайные сорта кукурузы, пшеницы, риса^[230] и других культур. Эти инновации вместе с повышающейся эффективностью удобрений, систем ирригации^[231], методов севооборота и механизации фермерского хозяйства привели к особенно значительному росту производительности сельскохозяйственных культур^[232]. К примеру, с 1860-х гг. до конца 1930-х гг.^[233] производство кукурузы в США колебалось в районе 760 кг с акра^[234], тогда как сегодня эта цифра устойчиво достигает более 3,8 т с акра. Такой скачок во второй половине XX в. позволил дешево, безопасно и надежно обеспечить продуктами миллионы ранее недоедавших людей и животных по всему миру.

Несмотря на устойчивый рост объемов сельскохозяйственного производства, в мире примерно 800 млн людей не хватает продуктов питания^[235], а более 3 млн детей в возрасте до 5 лет^[236] каждый год умирают от голода. Ботаники продолжают изучать, как манипуляции с генами могут улучшить урожайность культур, и благодаря их усилиям уже появляются значительные результаты. Если соединить эти результаты с силой гения природы, выражающейся в естественном разнообразии растений, то это обещает еще больший рост производительности в сельском хозяйстве. Норман Борлог, один из самых главных вдохновителей “зеленой революции”^[237], в 2002 г. говорил, что, если мы ставим своей целью ускорить повышение урожая зерновых так, чтобы оно соответствовало ожидаемому росту населения, нам нужны “и традиционная селекция, и биотехнологические методы”.

В 1994 г. FDA одобрило для продажи первый генно-модифицированный продукт – помидоры FlavrSavr^[238]. Генетики растений сделали этот сорт созревающим медленнее, чем обычные помидоры, добавив ген, который подавляет тщательно отрегулированную выработку ферментов, разрушающих пектин. С этим геном томаты FlavrSavr могут дольше оставаться на стебле, созревая, и попадают на прилавки магазинов, сохраняя лучший вкус и имея меньше повреждений. FlavrSavr не имел коммерческого успеха, но продемонстрировал, что прямая манипуляция с генами растений может улучшить пищевые культуры и что FDA способно оценить качество таких продуктов и их риски для здоровья.

Сегодня бóльшая часть выращиваемой в США кукурузы, а также хлопка и соевых бобов имеет генетические изменения, которые повышают сопротивляемость культур к насекомым-вредителям и гербицидам^[239]. Как недавно сообщила Национальная академия наук^[240], эти модификации позволили добиться множества преимуществ, среди которых снижение количества пестицидов и гербицидов, используемых при выращивании этих модифицированных культур и немодифицированных растений, находящихся в непосредственной близости. Кроме того, в докладе не приводится доказательств неблагоприятного воздействия генетически модифицированных пищевых культур на здоровье в тех случаях, когда они выращивались с использованием самых современных методов.

Молекулярная биология и геномика позволили нам выделить определенные гены растений, кодирующие особые белки, которые, к примеру, могут защитить растения от вредителей и паразитов или обеспечить выносливость к засухе или морозу. Подобным же образом мы определили генные мутации, являющиеся причиной некоторых заболеваний людей, что дало возможность разработать лекарства, позволяющие эффективно лечить и даже в некоторых случаях полностью исцелять. Но по большей части характерные признаки и болезни не являются результатом действия одного гена или одного белка. Напротив, их генетические основы куда более сложны. Анализ этих сложностей требует другого уровня диалога между биологами и инженерами, такого, который совместит самые современные биологические технологии с последними достижениями в области компьютерной обработки информации.

Рассмотрим только один пример – определение последовательности человеческого генома. Эта работа, казавшаяся невероятно трудной всего 30 лет назад, стала возможной благодаря чрезвычайно стремительному прогрессу технологий определения последовательностей оснований ДНК и таким же быстрым достижениям в обработке информации. На основе данных, полученных из проекта “Геном человека”, по всему миру идет работа, направленная на поиск генетических факторов, влияющих на предрасположенность или устойчивость к заболеваниям. Этот вид исследовательской деятельности часто требует сравнения десятков тысяч отдельных геномов. Например, для обнаружения генов, которые могут служить предрасполагающим фактором аутизма или шизофрении^[241], придется рассмотреть геномы более 60 000 человек и обратиться к самым современным достижениям биоинформатики – области вычислительной науки, разработанной совместно с биологами.

Такой же поисковой деятельностью приходится заниматься и для открытия основных генов, кодирующих имеющие практическую значимость свойства растений. Манипулируя отдельными генами, биологи и инженеры добились впечатляющих успехов в создании высокоурожайной пшеницы с низкой потребностью в воде, удобрениях и инсектицидах. Кукуруза и другие сельскохозяйственные культуры, к примеру, были изменены так^[242], что к ним добавили ген, производящий натуральный инсектицид – эндотоксин, являющийся продуктом деятельности обитающей в почве бактерии *Bacillus thuringiensis* (*Bt*). Фермеры, ведущие хозяйство только с применением органических удобрений, обычно используют препараты с белком Bt. Если обработать таким раствором сельскохозяйственные культуры, он будет действовать как инсектицид по отношению к некоторым отдельным видам насекомых, наносящим вред урожаю. В то же время препарат не оказывает никаких отрицательных эффектов на других насекомых, людей или животных. Кукуруза и другие культуры были трансформированы для экспрессии гена, отвечающего за выработку эндотоксина, что защищает их от нападений зернового точильщика, злаковых корневых червей и других вредителей. В случае с хлопком и соевыми бобами^[243] тоже повсеместно выводят сорта, несущие Bt^[244], что позволяет снизить использование инсектицидов. Последние исследования обнаружили и дополнительные преимущества: по соседству с полями, где растут генно-модифицированные культуры, не содержащие Bt, зерновые требуют меньшего количества инсектицидов, возможно из-за того, что культуры Bt уменьшают местную популяцию насекомых.

Еще одна широко применяемая генная модификация делает растение устойчивым к чрезвычайно эффективному гербициду глифосату. Глифосат, также известный под торговой маркой Roundup, эффективно блокирует у растений (но не у насекомых, птиц, млекопитающих и других животных) выработку аминокислот, необходимых для создания белков. Это приводит к быстрой гибели растений после контакта с гербицидом. К примеру, поле с устойчивой к гербициду кукурузой^[245] (кукурузой НТ), может быть обработано глифосатом для того, чтобы избежать роста сорняков, при этом культура никак не пострадает.

Такой способ борьбы с сорняками снижает требования к культивации почвы^[246], что важно для уменьшения потери плодородного слоя. Повсюду распространившееся выращивание культур НТ понизило уровень использования гербицидов. И хотя по-прежнему высказывается озабоченность по поводу безопасности глифосата^[247], в одном из последних обзоров Национальной академии наук США заявлялось, что при правильном использовании никакого вредного воздействия на организм человека он не оказывает.

Еще одно достижение в сельском хозяйстве состоит в использовании новых методов, повышающих пищевую ценность растений. Добавив к геному риса два гена, повышающих синтез витамина А, ботаники создали сорт, известный как “Золотой рис”^[248], который по пищевой ценности значительно превосходит обычный рис. Это нововведение может спасти множество жизней в развивающихся странах, где недостаток витамина А^[249] приводит к смерти более 500 000 детей в год. Несмотря на многочисленные исследования, доказывающие безопасность и преимущества “Золотого риса”^[250], его использование запрещено из-за каких-то непонятных предубеждений против генетически модифицированных продуктов. Эти тревожные опасения высказываются в странах, где мог бы расти рис, даже, говоря прямо, в развитых странах. После множества научных исследований и споров в 2018 г. Австралия и Новая Зеландия одобрили “Золотой рис”^[251], но государства, которые могли бы получить от него наибольшие преимущества, такие как Бангладеш и Филиппины, все еще не приняли эту культуру, важную для спасения человеческих жизней.

Такого рода тревога о безопасности и экономической выгоде от генетически модифицированных культур^[252] замедляет их внедрение в широкое использование. В какой-то мере эти опасения имеют под собой основания. Никто, в конце концов, не хочет создавать съедобные растения, которые могут нанести непреднамеренный и необратимый вред. Но исследование Национальной академии наук США от 2016 г. предполагает, что мы буксуем на одном месте и занимаемся регулированием до такой степени, что это само по себе уже причиняет вред. Ученые обнаружили, что генетически измененные зерновые культуры безопасны, если к их культивации подходить ответственно, соблюдая ряд рекомендаций, которые Академия приводит в своем докладе. Это означает, что сегодня многие культуры, важные для спасения человеческих жизней, могут быть внедрены в развивающихся странах. Среди них, к примеру, маниок^[253] (кассава), который приносит слишком мало экономической выгоды, чтобы вкладывать в него средства, необходимые для получения официального одобрения.

Несмотря на то что в последние годы мы добились больших успехов, изменяя один ген за другим, по-прежнему существует проблема с определением ключевых генов и генных взаимодействий, отвечающих за сложные качества, влияющие на сельскохозяйственную производительность^[254], например на устойчивость к засухе или увеличение размера зерен. К счастью, для того, чтобы провести отбор фенотипов большого количества подвидов растений, у нас все чаще появляются возможности обратиться к различным методам анализа с помощью новых технологий. Именно такой подход используется в Центре Данфорта и других подобных организациях, где самые современные технические новинки в области отображения и обработки информации применяются для записи, анализа и сравнения физических характеристик сотен и даже тысяч растений. Этот процесс, который называют высокопроизводительным фенотипированием^[255], был разработан для лабораторий и теперь перерабатывается для полевых экспериментов, критически важных для сельскохозяйственных зерновых культур.

Генная инженерия и традиционное выращивание растений так, чтобы они обладали желаемыми качествами, остаются чрезвычайно трудным делом. Какими бы полезными и эффективными ни были современные подходы к генетически модифицированным растениям, трудность в определении ключевых генов для сложных качеств ограничивает возможности создания зерновых культур с повышенной урожайностью. Поэтому, чтобы увеличивать ее значительно и быстро, мы недавно обратились к другому методу анализа – использованию

современных инженерно-технологических достижений, чтобы изучить сотни и тысячи подвидов растений и найти несколько, имеющих желаемые качества.

В сущности, мы возвращаемся к ранним сельскохозяйственным методам, которые фермеры использовали, чтобы отбирать и разводить подвиды растений с более высокой урожайностью. Но сейчас нам нужны методы, которые могут наблюдать за большим количеством растений-кандидатов и сортировать их, основываясь не только на том, имеют ли они экспрессию отдельных генов, но и на том, демонстрируют ли они со временем полный набор желаемых физических характеристик, то есть свой фенотип.

Трудность задачи чрезвычайно возрастает, если учесть, что специалисты по разведению изучают и дикорастущие виды с многообещающими качествами, такими как устойчивость к нематодам (круглым червям, поражающим сельскохозяйственные культуры). К примеру, дикие соевые бобы из Китая могут способствовать такой устойчивости при скрещивании с высокоурожайным сортом^[256], повсеместно растущим на территории США. Комбинация этих двух генотипов, где сочетается примерно 40 000 различных генов^[257], создает ошеломляющий набор фенотипов, и только немногие из них имеют оптимальные качества. Автоматизированное фенотипирование в сочетании с серьезной компьютерной обработкой, возможно, позволит обнаружить пресловутую иголку в стоге сена. Но это даст нам только отправной момент. Прежде чем фермеры посадят на свои поля семена, которые будут давать постоянный, надежный урожай, потребуется вырастить многие поколения растений и провести их отбор. Именно здесь помогут технологии на стыке дисциплин: они могут существенно ускорить время от посадки зерна до сбора урожая нового, более устойчивого и плодovitого подвида культуры.

При новом подходе используются самые передовые технологии: во-первых, для записи физических характеристик с помощью основанных на изображении методов фенотипирования растений, а во-вторых, для расширения этих технологий до масштаба, требующегося для того, чтобы отобрать среди сотен и тысяч растений экземпляры для высокопроизводительного фенотипирования. Высокопроизводительные методы были созданы для лабораторных условий, таких как в фенотипическом комплексе фонда Белуэттера Центра Данфорта, и сейчас адаптируются для полевых экспериментов. Поскольку фенотипические черты проявляются в течение всего жизненного цикла растения, у этих инженерных технологий также должна быть возможность неоднократно проводить измерения характеристик на одном и том же растении и тщательно собирать его полный фенотип, который можно сравнивать с фенотипами других экземпляров.

В отличие от геномики, сбор данных в феномике не является линейным и развивается в самых разных направлениях во времени и пространстве. Это означает, что при поиске более сладкой кукурузы или устойчивой к засухе пшеницы мы должны отслеживать полный жизненный цикл растений и изучать самые разные вопросы, полностью оценивая фенотип растений, прежде чем со всей определенностью сможем выбрать самые жизнеспособные и урожайные варианты. Как растения ведут себя в ответ на слишком обильный или недостаточный полив? Будут ли они успешно расти при большем или меньшем количестве удобрений? Как много продукции можно будет собрать? Какова их пищевая ценность? Как они выглядят и каков их вкус?

До последнего времени мы были ограничены собственными возможностями сбора и изучения информации подобного рода. Барбара Мак-Клинтон, великий генетик, работавший с кукурузой в XX в.^[238], знаменита тем, что проводила эти исследования буквально на ногах, переходя от ряда к ряду, где росла кукуруза, которую она скрещивала. Она пальцами ощупывала структуру тканей листьев, отмечала размер и цвет развивающихся початков, а затем скрупулезно фиксировала схему расположения зерен.

Сегодня ученые и фермеры переключились на снимки с дронов и спутниковую съемку^[259], чтобы выполнить эту работу по регулярному наблюдению за сотнями гектаров полей, засеянных зерном. Техника используется, чтобы с высоты зафиксировать условия на отдельных территориях, вызывающих интерес или озабоченность. Беспилотники даже оборудуют особыми, узкоспециализированными камерами так, что они могут измерить, сколько света растения используют для фотосинтеза или как много воды им необходимо. Но даже у такого способа сбора информации есть свои ограничения. Наблюдение за отдельным растением на поле все еще находится за пределом возможностей современной техники, а следить за ним в течение всего жизненного цикла – особенно трудная задача.

Фенотипирование с высокой пропускной способностью на деле превратилось в фактор, ограничивающий скорость при использовании широкомасштабных геномных данных для того, чтобы улучшить растения.

Чтобы понять, о чем я говорю, представьте себе проведение эксперимента для того, чтобы проверить, даст ли скрещивание двух эволюционно далеких подвидов растений новый вариант, устойчивый к недостаточному количеству воды. Этот эксперимент немного напоминает опыты Грегора Менделя по скрещиванию гороха, но имеется одно очень важное отличие. Мендель использовал близкородственные растения, что ограничивало диапазон возможных результатов в поколении потомков. Но даже при этом ограничении он изучил сотни растений.

В нашем эксперименте растения-родители несут более широкий диапазон генетической информации, что должно дать более широкую вариацию фенотипов у потомков, некоторые из которых, как мы надеемся, будут устойчивее к засухе. Трудность в том, что на начальной стадии мы не знаем, какие гены и в каком количестве дают эту устойчивость к недостатку воды. Скажем, наше лучшее предположение из предварительного анализа растений-родителей – это то, что 1 % потомков может продемонстрировать качество, которое мы ищем. Мы можем захотеть проверить этот эффект недостатка влаги несколько раз в разные периоды жизни растений. И если мы заинтересованы в производстве продуктов питания – например, в томатах или соевых бобах, – то захотим проследить за растениями от прорастания до готового продукта. Для того чтобы обнаружить редкий эффект, который проявляется, предположительно, у 1 % потомства, возможно, потребуется изучить сотни растений несколько раз за период их роста. Чтобы внести такие переменные, как вода, свет и чувствительность к температуре, нужно следить за тысячами растений. То, что выглядело как простой эксперимент, быстро становится очень сложным.

До последнего времени мы могли делать это только как Барбара Мак-Клинтон, то есть лично, день за днем отслеживая развитие каждого растения. Но сегодня мы разрабатываем методы и технологии наблюдения, которые позволят следить за состоянием растений и сортировать их гораздо быстрее и эффективнее, основываясь на фенотипах. Чтобы увидеть это своими глазами, я решила посетить Центр растениеводства имени Дональда Данфорта и завораживающий “Дом роста”, который описала в начале главы.

В эту поездку я направилась ранним осенним утром 2017 г. Когда мой самолет вырвался из облаков, заходя на посадку в Сент-Луисе, я посмотрела в иллюминатор и увидела одни из самых плодородных фермерских земель в мире: плоские равнины центральной части страны, занятые почти бесконечными полями разного оттенка зеленого, окаймленные дорогами, железнодорожными путями, с маленькими городами, разбросанными на большом расстоянии друг от друга. В центре находится Сент-Луис, столичный мегаполис этой земли.

Сельское хозяйство играет важную роль в экономике региона. В Сент-Луисе и его окрестностях разместились штаб-квартиры некоторых ведущих компаний страны, производящих продукты питания, и поэтому в университетах и исследовательских центрах, в том числе в Университете Вашингтона и Миссурийском университете, множество специалистов по сельскому хозяйству. Основатели Центра Данфорта выбрали это место для возможности максимального взаимодействия и достижения цели – “улучшить условия жизни человека с помощью науки о растениях”^[260].

В Центре Данфорта меня встретила одна из его выдающихся исследовательниц – доктор Элизабет Келлог^[261], ботаник с широчайшим спектром интересов и открытий. Келлог начала работать в Центре Данфорта в 2014 г. и совмещает эту работу с должностями и в Университете Вашингтона, и в Миссурийском университете в Сент-Луисе. Свою карьеру она посвятила изучению злаковых культур и близких к ним растений^[262]. Злаковые культуры занимали ведущее положение в питании человека^[263] и в самой человеческой цивилизации с того времени, до которого мы вообще можем проследить историю сельского хозяйства.

Келлог провела для меня небольшую экскурсию по территории, обратив внимание на исконную флору равнин Миссури – дикорастущую коллекцию трав, кустов и деревьев, уже подернутых осенней желтизной. Растения выращены из местного посевного материала и представляют собой оригинальную растительную жизнь прерии, которая в этой части Миссури перемежалась лесом еще до того, как в Америку прибыли европейцы. Келлог не могла сдерживать восторг, описывая проект Центра Данфорта, заменивший недавно выведенные виды, обычные для ландшафтной планировки, растениями, отражающими

экологическую историю региона. Недалеко находилась маленькая деревенька из теплиц, а за ней – луга и необработанные, заросшие травой территории с многочисленными штаб-квартирами различных сельскохозяйственных компаний.

Войдя в главное здание, я была поражена его открытой архитектурой, позволяющей окинуть взглядом все пространство до теплиц и полей позади. Я постепенно начала понимать: то, что когда-то было обыкновенной штаб-квартирой корпорации, теперь тоже изменилось, как и территория вокруг, чтобы отразить совершенно иной подход к открытиям. Вдобавок к тому, что от входа было видно все здание и то, что находится рядом с ним, коридор открывался непосредственно в просторный зал собраний, который служил и столовой, и местом сбора сотрудников. Келлог объяснила, что главная идея, организующая работу Центра Данфорта, связана с сотрудничеством не только среди его ученых, студентов и технического персонала, но и с взаимодействием между университетами и сельскохозяйственными предприятиями района. Многие ученые Центра Данфорта, как и сама Келлог, занимали должности в местных университетах; у многих также были связи с партнерами на производстве. Каждый проект, о котором мне рассказывали во время моего визита, каждый комплекс, где я побывала, каждая отдаленная цель, о которой мне говорили, – все это описывалось как результат усилий группы людей. Дух сотрудничества оживляет Центр Данфорта.

В конце экскурсии Келлог познакомила меня с доктором Джимом Каррингтоном^[264], президентом Центра Данфорта. Мы встретились в конференц-зале, где Каррингтон и еще десяток ученых собрались, чтобы рассказать о своей работе. Каррингтон, известный молекулярный биолог, работающий с растениями, говорит с такой точностью, какая у многих из нас может быть только в письменной речи. Он обладает способностью раскладывать сложные идеи на самые важные и наиболее понятные составляющие.

Каррингтон начал разговор с проблемы быстрого увеличения производства продуктов питания. “Если мы хотим, используя современные сельскохозяйственные методы и технологии, удовлетворить мировые потребности, которые можно ожидать к 2050 г., – сказал он, – нам потребуются дополнительные земли размером с Африку и Южную Америку вместе взятые”. Поскольку очевидно, что такой возможности не будет, Каррингтон и его команда ищут новые пути обеспечить продовольствием мировое население с учетом будущих потребностей, а это означает: в совместно используемых комплексах Центра Данфорта разрабатываются технологии и стратегии повышения урожайности сельскохозяйственных культур в США и во всем мире без увеличения техногенной нагрузки. Это многофакторная задача на стыке дисциплин, но в основе ее, как объяснил Каррингтон, лежит одна захватывающая идея – поиск естественных генетических вариаций, которые существуют в мире растений сегодня, чтобы сконструировать лучшие виды сельскохозяйственных культур завтра. Ученый считает, что нам еще многое предстоит узнать о гениальных задумках самой природы. Генетическая сложность растений – это кладезь возможностей, из которых мы можем вывести лучшие подвиды растений с помощью как генетических изменений, так и целенаправленного скрещивания. Но мы сможем сделать это достаточно быстро, только если сумеем применить процесс селекции, где большое количество растений тестируется в течение всего жизненного цикла.

Затем Каррингтон дал слово собравшимся в комнате ученым, которые представили мне множество различных проектов по оценке подвидов растений. Один из исследователей проверяет возможности использования РНК, чтобы подавить экспрессию гена^[265] в растениях. Это очень заманчивая идея: вместо того чтобы добавлять гены, которые выражают какое-то качество, скажем токсин, убивающий насекомых-вредителей (например, Bt), мы можем задействовать ингибиторную РНК, чтобы отключить определенные гены, и таким образом добиться желаемой характеристики. Другой ученый использует технологию применения рентгеновских лучей, используемую для того, чтобы определять усталость металла^[266] при производстве автомобилей и самолетов. С ее помощью он отображает и измеряет рост корневой системы растений. Это имеет особую важность для корнеплодов и клубнеплодов, таких как маниок и картофель, у которых развитие плода происходит под поверхностью почвы. Другие растения, такие как соевые бобы и горох, накапливают в корнях азот, и это означает, что они могут пополнить содержание азота в почве, что является одной из немаловажных причин для ротации севооборота, где участвуют азотфиксирующие растения, такие как клевер. Сегодня чаще всего потребность в азоте удовлетворяется с помощью добавления экзогенного азота в удобрения^[267], но, если ученые из Данфорта смогут

использовать технологию визуализации корневой системы, чтобы лучше понять происходящие в ней процессы, возможно, у них получится и усилить способность некоторых растений накапливать азот, что позволит фермерам снизить количество азотосодержащих удобрений.

После собрания я отправилась с двумя учеными, Бекки Барт и Найджелом Тейлором^[268], в некоторые специализированные комплексы Центра Данфорта, а именно на площадки, где занимаются фенотипированием, микроскопическими исследованиями, биоинформатикой, протеомикой^[269], масс-спектрометрией и культурами клеточных тканей растений. Мы побывали в лабораториях и посетили небольшую часть комплекса теплиц Данфорта, состоящего из 43 экспериментальных станций и 84 камер и комнат роста растений^[270].

Потом мы прошли в “Дом роста” с его незабываемыми танцующими растениями, двигающимися по конвейерным лентам тщательно отрежиссированными сложными путями. Как объяснили мне Барт и Тейлор, самая важная характеристика этого Дома – то, что он дает ученым возможность компьютерного контроля за всеми манипуляциями на уровне отдельного растения. Это позволяет проводить самые разнообразные эксперименты и вести несколько опытов одновременно. В единичной экспериментальной работе, которая может продолжаться до шести недель, несколько разновидностей растений могут быть проверены в одних и тех же условиях или одна разновидность может быть протестирована на различные условия полива и удобрения. Ученые могут при необходимости смешивать и соединять эти эксперименты. Один метод может проверить пять различных засушливых условий на небольшом количестве хорошо изученных, отличающихся с точки зрения генотипов растений, например, чтобы определить, какой генотип дает лучший фенотип. Сегодня это ключевая проблема в растениеводстве, и чем быстрее будут проводиться подобные эксперименты, тем быстрее повысится производительность в сельском хозяйстве. Поскольку засуха представляет собой, по всей видимости, самую значительную трудность^[271] для земледелия в ближайшие годы, многие из экспериментов, которые проводятся в “Доме роста”, связаны именно с устойчивостью к недостатку воды.

После того как мы покинули “Дом роста”, Барт и Тейлор показали мне одно из новых приобретений Центра Данфорта – промышленную роботизированную руку, которую они назвали Грейс. Возвышаясь примерно на три метра, Грейс несет камеры, которые могут со всех сторон сфотографировать растение, при этом в течение цикла развития растения используются различные виды камер для того, чтобы запечатлеть разнообразие его свойств. Робот укреплен на платформе, гасящей все вибрации, поэтому он может делать фотографии с самым высоким возможным разрешением. Вскоре Грейс станет одной из многих остановок, которые растения делают на своем пути по “Дому роста” Центра Данфорта.

Получение изображений – главная технология в “Доме роста”. Среди размещенных там камер есть обычные камеры, которые могут запечатлеть размер растений и расположение листьев, флуоресцентные, способные отследить то, как растения поглощают свет, и измерить их реакцию на стресс, и инфракрасные камеры, определяющие содержание воды. Но изображения – это только первый шаг. Все фотографии, полученные с разных камер, с помощью самых современных компьютеров представляются в числовой форме. Получаются огромные массивы информации, которую анализируют компьютеры.

Сегодня закрытые комплексы для фенотипирования, такие как “Дом роста” в Центре Данфорта, позволяют каждый день собирать информацию о сотнях растений. По сравнению с работой вручную^[272], когда на каждое растение требуется час или более в зависимости от фенотипа, это очень большое достижение. Но объем информации, которую могут собирать эти закрытые комплексы, так велик, что для его обработки требуются не только самые современные компьютеры, но и сложное программное обеспечение, написанное специально для работы с изображениями. Ученые из Данфорта создали для этих целей свою собственную программу под названием “Резюме растений” (PlantCV)^[273]. Она имеет открытый исходный код и доступна на бесплатных ресурсах исследователям со всего мира. Главная цель, как и всегда в Данфорте, – сотрудничество.

Все это звучит очень хорошо, но нельзя забывать, что конечной целью является изучение того, как растения растут в поле. Для работы в этом направлении Тодд Моклер, еще один выдающийся исследователь из Центра Данфорта^[274], руководит крупным консорциумом, разрабатывающим комплекс для полевых испытаний в Марикопе, штат Аризона^[275]. Комплекс в Марикопе – это “Дом роста” на стероидах. TERRA-REF^[276], совместный проект

сельскохозяйственного центра Аризонского университета в Марикопе и отделения сельского хозяйства Научно-исследовательского центра по изучению засушливых земель, собравший более 15 участников, превратил поле размером 20 × 200 м в то, что, возможно, является самым крупным полевым комплексом фенотипирования в мире.

На поле может находиться до 80 000 отдельных растений, которые представляют 400 различных вариаций генотипа. Оно снабжено сложной контрольно-измерительной аппаратурой под названием Lemnatec Field Scanalyzer, состоящей из металлической платформы на стальных рельсах, скользящей туда и обратно по всей длине поля. На платформе находится набор камер, которые собирают все виды фенотипической информации о растениях, то есть размер, скорость роста, расположение листьев, цвет, форма, урожайность, устойчивость к заболеваниям и влагопоглощение. Эта информация ежедневно записывается по каждому отдельному растению в течение всего периода его роста и созревания. Как и “Дом роста”, комплекс в Марикопе использует новые технологии визуализации и вычислительные мощности для того, чтобы обеспечить анализ одного растения за другим при очень высоком разрешении и разобраться с устрашающей проблемой огромного поля, засеянного различными видами растений.

Данные о характерных признаках растений, собираемые с высокой точностью, а также природно-климатические условия делают возможным полевое высокопроизводительное фенотипирование. Как сказал мне Моклер, система в Марикопе разработана для того, чтобы отслеживать развитие отдельных растений на поле в течение двух месяцев. После того как огромная сокровищница данных наполняется, ученые, работающие в комплексе, анализируют их с помощью современных вычислительных методов, в том числе алгоритмов машинного обучения^[277] и других видов искусственного интеллекта^[278]. Все это позволяет исследователям определить самые лучшие подвиды растений для дальнейшего разведения. Для некоторых растений в комплексе уже есть возможность предсказать урожайность по их фенотипу за 30 дней. Работа, которую проводят ученые Марикопы, также предоставляет основополагающие материалы для дальнейшего поиска ключевых генов и биологических процессов следующего поколения генетических модификаций.

В начале этого столетия прорывы в генотипировании и фенотипировании уже позволили добиться значительных успехов. Согласно последнему докладу, опубликованному Министерством сельского хозяйства США^[279], на более чем 90 % обрабатываемых земельных ресурсов, которые в 2017 г. использовались для посадки кукурузы и хлопка^[280], применялись генетически измененные культуры. Это значительный рост по сравнению с 2000 г., когда та же самая цифра составляла менее 60 % для хлопка и менее 30 % для кукурузы. Но даже эти значительные успехи не соответствуют ожиданиям, если нам нужно будет накормить растущее население планеты в следующие десятилетия.

Возьмем маниок – культуру, имеющую огромное значение в развивающихся странах. Она растет на малоплодородных почвах и выдерживает засуху. Ее крупные корнеплоды стали одним из социально значимых продуктов питания для более чем 500 млн человек^[281], проживающих в тропиках. Маниок выращивают в основном фермеры, обрабатывающие землю для прокорма своей семьи, на маленьких участках, ее используют на этих же фермах или продают на местных рынках. Однако этот продукт не привлекает инвестиции сельскохозяйственной индустрии, которые позволяют повысить урожайность товарных культур, таких как кукуруза, соевые бобы и хлопок.

Центр Данфорга – одно из мест, где существует исследовательская программа улучшения маниока с помощью генетических изменений и фенотипического отбора. Найджел Тейлор, один из ученых, с которым я встречалась ранее, объяснил, что работа началась в ответ на вирусную инфекцию маниока, переносимую насекомыми^[282], которая в последние годы снизила урожайность этой жизненно важной культуры и стала угрозой продовольственной и экономической безопасности фермеров в Восточной и Центральной Африке. По словам Тейлора, самый многообещающий подход к борьбе с болезнью – это, вероятно, генная супрессия. Когда растение генетически изменяется так^[283], чтобы экспрессировать последовательность генов вирусов, вызывающих болезнь, ген запускает внутренний

механизм распознавания его болезни, активизируя защитные системы. Как после иммунизации, растение вооружается заранее, что делает его способным сразу же после инфицирования атаковать патоген – до того как болезнь укрепится.

Тейлор рассказал мне, как команда ученых начала работать над проектом в теплицах Центра Данфорта. Их работа была частью проектов “Устойчивый к вирусу маниок для Африки” (Virus Resistant Cassava for Africa, VIRCA) и VIRCA Plus, в которых участвуют ученые и правительственные организации из Уганды и Кении, а также исследователи Центра Данфорта. Начав в 2008 г., ученые изолировали вирусы, вызывающие болезнь, в поле, чтобы определить лучшие последовательности генов, запускающие сопротивление болезни. Затем они ввели эти последовательности в геном сотен кустов маниока и определили, какие именно растения наиболее стабильно и сильно экспрессируют введенный ген и лучше сопротивляются болезни. В конце концов исследователи нашли 25 самых многообещающих линий растения, а затем в сотрудничестве с учеными из других стран высадили их для изолированных полевых опытов в Уганде, в местах, наиболее пострадавших от вируса.

После первого цикла тестов консорциум выбрал примерно полдюжины линий для повторных опытов, которые проводились в других районах Уганды и Кении, в последующих циклах посадки. Лучшие подвиды растений должны были не только быть устойчивыми к вирусу, но и давать урожай в достаточном количестве и того качества, которое устроило бы фермеров. Это сузило отбор до двух линий, которые теперь проходят дальнейшие испытания, необходимые для официального одобрения в обеих странах. Оценка проводится по международным стандартам, по критериям продовольственной безопасности, безопасности кормов и экологической безопасности и напоминает процедуры, которые проводились много раз для того, чтобы оценить и официально одобрить другие генетически модифицированные культуры, такие как кукуруза, соевые бобы и хлопок. Если все пойдет хорошо, то уже в 2023 г. фермеры в Восточной Африке получат новые сорта маниока^[284].

Высокопроизводительное фенотипирование может дать нам возможность изменить маниок другими способами. Фенотипирование корней – один из разрабатываемых сейчас методов, при которых рентгеновские лучи используются для того, чтобы получить изображение корневой системы, находящейся под землей^[285]. Это станет очень важным шагом вперед. До сих пор исследования фенотипов растений ограничивались стеблями и листьями, которые легко рассмотреть. Для корнеплодов и клубнеплодов, таких как маниок, листья и стебли являются плохим показателем для определения количества и качества продукта питания или для отслеживания вирусов, разрушающих корневую систему. Развитие корневого фенотипирования для маниока может позволить куда более тщательно отслеживать подрывающие урожайность факторы, а также облегчит разработку новых методов борьбы с болезнью.

Генетическое изменение маниока также дает возможность повысить его пищевую ценность. Его корнеплоды – прекрасный источник калорий^[286], но содержат очень небольшое количество жизненно важных питательных микроэлементов. По данным Всемирной организации здравоохранения, во многих странах, где эта культура является одним из основных продуктов питания, многие дети и женщины страдают от анемии^[287]. Немодифицированный маниок не может решить этой проблемы, потому что в нем слишком мало цинка и железа, чтобы предотвратить нарушения питания. Но международная команда проекта VIRCA Plus разработала новые разновидности растения, которые накапливают в своих корнеплодах гораздо больше цинка и железа, что позволит страдающим от недоедания людям получать больше этих элементов. Долгосрочной целью является богатая питательными веществами и устойчивая к болезням разновидность маниока.

Чтобы улучшить маниок и другие культуры в развивающихся и развитых странах, мы, конечно, будем брать за основу быстро растущие знания об отдельных генах и комплексных механизмах, регулирующих их экспрессию и стабильность. Но, учитывая то, что сегодня известно о полигенной регуляции признаков, мы также должны продолжать использовать фенотипирование. Это потребует больше высокопроизводительных методов и технологий, которые я видела в Центре Данфорта, – точных, быстрых способов измерения и записи признаков растений, а также вычислительных инструментов для анализа больших объемов информации, которые предоставляют эти методы.

Пока еще не известно, какие именно гены определяют комплекс признаков, которые мы ищем в растениях. Но в результате удивительно мощных способов взаимодействия биологии

и инженерного дела в сельском хозяйстве можно быть уверенным, что вскоре настанет день, когда мы многое узнаем. Когда самолет взлетал над Сент-Луисом, я думала об этом с надеждой. Я думала о том, что человечество вплотную подошло к решению проблемы: у нас есть путь к технологиям, которые позволят обеспечить доступными и питательными продуктами 9,5 млрд людей по всему миру^[288].

Глава 7 Перехитрить Мальтуса, еще раз

Как ускорить слияние

В 1937 г., после семи лет пребывания в должности президента МТИ, Карл Тейлор Комптон в честь 40-й годовщины открытия электрона написал великолепную статью, озаглавленную так: “Электрон: его интеллектуальная и социальная значимость”^[289]. Открытие, как Комптон напомнил читателям, было сделано в 1897 г. физиком Дж. Дж. Томсоном, который не только обнаружил частицу, но также определил, что именно она, и только она обуславливает протекание электрического тока. Физики того времени считали самой маленькой из всех существующих частиц атом – неделимую составляющую всей материи. Но открытие Томсона разрушило этот постулат. В 1906 г. Томсон получил Нобелевскую премию^[290] за свою работу. Но даже пять лет спустя, как отметил Комптон, некоторые физики все еще отказывались принимать открытие и его революционные последствия.

Однако такое положение не могло долго сохраняться, поскольку открытие Томсона сделало возможным все более расширяющийся набор почти магических “электронных” технологий: радио, которое может посылать сообщения через Атлантику, междугородние телефонные службы, впервые позволившие вести разговоры в реальном времени на большом расстоянии, фотоэлектрические устройства, использующиеся для обнаружения движения (и открытия дверей) и для замены фотографической пленки в фотоаппаратах и телескопах, звуковые кинофильмы и т. д. Рассказав обо всех этих технологиях, Комптон объявил электрон “самым многогранным из когда-либо применявшихся инструментов”, но затем предположил, что основное влияние этого открытия все еще впереди. Конечно, он был прав. В 1937 г. никто и предвидеть не мог, во что превратится электронная промышленность или то, какой она даст рост технологическим изменениям XX в. –

развитию компьютеров, информационных технологий и нашего сегодняшнего мира, ставшего цифровым.

Открытие Томсона проложило путь не только к новым технологиям, но и к новым находкам. Следуя за ним, ученые обратились к изучению субатомного мира и вскоре обнаружили нейтрон и протон – другие компоненты атома. И на этом исследователи не остановились. Теперь мы знаем, что у нейтронов и протонов есть составляющие – кварки и глюоны^[291].

Открытие субатомных частиц стало дорогой к атомной физике, которая привела к целому ряду революционных технологий, к примеру вырабатывающим электроэнергию атомным станциям и удивительным диагностическим возможностям медицинской радиологии. Но, как это часто бывает с новыми открытиями, ученые того времени едва ли представляли, куда в итоге приведет их работа. Эрнест Резерфорд, широко известный как основатель ядерной физики^[292], открыл протон в 1909 г. и описал атомное ядро в 1911 г. Но даже он не мог предвидеть практическое применение своей работы, заметив в 1933 г., что “любой, кто ожидает, что трансформация атомов может стать источником энергии, несет полный вздор”^[293]. Как бы то ни было, спустя всего лишь 20 лет, в 1951 г., США^[294] продемонстрировали производство электричества на атомной электростанции в Национальной лаборатории Айдахо^[295].

То, что Резерфорду не удалось предугадать практическое использование своих собственных открытий, – обычная история. Несмотря на все наши старания, мы редко способны точно предсказать, какие фундаментальные открытия могут стать основой для будущих технических новшеств. Тем не менее такие открытия необходимы для развития новых технологий, которые будут выгодны для человечества и экономического прогресса. В апокрифической истории из 1850-х гг. канцлер Казначейства Великобритании Уильям Гладстоун^[296] бросил вызов прорывным открытиям Майкла Фарадея, касающимся электричества и электромагнетизма, задав вопрос, будут ли они иметь какое-то практическое применение. Фарадей признал, что никакого конкретного способа их использования он описать не может, но это не умаляет его уверенности в потенциале своих находок. “Ну что же, сэр, – сказал он Гладстоуну, – есть полная вероятность того, что вскоре вы сможете обложить их налогом”.

В менее далеком прошлом правительственные органы начали понимать, что для того, чтобы извлечь выгоду из новых технологий, ведущих к экономическому прогрессу, они должны финансировать фундаментальные исследования. Окупаемость затрат на такие исследования является слишком отдаленной и неопределенной для обычных инвестиций, поэтому правительства взяли на себя обязанность “засеивать семена” будущей экономической отдачи, обеспечивая федеральное финансирование для первоначальных исследований. Страны, которые обеспечивают такие долгосрочные инвестиции, понимают, что в итоге выгоды от промышленного и экономического роста превысят эти вложения.

В предисловии к своей книге я отметила, что примерно 100 лет назад открытие электрона, рентгеновских лучей и радиоактивности впервые предоставило в наше распоряжение список “составных частей” физического мира и это дало возможность новому поколению инженеров создать удивительные электронные устройства и технологии. Карл Тейлор Комптон раньше других понял, что объединение физики и инженерного дела представляет собой начало новой эры научных инноваций, которую мы сегодня можем назвать “Слияние 1.0”. Во время работы в МТИ и других местах Комптон делал все что мог, чтобы поощрить междисциплинарное сотрудничество и довести до максимума его потенциал. Трудно преувеличить, насколько значительно Слияние 1.0 изменило наш мир. Цифровые технологии и вычислительная техника, которые оно сделало возможными, теперь являются настолько неотъемлемой частью нашей жизни, что мы принимаем их как должное.

Сегодня, как я уже отмечала, в нашем распоряжении оказался другой “список комплектующих” – из биологического мира. Имея его под рукой, мы стоим на пороге еще одного слияния с инженерным делом, обещающего еще одну революцию в нашей жизни. Я предложила несколько взглядов на потрясающие новые инструменты и технологии, которые это “Слияние 2.0”^[297] уже делает возможными: созданные с помощью вирусов аккумуляторы, основанные на белках водные фильтры, наночастицы, способные помочь обнаружить и вылечить рак, управляемые мозгом протезы и быстрая селекция растений с помощью компьютеров. Эти технологии вместе со множеством других, которые уже разрабатываются, и теми, которые мы даже не можем представить, предлагают нам перспективу более безопасного, здорового и чистого мира.

От этих возможностей просто дух захватывает. Как сказал мне основатель и генеральный директор компании Aquarogin A/S Петер Хольм Йенсен^[298], вероятно, вскоре мы сможем решить многие наши проблемы, “просто используя гений самой природы”. Возможно, мы будем использовать вирусы не только для того, чтобы эффективно и без загрязнений окружающей среды производить аккумуляторы, как это делает Анджела Белчер, но также выполнять работы, о которых я не упоминала, например превращать метан в этилен^[299] (главный компонент пластиковых пакетов, бутылок и коробок) или ускорять азотфиксацию – этап, требующий много энергии, необходимый для производства большого количества удобрений, повышающих урожай (чтобы прокормить растущее население Земли). Вскоре мы, вероятно, сможем использовать наночастицы не только для того, чтобы обнаруживать и лечить рак, как делает Сангита Бхатия, но и чтобы обратить вспять изменения климата, захватывая из воздуха углекислый газ^[300] и превращая его в полезную промышленную и коммерческую продукцию, например материалы, которые могут сделать практически любую поверхность самоочищающейся и водоотталкивающей^[301]. Вскоре мы сможем использовать энергию растений, чтобы освещать наши дома и собирать достаточно энергии из естественных источников, например от солнца, ветра и приливов, чтобы удовлетворить наши энергетические потребности и покончить с зависимостью от горючих ископаемых.

Но это все не обязательно случится. Слияние 2.0 потребует финансовых вложений, междисциплинарного сотрудничества и государственной воли, которые сделали Слияние 1.0 таким успешным. Оно потребует значительных инвестиций в фундаментальные исследования, создания достаточного и долговременного притока капитала, чтобы поддержать новые отрасли и иммиграционную политику, которая укрепит стремление нации принять лучшие умы со всего мира.

Принципы и методы проведения слияния не появятся сами по себе. Они не существовали и в 1897 г., когда Томсон открыл электрон, или в 1911 г., когда Резерфорд описал атомное ядро, и даже в 1937 г., когда Карл Тейлор Комптон, уже будучи президентом МТИ, написал статью в честь годовщины открытия электрона. Ко времени появления статьи Комптона уже были совершены основные открытия, необходимые для осуществления Слияния 1.0, но США только оправились от

Великой депрессии и не вкладывали достаточно средств, чтобы раскрыть весь потенциал продуктов и отраслей, возникших в результате этого соединения. Безработица составляла более 14 % [302], а на следующий год поднялась выше 20 %, и промышленное производство было в упадке. Немногие люди могли подумать о том, что всего несколько десятилетий спустя страна станет мировым лидером в технике, образовании и экономике. Большую роль в этом сыграли Вторая мировая война и усилия по соединению разных наук, которые США предприняли вместе с другими странами, чтобы разработать такие принесшие победу технологии, как радар, сонар и атомная бомба, – все эти технические плоды Слияния 1.0.

После войны стремление государства продолжать федеральное финансирование исследований, поддерживаемое Вэниваром Бушем, главным вдохновителем технических программ военного и мирного времени, питало послевоенный промышленный и экономический рост, который вывел США на позиции мирового лидера. Страны всего мира усвоили эти уроки успеха и поспешили повторить их рецепт: амбициозные инвестиционные стратегии научно-исследовательских работ, исследовательские университеты мирового класса, доброжелательная иммиграционная политика и устремленные в будущее промышленные модели. За время президентства в МТИ почти каждую неделю у меня бывал иностранец, приехавший из страны, стремящейся повторить экономическое чудо, которое Америка совершила в XX в. У этих стран есть амбициозные планы, и сегодня, более чем когда-либо, они работают над ними, повышая вложения и проводя политику, способствующую развитию технологии будущего.

Благодаря особому взгляду на будущее науки и техники, который у меня имеется как у президента МТИ, я видела, что Слияние 2.0 многое обещает, имея потенциал изменить XXI в. так же значительно, как Слияние 1.0 изменило XX в. Возможно, на самом деле оно изменит будущее еще сильнее, если принимать во внимание, что инструменты и технологии, которые мы сейчас пытаемся развивать, могут напрямую решить многие проблемы, которые сурово грозят человечеству как виду и Земле как планете. Но сегодня я задаюсь одним вопросом: смогут ли США мобилизоваться и возглавить Слияние 2.0 так же, как они

возглавили Слияние 1.0, и, более того, смогут ли они сделать это без такого злополучного катализатора, как война? Это звучит для меня как один из великих политических вопросов нашего времени – именно тот, на который мы должны постараться ответить.

Соединение биологии и инженерного дела дает очень хорошие основания надеяться, что мы снова сможем избежать того печального будущего, которое в 1798 г. Томас Мальтус^[303] описывал как нашу судьбу, будущего, полного неизбежных войн, голода и болезней. Как я уже пыталась показать в этой книге, в нашем распоряжении есть новые, в корне меняющие ситуацию технологии. То есть теперь мы должны задать чрезвычайно важный вопрос: как можно ускорить введение этих технологий в повседневное использование? И как можно создать условия, которые позволят нам применить их так быстро, как только возможно?

На самом общем уровне правильная установка нескольких рычагов управления на нашей инновационной “приборной панели” принесет огромную выгоду. Из опыта Слияния 1.0 в XX в. нам уже известно, как это работает: увеличение федерального финансирования фундаментальных исследований, которое поощрит междисциплинарные и межорганизационные проекты и обучение, разработка методов передачи технологий, которые ускорят проникновение новых идей на рынок, развитие бюджетно-налоговой политики, которая поощрит инвестиции в долговременные отрасли, требующие большого притока капитала, а также введение иммиграционной политики, делающей наши научные изыскания притягательным магнитом для талантливых людей со всего мира. Придерживаться такой стратегии – это вовсе не невозможная задача. Но, чтобы раскрыть весь потенциал Слияния 2.0, нам нужно пересмотреть структуру образовательных учреждений и исследовательских лабораторий, финансовых организаций и бюджетной политики, которая в данный момент препятствует пересечению различных отраслей знания. Давайте кратко набросаем, как мы можем это сделать.

Ни один из примеров, которые я приводила выше, не был бы возможен без правительственного финансирования.

Непрерывная федеральная поддержка научных исследований и развития технологий в XX в. позволила США подняться на позицию технологического лидера. После массивных вложений в научные исследования, в результате которых появились позволившие выиграть Вторую мировую войну технологии, страна приложила новые масштабные усилия на федеральном уровне, чтобы продолжать вкладывать средства в исследования и разработки. Основная мысль, если говорить словами Вэнивару Буша, состоит в том, что “уроки, полученные во время применения науки в военное время... можно с выгодой применить в мирное”^[304].

К середине 1960-х гг. уровень федеральных инвестиций в научно-исследовательскую деятельность^[305] достиг 2 % ВВП. Процент от ВВП – лучший показатель, поскольку он демонстрирует уровень общественной заинтересованности в исследованиях. Финансирование, распределяемое федеральными агентствами, обозначившими задачу “стать лучше, став умнее”, дало жизнь новым деловым начинаниям и даже новым отраслям промышленности. Усилия полностью окупались в последние десятилетия века потрясающим ростом компьютерных и информационных предприятий и всех инструментов и технологий, которые они предоставляют.

Но тут правительство США проявило недальновидность, сократив вложения в научные исследования^[306], теперь составляющие менее 1 % ВВП. Хотя сектор частных научных исследований растет по отношению к ВВП, тогда как государственный падает, это не является полноценной заменой. Частные и общественные научные исследования играют разные роли: при государственных научных исследованиях федеральные источники поддерживают в основном ранние разработки, в то время как частный, промышленный сектор исследований сосредоточен на введении научных открытий в имеющиеся на рынке продукты. У нас должно быть и то и другое, эти направления не являются взаимозаменяемыми.

По ряду причин сокращение федерального финансирования научных исследований особенно серьезно отразилось на междисциплинарных проектах. Когда уровень бюджетных вложений снижается, решения о распределении ресурсов становятся все консервативнее, при этом поддерживаются более предсказуемые возможности, в то время как неопределенные вероятности, такие как Слияние 2.0, остаются в стороне. Более того, большинство государственных вложений в науку проходит

через главные научно-исследовательские институты, а именно национальные институты здравоохранения, Национальный фонд содействия науке, Министерство энергетики и Министерство обороны. Все они проводят свои исследования в научных границах XX в. Поскольку у отдельных научных направлений есть свои организации, то получение финансирования для стирающих границы между дисциплинами проектов Слияния 2.0 делается чрезвычайно трудным, если вообще возможным. В некоторых случаях на сцену выходит частная благотворительность, обеспечивающая средства, необходимые для того, чтобы запустить и поддерживать новые, междисциплинарные подходы. Согласно данным Научного благотворительного союза, в 2017 г. частные благотворительные фонды пожертвовали на основные научные исследования всех видов^[307] около \$ 2,3 млрд. (Это число основано на данных опросов, поэтому, скорее всего, оценка занижена.) Хотя это только часть государственных затрат на научные исследования, такие пожертвования могут помочь проложить путь новым научным направлениям. Например, именно финансирование благотворительных фондов позволило продемонстрировать возможности программы исследования мозга, основанной на слиянии наук.

Урезание государственных инвестиций в научные исследования особенно сильно сказалось на естественных науках и инженерном деле – областях, имеющих критическую значимость для Слияния 2.0. Американская ассоциация содействия развитию науки сообщила^[308], что с 1970 по 2017 г. финансирование проектов в этих областях сократилось примерно на 55 % (относительно ВВП). Даже федеральные расходы на биомедицинские исследования, удвоившиеся в период с 1996 по 2003 г., с 2003 по 2017 г. значительно снизились, уменьшившись почти на 22 %, если учитывать покупательную способность. Недавно конгресс поддержал национальные институты здоровья, но ничего подобного не произошло с естественными науками. Если государственные дотации останутся на прежнем уровне или будут снижаться в следующие годы, несмотря на рост возможностей Слияния 2.0 США не смогут взять их на вооружение и по-прежнему удерживать свою позицию глобального лидера в области технологий.

Снижение государственных вложений в научные исследования имеет мало смысла на национальном уровне, но еще меньше в нем смысла, если речь идет об уровне глобальном. Между 1995 и

2015 гг. многие страны^[309], подражая стратегии, которая в XX в. принесла столь значительный экономический успех США, серьезно работали над тем, чтобы увеличить правительственные и промышленные инвестиции в научно-технические исследования. Самый крупный рост вложений произошел в Китае (сегодня более 2 % ВВП), Южной Корее и Израиле (более 4 % в обеих странах), а также в Японии (более 3 %). Размер вложений этих государств в науку теперь дает им возможность соперничать с США, где государственные и промышленные инвестиции в исследования остаются на уровне 2,8 % от ВВП. Другими словами, страна, которая когда-то была мировым лидером изобретений, теперь рискует оказаться в хвосте, особенно если учесть, что Китай планирует увеличить вложения.

Уменьшение государственных инвестиций в научные исследования также имеет мало смысла, когда не позволяет извлечь выгоду, которую наука может принести. Возьмем только один пример: национальные институты здоровья^[310], имевшие в 2018 г. бюджет примерно в \$ 37 млрд за финансовый год, финансируют большинство исследований в области биологии и медицины. Выгоду от этих вложений можно измерить различными способами. Если говорить, скажем, об экономии благодаря предотвращению болезней, то Центры контроля и профилактики заболеваний оценили, что только для детей, родившихся в 2009 г., вакцины, многие из которых были разработаны при финансировании национальных институтов здоровья, спасут 42 000 жизней, предотвратив 20 млн случаев заболеваний и снизив расходы на здравоохранение на \$ 13,5 млрд. А благодаря большому количеству медицинских открытий и технологий, профинансированных национальными институтами здоровья, мы стали свидетелями увеличения средней продолжительности жизни в США^[311] с менее чем 70 лет в 1960 г. до более чем 78 лет в 2015 г. Этот рост, по оценкам, имеет экономическую ценность примерно в \$ 3,2 млрд в год – потрясающая отдача вложений.

Есть и еще одно значительное препятствие, мешающее нам воспользоваться большинством возможностей, которые предлагает Слияние 2.0. Финансируемые из федеральных источников исследовательские гранты обычно основываются на моделях “одинокого искателя приключений” или “одной дисциплины”, которые довольно сложно приспособить ко всеобъемлющему междисциплинарному сотрудничеству в стиле слияния.

К счастью, правительство США, осознав необходимость новых моделей финансирования, начало эксперименты с междисциплинарными инициативами, охватывающими несколько учреждений. Одной из самых известных программ был проект “Геном человека”, начатый в 1990 г.^[312] с международного сотрудничества, которое в основном финансировалось расположенными в США национальными институтами здоровья и Министерством энергетики и находящимся в Великобритании фондом Wellcome Trust, соперничающим с командой из частного сектора. С 1990 по 2003 г. проект собрал биологов, специалистов в области вычислительной техники, химиков и инженерно-технических работников, чтобы разработать новые методы секвенирования (изучения последовательности генов). Среди ранних успехов были первые карты геномов мухи, мыши и человека^[313], позволившие заглянуть в суть биологических процессов. Также проект подготовил почву для генетического анализа заболеваний, что теперь дает возможность определить гены, которые могут быть ответственны за возникновение рака, диабета, шизофрении^[314] и т. д. Чтобы добиться этого, очень важно было разработать новые методы секвенирования ДНК, благодаря которым стоимость этой технологии значительно снизилась. В 2001 г. секвенирование генома человека стоило более \$ 100 млн^[315], сегодня оно стоит менее \$ 1000. Благодаря проекту “Геном человека” у нас под рукой есть инструменты, чтобы изучить заболевания на совершенно новом уровне, позволяющем ставить диагнозы и проводить лечение, основываясь на уникальном генотипе и определенных подтипах болезни.

Позднее Национальная нанотехнологическая инициатива^[316], начатая в 2000 г., свела вместе 20 федеральных ведомств и агентств с целью ускорить ход исследований и промышленное применение нанотехнологий. Проекты национальной нанотехнологической инициативы охватывают большой ряд различных дисциплин, в том числе разработку квантовых точек (наноразмерных полупроводников) для медицинской диагностики, новых соединений для электродов батарей и наноматериалов, которые смогут извлекать кислород из воды. В 2013 г. правительство начало Инициативу изучения мозга с помощью современных нейротехнологий (Brain Research through Advancing Innovative Neurotechnologies Initiative, BRAIN)^[317]. Рассчитанный на 10 лет проект объединяет нейробиологов, инженеров и физиков, работающих в трех учреждениях над

созданием новых методов, чтобы разгадать тайны мозга и болезней, способных разрушить сознание человека. Среди их целей – миниатюризация нейрокомпьютерных интерфейсов вроде тех, которые использовали Джон Донохью и другие исследователи, чтобы записать деятельность головного мозга, и картирование функциональной активности мозга с более высоким разрешением. Благодаря этим достижениям новейшие технологии протезирования, описанные в главе 5, могут стать доступными для большего количества нуждающихся в них. Подобные междисциплинарные инициативы, проводимые на базе нескольких учреждений, сейчас реализуются в проектах индивидуализированной медицинской помощи, изучения микробиома^[318] и использования прорывных технологий для лечения рака Cancer Moonshot.

Однако, несмотря на эти значительные успехи, подобные междисциплинарные исследования, проводимые в нескольких учреждениях, все еще остаются скорее исключением, чем правилом. Это должно измениться, если мы хотим извлечь максимум пользы из Слияния 2.0.

Нам нужны изменения не только в государственной сфере. Посмотрите, каким образом большинство университетов сегодня организуют свои факультеты – они разделяют их по дисциплинам. Во многих случаях это, очевидно, имеет смысл. Химический факультет, укомплектованный дипломированными химиками, может организовать курс лекций и лабораторных работ, который, переходя от одного ряда идей к другому, подготовит студентов к тому, чтобы стать экспертами в химии. Факультет может делиться своими исследовательскими лабораториями и проводить семинары по темам, интересным другим. И лучшие из таких факультетов при разработке расписания и создании исследовательских программ определяют будущее своей отрасли.

Тем не менее со временем границы факультетов и наук могут закоснеть. У каждой науки есть своя история, свой словарь, свое определение проблем и эффективные пути к открытиям. Все это разрушает междисциплинарное сотрудничество и понимание – именно те компоненты, которые необходимы, чтобы ускорить научное слияние того рода, о котором я говорила выше.

Во время моей работы в МТИ мы старались разрушить барьеры, препятствующие междисциплинарному сотрудничеству и пониманию. Например, создав Институт интегративных исследований рака имени Дэвида Кока, где объединились биологи, инженеры и врачи-клиницисты, мы начали с предварительного условия: каждый сотрудник института должен был изучить часть профессионального языка и подходов к решению проблем представителей других отраслей. В этом плане такие семинары, как “Бесплатные консультации инженеров”, “Взаимное влияние”, “Доктор пришел”, давали людям способ заполнить пробелы в своих знаниях. Мы не хотели, чтобы к инженерам просто обращались как к “поставщикам услуг”, когда биологи зайдут в тупик.

Такой подход быстро принес плоды. Новое сотрудничество вело к новым открытиям. Вот только один пример. Профессор Паула Хэммонд^[319], инженер-химик, положившая начало послойным нанотехнологическим методам производства, которые она использовала для создания накопителей энергии, сотрудничала с профессором Майклом Йаффе, врачом и молекулярным биологом^[320]. Вместе они разработали наночастицы, которые доставляют два противораковых препарата в тщательном, рассчитанном по времени двойном ударе, чтобы увеличить эффективность химиотерапии^[321].

Я не призываю отказываться от привычной структуры факультетов и отделений, которая служит многим важным целям. Я не предлагаю и неожиданной реорганизации факультетов под другими названиями и с другим назначением. Когда во время пребывания на посту президента МТИ мне задавали вопрос, не требуется ли учебному заведению принять участие в такого рода переименовании и реорганизации, я отвечала: “Нет”. Я чувствовала, что мы просто не можем знать, какие отрасли и направления окажутся особенно важными даже через несколько десятков лет. Поэтому вместо реорганизации факультетов мы выбрали другой подход – опираться на традиции и сильные стороны сегодняшних дисциплин, чтобы создать новые межотраслевые лаборатории и центры, и везде, где возможно, пытаться дать преподавателям два места работы: на факультете и в исследовательском центре. Эту модель МТИ уже применял после Второй мировой войны как способ расширить внутри кампуса междисциплинарное сотрудничество, оказавшееся таким эффективным при создании радара. С тех пор исследовательские центры, занимающиеся несколькими

технологиями или задачами, поддерживали сотрудничество в естественных науках и инженерном деле. Расширив эту модель так, чтобы она служила Слиянию 2.0, мы надеялись сохранить традиционные сильные стороны отдельных отраслей и в то же время создать новые виды междисциплинарного сотрудничества, которые будут развиваться – или разрушаться – в зависимости от того, добились ли они успеха. Этот подход превзошел все ожидания. Во многих других кампусах провели похожие эксперименты с организационной структурой, чтобы соединить различные отрасли. Среди многообещающих моделей можно отметить Международный институт нанотехнологий в Северо-Западном университете, Институт регенеративной инженерии в медицинской школе Университета Коннектикута, Институт и центры Висса в Гарварде, Швейцарскую высшую техническую школу Цюриха, кампус Biotech в Женеве и совместную биоинженерную программу Университета Калифорнии в Беркли и Университета Калифорнии в Сан-Франциско.

Мы можем сделать больше, приспособив образовательную систему поощрять не только открытия, но и инновации, и новые производства. Очень немногие постдипломные программы обеспечивают связь с производством, хотя все большее количество выпускников, получивших PhD в области естественных наук и машиностроения, отправляется на работу в различные компании или основывает собственный бизнес. Кое-где эта ситуация изменяется. Северо-Восточный университет в Бостоне, к примеру, недавно запустил “практическую программу PhD” в сотрудничестве с GlaxoSmithKline. Программа разработана для того, чтобы дать студентам и теорию, и практический опыт. Датские университеты сегодня предлагают промышленное постдипломное обучение и позиции после получения PhD, финансируемые совместно государством и производителями. Если мы хотим поддержать разработку продуктов Слияния 2.0, нам нужно больше подобных программ и больше творческого подхода к постдипломному образованию.

Слияние 1.0 научило американцев тому, что правительственные вложения в науку могут ускорить разработку новых продуктов, новых бизнес-проектов и даже новых отраслей промышленности. Но, чтобы извлечь всю выгоду из подобных федеральных инвестиций, нам также нужно ускорить

продвижение идей из лаборатории на рынок продуктов – то, что расцветает при новых отношениях между государством, учебными заведениями и производством. Например, до 1980 г. право собственности на патенты к изобретениям, которые появились в результате исследований, финансируемых из федеральных фондов, принадлежало правительству, но у федеральных агентств не было приемлемых механизмов или стимулов проводить внедрение продуктов из лабораторий на рынок. В результате страна не получала потенциальной экономической выгоды от крупных вложений в исследования.

Все это изменилось в 1980 г. после принятия Акта Бэя – Доула^[322], целью которого было ускорение превращения научных открытий в коммерческие продукты. Согласно акту интеллектуальная собственность на разработки, сделанные при финансировании из федеральных фондов, передавалась организациям, которые проводили исследования, – университетам, некоммерческим компаниям и малому бизнесу^[323]. Передача права собственности на патенты таким организациям стала мощной экономической причиной находить своим открытиям практическое применение, которое может иметь ценность на рынке. Одним из показателей успешности Акта Бэя – Доула стало значительное повышение количества патентов, выданных американским научно-образовательным учреждениям^[324], от менее чем 500 штук в 1980 г. до чуть более 2000 в 1996 г. и почти 7000 в 2016 г.

Стэнфордский университет и МТИ часто называют самыми эффективными учебными заведениями, которым удается трансфер технологий, и они обычно находятся среди немногих других в верхних строчках ежегодного доклада о регистрации патентов Ведомства по патентам и товарным знакам США^[325]. Также оба университета попадают в верхнюю часть списка учебных заведений, создающих стартапы. Отчасти этот успех связан с великолепными инженерными программами, которые часто бывают ориентированы на выпуск продукта. Но вдобавок история обоих вузов подводит их к тому, чтобы поддерживать атмосферу и развивать принципы, направленные на оптимизацию связи с производством. Оба были основаны во второй половине XIX в. Одной из целей и задач МТИ стало решение практических проблем в лабораториях, где студенты должны “обучаться через действие”, и в учебной программе, куда включалась техническая подготовка, которую мы сегодня называем инженерным делом. Также особо подчеркивалась

ценность “полезных знаний”. Подъем Стэнфорда начался в 1950-х гг. благодаря систематическим исследованиям, проводимым в сотрудничестве с компаниями, выпускающими электронику и первые компьютеры, недавно появившимися в Кремниевой долине неподалеку от университета. Другими словами, оба учебных заведения ориентировались на ускорение индустриализации США, и они разными способами внедряли трансфер технологий в свои учебные процессы.

Сегодня в этих вузах благодаря трансферу технологий на передний план выходит внедрение продуктов исследований в развитие производства – так много, как только возможно, и как можно быстрее. Из опыта известно, что большинство новых продуктов и новых рискованных проектов проваливается, и в вузах осознают, что в общих интересах сделать процесс внедрения новых технологий относительно простым и быстрым. Чтобы облегчить процесс, в отделах, занимающихся внедрением технологий, есть люди с опытом работы на производстве, которые способны понимать проблемы обеих сторон. К тому же оба университета выигрывают от долгой истории передачи технологий, обеспечившей большой запас полученного из первых рук опыта и бесценные связи с устоявшимися отраслями. Они рассматривают создание партнерских отношений как одну из своих основных обязанностей. Напротив, некоторые организации используют модель, где приоритет отдается финансовой выгоде, что может замедлить приток новых технологий в производство и препятствовать долгосрочным отношениям, которые, возможно, принесут выгоду в далекой перспективе.

Сосредоточившись на трансфере технологий как основной цели, Стэнфордский университет и МТИ образовали тесные связи с местными экономическими платформами. Процветающий индустриальный пояс, окружающий Стэнфорд (Кремниевая долина) и МТИ (Кендалл-сквер), отражает эту философию. Учебные заведения и местные центры инноваций получают экономическую и социальную пользу от взаимовыгодных, крепнущих отношений. Многие другие институты последовали этому примеру, чтобы создать собственные местные инновационные экосистемы и ускорить превращение научных открытий в рыночные продукты.

Как и в случае со Слиянием 1.0, долгосрочные вложения в Слияние 2.0 будут главным, что позволит оправдать возложенные на него надежды. В конкурентном мире

финансирования новых компаний инвесторы часто предпочитают программное обеспечение тому, что называют аппаратным обеспечением, или “железом”. Программное обеспечение включает в себя все – от социальных сетей до алгоритмов поиска в интернете и видеоигр. Оно относительно дешево, быстро развивается, и вложения в него окупаются чрезвычайно быстро или, по крайней мере, в сжатые сроки – спросите любого, кто десять лет назад вложил деньги в Facebook или Google. С аппаратным обеспечением дело обстоит по-другому. К нему можно отнести материальные инструменты и технологии, для разработки которых требуются годы труда и развитая инфраструктура, а также еще больше времени на технологическое проектирование и выход на промышленные масштабы. Все продукты Слияния 2.0, которые я описала в этой книге, являются аппаратным обеспечением – и основанные на вирусах аккумуляторы, и белковые водяные фильтры, и системы распознавания рака с помощью наночастиц, и управляемые головным мозгом протезы, и селекция новых сельскохозяйственных культур с помощью компьютеров. Такими же были и продукты Слияния 1.0 – например, реактивные двигатели нового поколения и атомные реакторы. Эти материальные предметы могут изменить нашу жизнь, но вывести их на рынок трудно: нужны инвесторы, которые могут сделать анализ динамики за длительный период, которые осознают значимость многообещающих продуктов нового поколения и которые согласны терпеливо ждать дохода от вложений долгое время.

История Aquarogin A/S является хорошим примером того, с какими трудностями сталкиваются компании, разрабатывая технологии Слияния 2.0, и того, какую пользу могут принести дальновидные инвесторы. Компании нужно было изобрести новые методы, чтобы производить аквапорин в промышленных масштабах для создания водяных фильтров. Вначале им предстояло придумать новый способ изготовления мембранных белков, потому что при стандартных биофармацевтических методах белок производится в растворе. Затем предстояло разработать совершенно новое производственное оборудование для мембран. Понимая трудность привлечения достаточного количества капитала со стороны обладающих необходимым терпением инвесторов, я спросила Клауса Хеликс-Нильсена о том, как компания планировала пережить это время и справиться с расходами, требующимися, чтобы вывести фильтры на рынок. Хеликс-Нильсен объяснил, что главные инвесторы Aquarogin

A/S^[326] – общественные и частные организации из Дании и Китая – имеют очень дальний прицел на выгоду от своих вложений. “Если технология «Aquarogin Inside» сработает, – сказал он, вспоминая свою инвестиционную программу, – то мы будем наслаждаться коммерческим успехом и, что куда более важно, обеспечим новый уровень очистки воды во всем мире”.

Если мы хотим справиться с трудностями, с которыми сталкиваемся, раскрывая потенциал Слияния 2.0, мы должны делать больше, чтобы убедить инвесторов размышлять в соответствующем ключе. Нам нужно проводить политику, поддерживающую вложения в капиталозатратные производства с длительным циклом, с определенной целью – поддержать развитие Слияния 2.0 и других аппаратных продуктов. Один из потенциально многообещающих способов создать такие стимулы на правительственном уровне был предложен Ларри Финком, председателем совета директоров и генеральным директором инвестиционной группы BlackRock. Как предлагает Финк, правительство должно предоставить налоговые льготы^[327], увеличивающиеся пропорционально времени, требующемуся на исследование. Это разумная идея, которая поощрила бы приток капитала в компании, занимающиеся аппаратными продуктами, что принесло бы выгоду американской экономике и изменило жизнь людей во всем мире. Мы должны предлагать больше подобных идей, а затем воплощать их в жизнь.

Также нам нужно повторить то, что мы уже проходили: иммиграция – один из самых мощных стимулов инноваций в США. Только вспомните, какие успешные американские компании основали иммигранты в первом и втором поколении^[328]: Apple, Google, Amazon, Oracle, IBM, Intel, eBay, Tesla, Boston Scientific и 3M. В 2017 г. почти половина основателей компаний из списка Fortune 500^[329] были американцами в первом и втором поколении, и более трети всех студентов, закончивших американские факультеты естественных наук, математики и машиностроения^[330] (самых конкурентоспособных программ в мире), приехали из других стран. Сейчас молодые люди могут путешествовать по всему миру, чтобы осуществить свои мечты, и, если мы хотим по-прежнему привлекать к себе предприимчивых и талантливых людей со всей планеты, нам нужно облегчить пути иммиграции для тех, кто хочет создавать новые компании и новые отрасли производства. Программы выдачи студенческих и рабочих виз

должны расширяться, а получение гражданства – упрощаться. Последние предложения ограничить иммиграцию и уменьшить количество виз H1B (способ попасть в страну для многих ученых и инженеров) уже начинают отбивать у многих потенциальных иммигрантов охоту перебраться в США. Численность зарубежных студентов, обучающихся по постдипломным программам, выровнялась в 2016 г.^[331], а осенью 2017 г. количество иностранных студентов, принятых в колледжи и университеты США, снизилось^[332] впервые после террористических атак на Нью-Йорк^[333]. Это не тот курс, который может удержать нас в положении конкурентного лидера мировой экономики.

Небольшой набор удивительных технологий, о которых я рассказала в этой книге, – всего несколько новых возможностей, которые могут спасти нас от надвигающихся кризисов^[334] истощения запасов энергии, воды, лекарств и продовольствия, ожидающихся к 2050 г., когда население Земли превысит 9,5 млрд человек^[335]. Как бы то ни было, получение таких технологических возможностей зависит от следующего поколения.

Мои надежды на лучшее будущее основываются на такой же вере в грядущих исследователей, как и в сами технологии. Немногие разговоры вдохновляли меня больше, чем те беседы, которые я вела со студентами МТИ и других учебных заведений. Молодые люди, с которыми я говорила, с потрясающей ясностью понимают актуальные мировые проблемы и с истинной страстью ищут их решения. Как президент университета в начале каждого осеннего семестра я прогуливалась по кампусу МТИ и просила новичков рассказать о своих планах и стремлениях. Их ответы удивили меня: вместо того чтобы рассказывать о планах получить специальность в области биологии, машиностроения или экономики, большинство из них с энтузиазмом отзывались о самых новых наших программах по энергетике и биоинженерии. Этот энтузиазм наполнял ветром наши паруса, когда мы начинали Энергетическую инициативу МТИ и еще нескольких институтов и программ Слияния 2.0.

Студенты задают один и тот же вопрос: “Как я могу помочь найти решение?” А вопрос для наших учебных заведений будет

таким: как мы можем обеспечить студентам возможности принять участие в целенаправленной деятельности? Как мы можем вовлечь их в поиск лекарств от рака и создание долговременных, экологически безопасных энергетических технологий? Как мы сумеем сделать это, одновременно снабдив их критически важными знаниями, которые понадобятся им, чтобы воплотить в жизнь новые технологии своей мечты?

Дилемма для студентов и преподавателей состоит в том, что если наши студенты хотят внести настоящий вклад в решение самых сложных мировых проблем, то они должны многому научиться. Чтобы продуктивно прикладывать знания и опыт к настоящим мировым трудностям, им понадобится прочное научное основание. Но кому хватает терпения ждать? В ответ на эту проблему МТИ пришлось организовать обучение в бакалавриате таким образом, чтобы оно включало и изучение наук, и деятельность, связанную с решением проблем. Для примера: когда мы запустили Энергетическую инициативу МТИ, небольшая армия студентов, не имеющих степени бакалавра, сообщила нам, что прямо сейчас хочет начать разработку пути к надежному энергетическому будущему. Чтобы помочь им, мы решили основать в бакалавриате не новую основную специализацию, но второстепенную специальность по энергетике. Если наши выпускники хотят сделать вклад в будущее как профессионалы в области энергетики, то им не только понадобятся глубокие научные знания в этой области, но они смогут лучше работать, понимая трудность энергетических проблем с точки зрения представителей другой науки. Инженеры-атомщики, которые понимают физический смысл, экономические перспективы и политические проблемы, связанные с атомной энергией, могут привнести разнообразие точек зрения в сложную задачу разработки и строительства атомных электростанций, а также в управление ими.

Для студентов не менее важно помимо получения основной и дополнительной специальностей участвовать в исследованиях, что дает им огромные преимущества. Принятое после Второй мировой войны решение соединить большинство американских научно-исследовательских организаций с высшими образовательными учреждениями ускорило продуктивное сотрудничество между молодыми и опытными студентами и между открытиями и передачей знаний. В исследовательских лабораториях наши студенты узнают из первых рук, как уроки, которые они затвердили в лекционных залах, становятся инструментами для целенаправленного поиска решения

проблем. Когда студентка не может сдерживать возбуждение, описывая свой исследовательский проект по новым химическим компонентам для создания более эффективных и экологически чистых аккумуляторов, я знаю, что мы одержали успех как преподаватели. И когда студент бакалавриата, изобретающий новую наночастицу, рассказывает мне об онкологическом заболевании своего брата, я знаю, что он присоединился к тем, кто идет по дороге, ведущей нас всех в лучшее будущее.

Благодаря своему высокому положению в Институте интегративных исследований рака имени Дэвида Кока я каждый день наблюдаю мощь Слияния 2.0. Среди моих коллег есть лауреаты Нобелевской премии – успешный биолог Филипп Шарп^[336] и известный во всем мире ученый и предприниматель Роберт Лангер. Оба они являются яростными сторонниками Слияния 2.0. Преподаватели и студенты приезжают со всего мира, привнося невероятное количество опыта в разных областях. Они удивительным образом отличаются друг от друга, поскольку имеют самое разное происхождение, национальную принадлежность и даже различный фенотип и генотип. Тем не менее перед лицом страшной угрозы онкологических заболеваний ученые разделяют серьезность своих намерений сломать любые стоящие на пути преграды. То, что люди собрались вместе, имея общую цель, усиливает их энергию. Наши институты являются чем-то вроде каталитической среды, где люди (и их ресурсы) умножают свои индивидуальные таланты на службе более крупной цели, объединяющей всех. Можем ли мы вдохновить нашу страну и весь мир на поиск нового пути, который уменьшит угрозу утонуть в поднимающихся морях, даст глоток чистой воды страдающему от жажды, не позволит умереть преждевременно от недиагностированных и неизлечимых заболеваний, уничтожит препятствия, которые создают инвалидность, и избавит от политической нестабильности, вызванной недостаточным количеством доступных продуктов?

Я выросла в период освоения космоса. Но это историческое время я не ощущала как пугающее. Напротив, я видела яркий маяк надежды: наука и инженерное мастерство смогли отправить нас на Луну и вернуть обратно! Этот маяк открыл для меня дорогу к тому, чтобы стать ученым, изучить работу мозга как

единого целого, пересмотреть то, как могут сотрудничать студенты и исследователи из разных отраслей науки, и разработать инновационные подходы к междисциплинарным исследованиям в Йеле и МТИ, дабы еще лучше послужить этому миру. Путь, который я прошла бок о бок с другими учеными и инженерами, был чрезвычайно познавательным и приносил глубокое внутреннее удовлетворение. Но дорога уходит вдаль. Будущее принимает неясные очертания. В грядущем веке нас ждут пугающие трудности, и, чтобы преодолеть их, нам нужно воскресить в памяти общую цель и общие намерения, которые во всех отношениях так же сильны, как те, к которым мы обратились, чтобы победить во Второй мировой войне. Но я горячо надеюсь, что в этот раз нас будет вдохновлять не угроза войны, а обещание мира.

Благодарности

После того как я вступила в должность президента МТИ в конце 2012 учебного года, я провела год, отведенный мне на творческий отпуск, как гость Центра науки и международных отношений имени Рене и Роберта Белферов при Институте государственного управления имени Дж. Ф. Кеннеди Гарвардского университета. Пребывание в этом центре дало мне благоприятную возможность подумать о президентском poste в МТИ и поразмышлять об истории института. В это время мои мысли все возвращались и возвращались к идее слияния, которая пронизывает эту книгу. Многие другие задолго до меня осознали перспективы, которые открывает эта идея, и я немало почерпнула в их откровениях: Том Магнати, который был деканом Инженерной школы МТИ, когда я пришла туда на работу; Тайлер Джекс, Роберт Лангер и Филипп Шарп – вдохновители Института интегративных исследований рака имени Дэвида Кока; Хансйорг Висс, который внедрил понятие слияния в клинические продукты еще несколько десятков лет назад; Эрни Мониц и Боб Армстронг – основатели Энергетической инициативы МТИ; Брюс Уокер, Сьюзан и Терри Рэйгон – основатели Института Рэйгон. Эти и многие другие люди помогли ускорить слияние как модель для открытия, а также мастерски перенести ее в реальный мир технологий.

В конце творческого отпуска меня пригласили прочитать лекцию Эдвина Л. Годкина (ежегодное мероприятие в Институте имени Кеннеди). Там я произнесла речь под названием “История технологий XXI в.: Слияние биологии с инженерным делом и естественными науками”. Продолжая разговор, Грэхем Эллисон, тогдашний директор Белферовского центра, решительно предложил мне в своем неподражаемом, воодушевляющем духе поделиться этой историей с более широкой аудиторией, написав книгу. Вскоре мне стали давать такие же советы и другие люди, среди которых были Сюзанна Бергер, Уильям Б. Бонвиллиан, Роберт

Путнам и Филипп Шарп. Фил в особенности заставил меня понять, насколько захватывающей может стать книга, если я смогу не просто рассказать о новых, обещающих великое будущее технологиях, но также поведать о замечательных людях, которые изобрели их. Именно этот подход я и использовала, и следует в полной мере воздать Филу за его идею.

Истории, которые я рассказала в этой книге, возникли из разговоров с десятками ученых, инженеров, социологов, гуманитариев и предпринимателей, которые поделились со мной своим временем, открытиями и мечтами. И, как будто этого было недостаточно, многие из них прочитали первые черновики книги. Их терпение, щедрость и отличное чувство юмора позволили мне написать произведение о самом потрясающем научном и образовательном опыте в моей жизни. Выбрать всего несколько примеров из десятков столь же захватывающих и многообещающих, чтобы рассказать о них, было одним из самых трудных решений. Эти решения, а также любые незамеченные ошибки и оплошности, разумеется, лежат на моей совести.

Я в долгу перед теми, кто обучал меня, пока я проводила исследования и писала: перед Анджелой Белчер и ее студентами, особенно перед Аланом Рансилом; перед Питером Агре, который попотчевал меня трогательными и смешными приключениями аквапорина; перед Клаусом Хеликс-Нильсеном и Питером Хольмом Йенсеном из Aquaporin A/S; перед Сангитой Бхатией и ее студентами, в особенности Эстер Куон, Джейдипом Дудани и Тарекком Фаделем; перед Джоном Донохью, моим замечательным коллегой в течение многих десятилетий, а также его сотрудником Ли Хокбергом; перед Хью Герром и Джимом Эвингом, настоящими первооткрывателями, которые превратили свои личные трудности в новые технологии, улучшившие жизнь других людей; перед потрясающе любезными руководителями компании Össur Хильдур Эйнарсдоттир, Гуннараром Эйрикссоном, Кимом де Рой, Дэвидом Ланглуа и Магнусом Оддсоном, перед познакомившей меня с

компанией Кристин Ингольфсдоттир, а также моими гостеприимными хозяевами из Центра растениеводства имени Дональда Данфорта, в особенности Элизабет (Тоби) Келлог, которая была таким проникновенным экскурсоводом и учителем, и Джеймсом Каррингтоном, Бекки Барт, Минди Дарнелл, Ноа Фалгреном и Найджелом Тейлором, которые читали черновики этого материала. Кроме того, я благодарю Сьюзан Рунделл Сингер за то, что она предложила высокопроизводительное фенотипирование как главную технологию в главе о сельском хозяйстве, и за ее нескончаемые хорошие идеи и тщательный анализ главы. Спасибо и Деборе Фицджеральд за то, что она поделилась своей точкой зрения на прогресс сельского хозяйства. Барбара Шааль познакомила меня с Центром растениеводства имени Данфорта и щедро поделилась своим ценным мнением по многим вопросам. Исторические и политические размышления в начальной и завершающей главах появились в результате разговоров со множеством собеседников, в том числе с Биллом Бонвиллианом, Марком Кастнером, Лесли Миллар-Николсон, Биллом Олетом, Эдом Робертсом, Алом Оппенгеймом и сотрудниками архива МТИ Томом Роско, Майлзом Кроули и Норой Мерфи. Гери Маландра, Боб Миллард и Лиза Шварц ознакомились с ранними версиями книги и высказали чрезвычайно полезные замечания о том, как сделать материал более доступным для восприятия. Эти и многие другие люди, дерзкие искатели истины, стали моими героями, а также – чудесное и неожиданное вознаграждение – друзьями.

Это моя первая книга для широкой аудитории, и здесь у меня тоже были прекрасные учителя. Тоби Лестер, с которым я над ней работала от первоначального предложения до последней главы, обеспечил мне постоянное одобрение. Тоби понимает, как превратить скучную констатацию фактов в захватывающую историю, и он вдохновил писать. Мой агент Рейф Сагалин (ICM) познакомил меня с закулисной деятельностью издательского мира и с по-прежнему крепким сообществом читателей; он неизменно давал советы по

поводу новых идей. То, что от недели к неделе работа продвигалась вперед, – это в огромной степени заслуга интеллекта, энергии и энтузиазма моего научного ассистента и генератора идей Набихи Саклайен. Педантичное создание ссылок и проверка фактов, сделанные Эрин Дальстром, добавили последние, такие нужные детали и были опытом, который принес мне радость. Люк Кокс и Идойа Лаортига из компании Somersault18:24 наполнили книгу цифрами, которые великолепно иллюстрируют сущность сложных понятий. Куинх До и Джон Гласмэн, мои редакторы из Norton, обеспечили профессиональное сопровождение и поддержку от начала до конца работы.

Я безмерно благодарна моим многочисленным друзьям и коллегам, которые, узнав, над чем я работаю, подбадривали меня и говорили – уж не знаю, искренне или нет, – что хотят прочитать мою работу.

В конце концов писательство становится всепоглощающей страстью на много лет. Тем не менее эта работа разворачивается в более широком контексте жизни, предъявляющей свои требования и ожидания. Эта книга никогда не появилась бы на свет без невероятной поддержки моих ближайших коллег. Я в неоплатном долгу перед Лесли Прайс, моей неистощимо изобретательной и талантливой во многих вещах ассистенткой, которая в течение многих лет наводит порядок в хаотичном и огромном потоке требований и обязанностей. Я безмерно благодарна коллегам и друзьям, чьи приглашения я отклоняла, ссылаясь на постоянную занятость из-за написания книги.

И – самое важное – мой муж Том и наша дочь Элизабет были и остаются моими путеводными звездами и любовью всей моей жизни. Они думали со мной, читали со мной и постоянно делились своей мудростью, открытиями и любовью.

Сьюзан
Хокфилд

Время ЖИВЫХ МАШИН

Биологическая
революция
в технологиях

КНИГИ ПОЛИТЕХА

Сноски

1

Обозначение для преподавателей, которые в связи с преклонным возрастом освобождены от исполнения своих ежедневных обязанностей. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

2

P. Sharp, T. Jacks, and S. Hockfield, “Capitalizing on Convergence for Health Care,” *Science* 352, no. 6293 (2016): 1522–1523, <http://doi.org/10.1126/science.aag2350>; Phillip Sharp and Susan Hockfield, “Convergence: The Future of Health,” *Science* 355, no. 6325 (2017): 589, <http://doi.org/10.1126/science.aam8563>.

[Вернуться](#)

3

Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, демографический отдел “Перспективы мировой урбанизации, редакция 2018 г.”, 2018, <http://population.un.org/wup/DataQuery>.

[Вернуться](#)

4

Chunwu Zhu et al., “Carbon Dioxide (CO₂) Levels This Century Will Alter the Protein, Micronutrients, and Vitamin Content of Rice Grains with Potential Health Consequences for the Poorest Rice-Dependent Countries,” *Science Advances* 4, no. 5 (2018): 1–8, <http://doi.org/10.1126/sciadv.aag1012>.

[Вернуться](#)

5

John A. Church and Neil J. White, “A 20th Century Acceleration in Global Sea-Level Rise,” *Geophysical Research Letters* 33, no. 1 (2006): 94–97, <http://doi.org/10.1029/2005GL024826>; Benjamin D. Santer et al., “Tropospheric Warming over the Past Two Decades,” *Scientific Reports* 7, no. 1 (2017): 3–8, <http://doi.org/10.1038/s41598-017-02520-7>.

[Вернуться](#)

6

Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения. – Петрозаводск: Петроком, 1993.

[Вернуться](#)

7

Комплексный проект учета численности народонаселения Великобритании. Последнее изменение – май 29, 2015, <http://www.freecen.org.uk>.

[Вернуться](#)

8

Mark Overton, *Agricultural Revolution in England: The Transformation of the Agrarian Economy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996); Robert C. Allen, "Tracking the Agricultural Revolution in England," *Economic History Review* 52, no. 2 (1999): 209–35, <http://doi.org/10.1111/1468-0289.00123>.

[Вернуться](#)

9

Susan Hockfield, "The Next Innovation Revolution," *Science* 323, no. 5918 (2009): 1147, <http://doi.org/10.1126/science.1170834>; Susan Hockfield, "A New Century's New Technologies," *Project Syndicate* (2015), <http://www.project-syndicate.org/commentary/engineering-biotech-innovations-by-susan-hockfield-2015-01>.

[Вернуться](#)

10

Marcella Bombardieri and Jenna Russell, "Female Leadership Signals Shift at MIT," *Boston Globe*, August 27, 2004; Arthur Jones, "Susan Hockfield Elected MIT's 16th President," *TechTalk* 49, no. 1 (2004); Katie Zezima, "M.I.T. Makes Yale Provost First Woman to Be Its Chief," *New York Times*, August 27, 2004, <http://doi.org/10.13140/2.1.3945.0402>.

[Вернуться](#)

11

Девизом МТИ является латинское выражение "Головой и руками" (лат. *Mens et Manus*). – Прим. пер.

[Вернуться](#)

12

Томас Магнатти в разговоре с автором осенью 2004 г.

[Вернуться](#)

13

H. F. Judson, *The Eighth Day of Creation: The Makers of the Revolution in Biology* (Plainview, NY: CSHL Press, 1996).

[Вернуться](#)

14

Rosalind E. Franklin and R. G. Gosling, "Evidence for 2-Chain Helix in Crystalline Structure of Sodium Deoxyribonucleate," *Nature* 172, no. 4369 (1953): 156–57; Rosalind E. Franklin and R. G. Gosling, "Molecular Configuration in Sodium Thymonucleate," *Nature* 171, no. 4356 (1953): 740–41; J. D. Watson and F. H. Crick, "Molecular Structure of Nucleic Acids: A Structure for Deoxyribose Nucleic Acid," *Nature* 171, no. 4356 (1953): 737–38; M. H. F. Wilkins, "Molecular Configuration of Nucleic Acids," *Science* 140, no. 3570 (1963):941–50.

[Вернуться](#)

15

E. S. Lander et al., “Initial Sequencing and Analysis of the Human Genome,” *Nature* 409, no. 6822 (2001): 860–921, <http://doi.org/10.1038/35057062>; J. C. Venter et al., “The Sequence of the Human Genome,” *Science* 291, no. 5507 (2001): 1304–51, <http://doi.org/10.1126/science.1058040>.

[Вернуться](#)

16

Постдипломное обучение – эквивалент аспирантуры в России. По его окончании присуждается степень PhD (лат. *Philosophiae Doctor*, доктор философии), соответствующая российской степени кандидата наук. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

17

Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology, Molecular Neurobiology, XLVIII, C. S. H. Laboratory, 1983.

[Вернуться](#)

18

Процесс реализации генетической информации, которую несет данный ген, – синтез на его основе РНК с возможностью последующего синтеза белка. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

19

Joseph John Thomson, “XL. Cathode Rays,” *The London, Edinburgh, and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science* 44, no. 269 (1897): 293–316, <http://doi.org/10.1080/14786449708621070>.

[Вернуться](#)

20

Ernest Rutherford, “LXXIX. The Scattering of α and β Particles by Matter and the Structure of the Atom,” *Philosophical Magazine Series* 6, 21, no. 125 (1911): 669–88, <http://doi.org/10.1080/14786440508637080>; Otto Glasser, “W. C. Roentgen and the Discovery of the Roentgen Rays,” *American Journal of Roentgenology* 165 (1995): 1033–40; R. F. Mould, “Marie and Pierre Curie and Radium: History, Mystery, and Discovery,” *Medical Physics* 26, no. 9 (1999): 1766–72, <http://doi.org/10.1118/1.598680>.

[Вернуться](#)

21

Национальная академия наук, Кабинет министра внутренних дел, “Биографические воспоминания” – *Biographical Memoirs*, vol. 61 (Washington, DC: National Academy Press, 1992).

[Вернуться](#)

22

Национальная академия наук, Кабинет министра внутренних дел, “Биографические воспоминания” – *Biographical Memoirs*, vol. 61 (Washington, DC: National Academy Press, 1992).

[Вернуться](#)

23

T. A. Saad, "The Story of the M.I.T. Radiation Laboratory," *IEEE Aerospace and Electronic Systems Magazine* (October 1990): 46–51.

[Вернуться](#)

24

S. James Adelstein, "Robley Evans and What Physics Can Do for Medicine," *Cancer Biotherapy and Radiopharmaceuticals* 16, no. 3 (2001): 179–85, <http://doi.org/10.1089/10849780152389375>.

[Вернуться](#)

25

Angela N. H. Creager, "Phosphorus-32 in the Phage Group: Radioisotopes as Historical Tracers of Molecular Biology," *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences* 40, no. 1 (2009): 29–42, <http://doi.org/10.1016/j.shpsc.2008.12.005.Phosphorus-32>.

[Вернуться](#)

26

S. Hertz, A. Roberts, and R. D. Evans, "Radioactive Iodine as an Indicator in the Study of Thyroid Physiology," *Proceedings of the Society for Experimental Biology and Medicine* 38 (1938): 510–13; S. Hertz and A. Roberts, "Radioactive Iodine in the Study of Thyroid Physiology: VII. The Use of Radioactive Iodine Therapy in Hyperthyroidism," *Journal of the American Medical Association* 131, no. 2 (1946): 81–86; Derek Bagley, "January 2016: Thyroid Month: The Saga of Radioiodine Therapy," *Endocrine News* (January 2016); Frederic H. Fahey, Frederick D. Grant, and James H. Thrall, "Saul Hertz, MD, and the Birth of Radionuclide Therapy," *EJNMMI Physics* 4, no. 1 (2017), <http://doi.org/10.1186/s40658-017-0182-7>.

[Вернуться](#)

27

Термин означает индивидуальный подход к лечению больных, противоположность лечению усредненного пациента. Методики лечения адаптируются под конкретного пациента, однако создание уникальных для него препаратов или методов не предполагается. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

28

. *MIT Reports to the President* 73, no. 1 (1937): 19–113; Karl T. Compton and John W. M. Bunker, "The Genesis of a Curriculum in Biological Engineering," *Scientific Monthly* 48, no. 1 (1939): 5–15.

[Вернуться](#)

29

. *MIT Reports to the President* 80, no. 1 (1944): 8.

[Вернуться](#)

30

Национальная академия наук, Кабинет министра внутренних дел, “Биографические воспоминания” – *Biographical Memoirs*, vol. 61 (Washington, DC: National Academy Press, 1992).

[Вернуться](#)

31

Управление денежными и сырьевыми ресурсами, товарами и услугами компании электронным способом через интернет. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

32

Вычислительная сеть физических объектов / “вещей”, оснащенных встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней цифровой средой. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

33

Janelle R. Thompson et al., “Genotypic Diversity within a Natural Coastal Bacterioplankton Population,” *Science* 307, no. 5713 (2005): 1311–13, <http://doi.org/10.1126/science.1106028>; Dikla Man-Aharonovich et al., “Diversity of Active Marine Picoeukaryotes in the Eastern Mediterranean Sea Unveiled Using Photosystem-II psbA Transcripts,” *ISME Journal* 4, no. 8 (2010): 1044–52, <http://doi.org/10.1038/ismej.2010.25>.

[Вернуться](#)

34

Kristala Jones Prather et al., “Industrial Scale Production of Plasmid DNA for Vaccine and Gene Therapy: Plasmid Design, Production, and Purification,” *Enzyme and Microbial Technology* 33, no. 7 (2003): 865–83, [http://doi.org/10.1016/S0141-0229\(03\)00205-9](http://doi.org/10.1016/S0141-0229(03)00205-9); Kristala L. Jones Prather and Collin H. Martin, “De Novo Biosynthetic Pathways: Rational Design of Microbial Chemical Factories,” *Current Opinion in Biotechnology* 19, no. 5 (2008): 468–74, <http://doi.org/10.1016/j.copbio.2008.07.009>; Micah J. Sheppard, Aditya M. Kunjapur, and Kristala L. J. Prather, “Modular and Selective Biosynthesis of Gasoline-Range Alkanes,” *Metabolic Engineering* 33 (2016): 28–40, <http://doi.org/10.1016/j.ymben.2015.10.010>.

[Вернуться](#)

35

Thomas P. Burg et al., “Weighing of Biomolecules, Single Cells and Single Nanoparticles in Fluid,” *Nature* 446, no. 7139 (2007): 1066–69, <http://doi.org/10.1038/nature05741>; Nathan Cermak et al., “High-Throughput Measurement of Single-Cell Growth Rates Using Serial Microfluidic Mass Sensor Arrays,” *Nature Biotechnology* 34, no. 10 (2016): 1052–59, <http://doi.org/10.1038/nbt.3666>; Arif E. Cetin et al., “Determining Therapeutic Susceptibility in Multiple Myeloma by Single-Cell Mass Accumulation,” *Nature Communications* 8, no. 1 (2017), <http://doi.org/10.1038/s41467-017-01593-2>.

[Вернуться](#)

36

Hannah Seligson, “Hatching Ideas, and Companies, by the Dozens at M.I.T.,” *New York Times*, November 24, 2012, <http://www.nytimes.com/2012/11/25/business/mit-lab-hatches-ideas-and-companies-by-the-dozens.html>; Joel Brown, “MIT Scientist Robert Langer Talks about the Future of Research,” *Boston Globe*, May 8, 2015, <http://www.bostonglobe.com/magazine/2015/05/08/mit-scientist-robert-langer-talks-about-future-research/I0ggn93cxapR8omjcrM1hl/story.htm>.

[Вернуться](#)

37

Sandra R. Whaley et al., “Selection of Peptides with Semiconductor Binding Specificity for Directed Nanocrystal Assembly,” *Nature* 405, no. 6787 (2000): 665–68, <http://doi.org/10.1038/35015043>.

[Вернуться](#)

38

“Innovators Under 35 2002: Angela Belcher,” *MIT Technology Review*, 2002, <http://www2.technologyreview.com/tr35/profile.aspx?trid=229>.

[Вернуться](#)

39

“MacArthur Fellows Program: Angela Belcher,” 2004, <http://www.macfound.org/fellows/727/>.

[Вернуться](#)

40

Награда, которая ежегодно предоставляется Фондом Джона и Кэтрин Макартуров гражданам или резидентам США, обычно от 20 до 40 лет, работающим в любой отрасли и “демонстрирующим исключительные достижения и потенциал для долгой и плодотворной творческой работы”. Иногда награду называют “грантом для гениев”. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

41

J. R. Minkel, “Scientific American 50: Research Leader of the Year,” *Scientific American*, November 12, 2006, <http://www.scientificamerican.com/article/scientific-american-50-re/>.

[Вернуться](#)

42

Галиотисы (лат. *Haliotis*) также известны как абалоны (англ. *Abalone*), или морские ушки. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

43

A. M. Belcher et al., “Control of Crystal Phase Switching and Orientation by Soluble Mollusc-Shell Proteins,” *Nature* 381, no. 56–58 (May 1996), <http://doi.org/10.1038/381056a0>.

[Вернуться](#)

44

Bettye L. Smith et al., “Molecular Mechanistic Origin of the Toughness of Natural Adhesives, Fibers and Composites,” *Nature* 399, no. 6738 (1999): 761–63, <http://doi.org/10.1038/21607>.

[Вернуться](#)

45

Stanislas Von Euw et al., “Biological Control of Aragonite Formation in Stony Corals,” *Science* 356, no. 6341 (2017): 933–38, <http://doi.org/10.1126/science.aam6371>.

[Вернуться](#)

46

F. Berna et al., “Microstratigraphic Evidence of in Situ Fire in the Acheulean Strata of Wonderwerk Cave, Northern Cape Province, South Africa,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 109, no. 20 (2012): 1215–20, <http://doi.org/10.1073/pnas.1117620109>.

[Вернуться](#)

47

W. Roebroeks and P. Villa, “On the Earliest Evidence for Habitual Use of Fire in Europe,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 108, no. 13 (2011): 5209–14, <http://doi.org/10.1073/pnas.1018116108>.

[Вернуться](#)

48

Peter J. Heyes et al., “Selection and Use of Manganese Dioxide by Neanderthals,” *Scientific Reports* 6 (2016), <http://doi.org/10.1038/srep22159>.

[Вернуться](#)

49

Albert Einstein, “Über Einen Die Erzeugung Und Verwandlung Des Lichtes Betreffenden Heuristischen Gesichtspunkt,” *Annalen der Physik (Leipzig)* 1905, <http://doi.org/10.1002/pmhc.201000799>; A. B. Arons and M. B. Peppard, “Einstein’s Proposal of the Photon Concept – A Translation of the *Annalen der Physik* Paper of 1905,” *American Journal of Physics* 33, no. 5 (1964): 367–74.

[Вернуться](#)

50

Управление по энергетической информации, отдел энергетических рынков и конечных пользователей энергии, “Ежегодный отчет об энергоресурсах, 2006” (*Annual Energy Review 2006*), 2007, [http://doi.org/DOE/EIA-0384\(2006\)](http://doi.org/DOE/EIA-0384(2006)).

[Вернуться](#)

51

0,252 ккал. – Прим. пер.

[Вернуться](#)

52

Управление по энергетической информации США, “U.S. Energy Facts Explained.”
Последнее изменение – май 19, 2017, http://www.eia.gov/energyexplained/?page=us_energy_home.

[Вернуться](#)

53

J. R. Petit et al., “Climate and Atmospheric History of the Past 420,000 Years from the Vostok Ice Core, Antarctica,” *Nature* 399, no. 6735 (1999): 429–36, <https://doi.org/10.1038/20859>; NASA Global Climate Change: Vital Signs of the Planet, “Graphic: The Relentless Rise of Carbon Dioxide.” Last modified November 15, 2018, https://climate.nasa.gov/climate_resources/24/graphic-the-relentless-rise-of-carbon-dioxide/.

[Вернуться](#)

54

Имеется в виду американский галлон, равный 3,78541 л. Английский (британский) галлон составляет 4,54609 л. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

55

Jeffrey S. Dukes, “Burning Buried Sunshine: Human Consumption of Ancient Solar Energy,” *Climatic Change* 61, no. 1–2 (2003): 31–44, <http://doi.org/10.1023/A:1026391317686>.

[Вернуться](#)

56

Yuyu Chen et al., “Evidence on the Impact of Sustained Exposure to Air Pollution on Life Expectancy from China’s Huai River Policy,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 110, no. 32 (2013): 12936–41, <http://doi.org/10.1073/pnas.1300018110/-/DCSupplemental.www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.1300018110>.

[Вернуться](#)

57

D. Larcher and J. M. Tarascon, “Towards Greener and More Sustainable Batteries for Electrical Energy Storage,” *Nature Chemistry* 7, no. 1 (2015): 19–29, <http://doi.org/10.1038/nchem.2085>.

[Вернуться](#)

58

Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, демографический отдел “Перспективы мировой урбанизации, редакция 2018 г.”, 2018, <http://population.un.org/wup/DataQuery>.

[Вернуться](#)

59

Группа Всемирного банка “Потребление электроэнергии (киловатт-час на душу населения)”. Последнее изменение – 2014, <http://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC?locations=US>.

[Вернуться](#)

60

Группа Всемирного банка “Потребление электроэнергии (киловатт-час на душу населения)”. Последнее изменение – 2014, <http://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC?locations=INPK-BD-LK-NP-AF>.

[Вернуться](#)

61

P. A. Abetti, “The Letters of Alessandro Volta,” *Electrical Engineering* 71, no. 9 (1952): 773–76, <http://doi.org/10.1109/EE.1952.6437680>.

[Вернуться](#)

62

Электролит – вещество, раствор которого проводит электрический ток. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

63

P. Kurzweil, “Gaston Plante and His Invention of the Lead-Acid Battery – The Genesis of the First Practical Rechargeable Battery,” *Journal of Power Sources* 195, no. 14 (2010): 4424–34, <http://doi.org/10.1016/j.jpowsour.2009.12.126>.

[Вернуться](#)

64

Bruno Scrosati and Jurgen Garche, “Lithium Batteries: Status, Prospects and Future,” *Journal of Power Sources* 195, no. 9 (2010): 2419–30, <http://doi.org/10.1016/j.jpowsour.2009.11.048>; Akira Yoshino, “The Birth of the Lithium-Ion Battery,” *Angewandte Chemie – International Edition* 51, no. 24 (2012): 5798–5800, <http://doi.org/10.1002/anie.201105006>.

[Вернуться](#)

65

Antti Vayrynen and Justin Salminen, “Lithium-Ion Battery Production,” *Journal of Chemical Thermodynamics* 46 (2012): 80–85, <http://doi.org/10.1016/j.jct.2011.09.005>.

[Вернуться](#)

66

Mia Romare and Lisbeth Dahllöf, “The Life Cycle Energy Consumption and Greenhouse Gas Emissions from Lithium-Ion Batteries and Batteries for Light-Duty Vehicles,” IVL Swedish Environmental Research Institute Report C 243, 2017.

[Вернуться](#)

67

Управление по охране окружающей среды США, “Калькулятор равноценности парниковых газов”. Последнее изменение – сентябрь 2017, <http://www.epa.gov/energy/greenhouse->

[gasequivalencies-calculator](#).

[Вернуться](#)

68

Tesla, “Модель S – лучший автомобиль”. Последнее изменение – 2018, <http://www.tesla.com/models>.

[Вернуться](#)

69

Sung Yoon Chung, Jason T. Bloking, and Yet Ming Chiang, “Electronically Conductive Phospho-Olivines as Lithium Storage Electrodes,” *Nature Materials* 1, no. 2 (2002): 123–28, <http://doi.org/10.1038/nmat732>; Won Hee Ryu et al., “Heme Biomolecule as Redox Mediator and Oxygen Shuttle for Efficient Charging of Lithium-Oxygen Batteries,” *Nature Communications* 7 (2016), <http://doi.org/10.1038/ncomms12925>.

[Вернуться](#)

70

Nian Liu et al., “A Pomegranate-Inspired Nanoscale Design for Large-Volume-Change Lithium Battery Anodes,” *Nature Nanotechnology* 9, no. 3 (2014): 187–92, <http://doi.org/10.1038/nnano.2014.6>; Haotian Wang et al., “Direct and Continuous Strain Control of Catalysts with Tunable Battery Electrode Materials,” *Science* 354, no. 6315 (2016): 1031–36.

[Вернуться](#)

71

Dongliang Chao et al., “Array of Nanosheets Render Ultrafast and High-Capacity Na-Ion Storage by Tunable Pseudocapacitance,” *Nature Communications* 7 (2016): 1–8, <http://doi.org/10.1038/ncomms12122>.

[Вернуться](#)

72

Nancy Trun and Janine Trempy, “Chapter 7: Bacteriophage,” in *Fundamental Bacterial Genetics* (Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2003), 105–25, <http://www.blackwellpublishing.com/trun/pdfs/Chapter7.pdf>.

[Вернуться](#)

73

Julien Theze et al., “Paleozoic Origin of Insect Large dsDNA Viruses,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 108, no. 38 (2011): 15931–35, <https://doi.org/10.1073/pnas.1105580108>.

[Вернуться](#)

74

Живые организмы используют молекулы ДНК для хранения генетической информации, в то время как вирусы используют для этих целей как ДНК, так и РНК. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

75

J. D. Watson and F. H. Crick “Molecular Structure of Nucleic Acids: A Structure for Deoxyribose Nucleic Acid,” *Nature* 171, no. 4356 (1953): 737–38; H. F. Judson, *The Eighth Day of Creation: The Makers of the Revolution in Biology* (Plainview, NY: CSHL Press, 1996).

[Вернуться](#)

76

A. D. Hershey and Martha Chase, “Independent Functions of Viral Protein and Nucleic Acid in Growth of Bacteriophage,” *Journal of General Physiology* 36 (1952): 39–56; Angela N. H. Creager, “Phosphorus-32 in the Phage Group: Radioisotopes as Historical Tracers of Molecular Biology,” *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences* 40, no. 1 (2009): 29–42, <http://doi.org/10.1016/j.shpsc.2008.12.005.Phosphorus-32>.

[Вернуться](#)

77

Один нанометр – одна миллионная часть миллиметра, или одна миллиардная часть метра, 10^{-9} м. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

78

Метод, позволяющий “проецировать” исследуемый белок на оболочку вируса для его дальнейшего изучения. В 2018 г. за использование фагового дисплея для направленной эволюции антител была присуждена Нобелевская премия по химии. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

79

К счастью, ученым не пришлось изменять каждую из 2700 копий по отдельности – достаточно было изменить кодирующую ее последовательность в геноме вируса. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

80

Кисточки на другом конце центральной трубки M13 составляют два других белка – p7 и p9. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

81

Ki Tae Nam et al., “Genetically Driven Assembly of Nanorings Based on the M13 Virus,” *Nano Letters* 4, no. 1 (2004): 23–27; Yu Huang et al., “Programmable Assembly of Nanoarchitectures Using Genetically Engineered Viruses,” *Nano Letters* 5, no. 7 (2005): 1429–34, <http://doi.org/10.1021/nl050795d>; K. T. Nam et al., “Stamped Microbattery Electrodes Based on Self-Assembled M13 Viruses,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 105, no. 45 (2008): 17227–31, <http://doi.org/10.1073/pnas.0711620105>; Dahyun Oh et al., “M13 Virus-Directed Synthesis of Nanostructured Metal Oxides for Lithium-Oxygen Batteries,” *Nano Letters* 14, no. 8 (2014): 4837–45, <http://doi.org/10.1021/nl502078m>; Maryam Moradi et al., “Improving the

Capacity of Sodium-Ion Battery Using a Virus-Templated Nanostructured Composite Cathode,” *Nano Letters* 15, no. 5 (2015): 2917–21, <http://doi.org/10.1021/nl504676v>.

[Вернуться](#)

82

Научный сотрудник, находящийся на временной (1–2 года) ставке после получения степени PhD. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

83

Изолятор механически разделяет катод и анод, предотвращая короткое замыкание и переход электролита от одного электрода к другому. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

84

Ki Tae Nam et al., “Virus-Enabled Synthesis and Assembly of Nanowires for Lithium-Ion Battery Electrodes,” *Science* 312, no. 5775 (2006): 885–88, <http://doi.org/10.1126/science.1122716>; Yun Jung Lee et al., “Biologically Activated Noble Metal Alloys at the Nanoscale: For Lithium Ion Battery Anodes,” *Nano Letters* 10, no. 7 (2010): 2433–40, <http://doi.org/10.1021/nl100599>.

[Вернуться](#)

85

Yun Jung Lee et al., “Fabricating Genetically Engineered High-Power Lithium-Ion Batteries Using Multiple Virus Genes,” *Science* 324, no. 5930 (2009): 1051–55, <http://doi.org/10.1126/science.1171541>; Dahyun Oh et al., “Biologically Enhanced Cathode Design for Improved Capacity and Cycle Life for Lithium-Oxygen Batteries,” *Nature Communications* 4 (May 2013): 1–8, <http://doi.org/10.1038/ncomms3756>.

[Вернуться](#)

86

David Chandler and Greg Frost, “Hockfield, Obama Urge Major Push in Clean Energy Research Funding,” *MIT Tech Talk* 53, no. 20 (2009): 1–8.

[Вернуться](#)

87

J. B. Dunn et al., “Material and Energy Flows in the Materials Production, Assembly, and End-of-Life Stages of the Automotive Lithium-Ion Battery Life Cycle,” *Argonne National Laboratory Energy Systems Division* (2012), <http://doi.org/10.1017/CBO9781107415324.004>.

[Вернуться](#)

88

Mia Romare and Lisbeth Dahllof, “The Life Cycle Energy Consumption and Greenhouse Gas Emissions from Lithium-Ion Batteries and Batteries for Light-Duty Vehicles,” IVL Swedish Environmental Research Institute Report C 243, 2017.

[Вернуться](#)

89

Управление по энергетической информации, отдел энергетических рынков и конечных пользователей энергии, “Ежегодный отчет об энергоресурсах, 2006” (*Annual Energy Review 2006*), 2007, [http://doi.org/DOE/EIA-0384\(2006\)](http://doi.org/DOE/EIA-0384(2006)).

[Вернуться](#)

90

Peter Agre, “The Aquaporin Water Channels,” *Proceedings of the American Thoracic Society* 3 (2006): 5–13, <http://doi.org/10.1513/pats.200510-109JH>.

[Вернуться](#)

91

P. Agre and J. P. Cartron, “Molecular Biology of the Rh Antigens,” *Blood* 78, no. 3 (1991): 551–63; Neil D. Avent and Marion E. Reid, “The Rh Blood Group System: A Review,” *Blood* 95, no. 2 (2000): 375–87.

[Вернуться](#)

92

Peter Agre et al., “Purification and Partial Characterization of the Mr 30,000 Integral Membrane Protein Associated with the Erythrocyte Rh (D) Antigen,” *Journal of Biological Chemistry* 262, no. 36 (1987): 17497–503; A. M. Saboori, B. L. Smith, and P. Agre, “Polymorphism in the Mr 32,000 Rh Protein Purified from Rh (D) – Positive and- Negative Erythrocytes,” *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 85, no. 11 (1988): 4042–45, <http://doi.org/10.1073/pnas.85.11.4042>.

[Вернуться](#)

93

Peter Agre, “Aquaporin Water Channels: Nobel Lecture,” 2003.

[Вернуться](#)

94

H. H. Mitchell et al., “The Chemical Composition of the Adult Human Body and Its Bearing on the Biochemistry of Growth,” *Journal of Biological Chemistry* 158 (1945): 625–37; ZiMian Wang et al., “Hydration of Fat-Free Body Mass: Review and Critique of a Classic Body-Composition Constant,” *American Journal of Clinical Nutrition* 69 (1999): 833–841.

[Вернуться](#)

95

Институт науки о воде Геологической службы США, “Мировые запасы воды”. Последнее изменение – 2 декабря 2016. <http://water.usgs.gov/edu/earthwherewater.html>.

[Вернуться](#)

96

Программа оценки водных ресурсов мира ООН, “Ежегодный отчет о развитии мировых водных ресурсов ООН 2015: вода для экологически ответственного мира” (Париж, UNESCO, 2015).

[Вернуться](#)

97

Quirin Schiermeier, “Water: Purification with a Pinch of Salt,” *Nature* 452, no. 7185 (2008): 260–61, <http://doi.org/10.1038/452260a>; Peter Gleick, “Why Don’t We Get Our Drinking Water from the Ocean by Taking the Salt out of Seawater?” *Scientific American* Special Report: Confronting a World Freshwater Crisis (July 23, 2008); Ben Corry, “Designing Carbon Nanotube Membranes for Efficient Water Desalination,” *Journal of Physical Chemistry B* 112, no. 5 (2008): 1427–34, <http://doi.org/10.1021/jp709845u>.

[Вернуться](#)

98

George E. Symons, “Water Treatment through the Ages,” *American Water Works Association* 98, no. 3 (2006): 87–97; Manish Kumar, Tyler Culp, and Yuexiao Shen, “Water Desalination: History, Advances, and Challenges,” *The Bridge: Linking Engineering and Society* 46, no. 4 (2016): 21–29, <http://doi.org/10.17226/24906>.

[Вернуться](#)

99

Аристотель. Сочинения. В 4 т. (Серия “Философское наследие”). – М.: Мысль, 1975–1983. (Т. 3. Метеорология).

[Вернуться](#)

100

James E. Miller, “Review of Water Resources and Desalination Technologies,” *SAND Report* (2003): 1–54, <http://doi.org/SAND2003-0800>; T. M. Mayer, P. V. Brady, and R. T. Cygan, “Nanotechnology Applications to Desalination: A Report for the Joint Water Reuse and Desalination Task Force,” *Sandia Report* (2011): 1–34; Muhammad Wakil Shahzad et al., “Energy-Water-Environment Nexus Underpinning Future Desalination Sustainability,” *Desalination* 413 (2017): 52–64, <http://doi.org/10.1016/j.desal.2017.03.009>.

[Вернуться](#)

101

Gregory M. Preston et al., “Appearance of Water Channels in *Xenopus* Oocytes Expressing Red Cell CHIP28 Protein,” *Science* 256 (1992): 385–87, <http://science.sciencemag.org/content/256/5055/385>.

[Вернуться](#)

102

B. M. Denker et al., “Identification, Purification, and Partial Characterization of a Novel Mr 28,000 Integral Membrane Protein from Erythrocytes and Renal Tubules,” *Journal of Biological Chemistry* 263, no. 30 (1988): 15634–42; M. P. De Vetten and P. Agre, “The Rh Polypeptide Is a Major Fatty Acid-Acylated Erythrocyte Membrane Protein,” *Journal of Biological Chemistry* 263, no. 34 (1988): 18193–96.

[Вернуться](#)

103

Peter Agre, “Peter Agre – Biographical,” in *Les Prix Nobel*, ed. Tore Frangsmyr (Stockholm: Nobel Foundation, 2004), http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/chemistry/laureates/2003/agre-bio.html.

[Вернуться](#)

104

Eva Bianconi et al., “An Estimation of the Number of Cells in the Human Body,” *Annals of Human Biology* 40, no. 6 (2013): 463–71, <http://doi.org/10.3109/03014460.2013.807878>.

[Вернуться](#)

105

Mario Parisi et al., “From Membrane Pores to Aquaporins: 50 Years Measuring Water Fluxes,” *Journal of Biological Physics* 33, no. 5–6 (2007): 331–43, <http://doi.org/10.1007/s10867-008-9064-5>.

[Вернуться](#)

106

Peter Agre et al., “Aquaporin Water Channels – From Atomic Structure to Clinical Medicine,” *Journal of Physiology* 542, no. 1 (2002): 3–16, <http://doi.org/10.1113/jphysiol.2002.020818>.

[Вернуться](#)

107

G. Hummer, J. C. Rasaiah, and J. P. Noworyta, “Water Conduction through the Hydrophobic Channel of a Carbon Nanotube,” *Nature* 414 (2001): 188–90.

[Вернуться](#)

108

G. M. Preston and P. Agre, “Isolation of the cDNA for Erythrocyte Integral Membrane Protein of 28 Kilodaltons: Member of an Ancient Channel Family,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 88, no. 24 (1991): 11110–14, <http://doi.org/10.1073/pnas.88.24.11110>.

[Вернуться](#)

109

Gregory M. Preston et al., “Appearance of Water Channels in Xenopus Oocytes Expressing Red Cell CHIP28 Protein,” *Science* 256 (1992): 385–87, <http://doi.org/http://science.sciencemag.org/content/256/5055/385>.

[Вернуться](#)

110

Peter Agre, Sei Sasaki, and Maarten J. Chrispeels, “Aquaporins: A Family of Water Channel Proteins,” *Journal of Physiology* 265, no. 461 (1993): 92093; P. Agre et al., “Aquaporin CHIP: The

Archetypal Molecular Water Channel,” *American Journal of Physiology* 265 (1993): F463–76, <http://doi.org/10.1085/jgp.79.5.791>.

[Вернуться](#)

111

Peter Agre, Dennis Brown, and Soren Nielsen, “Aquaporin Water Channels: Unanswered Questions and Unresolved Controversies,” *Current Opinion in Cell Biology* 7, no. 4 (1995): 472–83, [http://doi.org/10.1016/0955-0674\(95\)80003-4](http://doi.org/10.1016/0955-0674(95)80003-4); Mario Borgnia et al., “Cellular and Molecular Biology of the Aquaporin Water Channels,” *Annual Review of Biochemistry* 68 (1999): 425–58, <http://doi.org/10.1177/154411130301400105>.

[Вернуться](#)

112

H. Sui et al., “Structural Basis of Water-Specific Transport through the AQP1 Water Channel,” *Nature* 414, no. 6866 (2001): 872–78, <http://doi.org/10.1038/414872a>; Emad Tajkhorshid et al., “Control of the Selectivity of the Aquaporin Water Channel Family by Global Orientational Tuning,” *Science* 296, no. 5567 (2002): 525–30, <http://doi.org/10.1126/science.1067778>; Dax Fu and Min Lu, “The Structural Basis of Water Permeation and Proton Exclusion in Aquaporins,” *Molecular Membrane Biology* 24, no. 5–6 (2007): 366–4, <http://doi.org/10.1080/09687680701446965>.

[Вернуться](#)

113

B. Alberts et al., *Molecular Biology of the Cell*, 4th ed. (New York: Garland Science, 2002); The Shape and Structure of Proteins, <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK26830/>.

[Вернуться](#)

114

K. Murata et al., “Structural Determinants of Water Permeation through Aquaporin-1,” *Nature* 407, no. 6804 (2000): 599–605; G. Ren et al., “Visualization of a Water-Selective Pore by Electron Crystallography in Vitreous Ice,” *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 98, no. 4 (2001): 1398–1403, <http://doi.org/10.1073/pnas.98.4.1398>; Boaz Ilan et al., “The Mechanism of Proton Exclusion in Aquaporin Channels,” *Proteins: Structure, Function and Genetics* 55, no. 2 (2004): 223–28, <http://doi.org/10.1002/prot.20038>.

[Вернуться](#)

115

Bert L. De Groot et al., “The Mechanism of Proton Exclusion in the Aquaporin-1 Water Channel,” *Journal of Molecular Biology* 333, no. 2 (2003): 279–93, <http://doi.org/10.1016/j.jmb.2003.08.003>; Fangqiang Zhu, Emad Tajkhorshid, and Klaus Schulten, “Theory and Simulation of Water Permeation in Aquaporin-1,” *Biophysical Journal* 86, no. 1 (2004): 50–57, [http://doi.org/10.1016/S0006-3495\(04\)74082-5](http://doi.org/10.1016/S0006-3495(04)74082-5); Xuesong Li et al., “Nature Gives the Best Solution for Desalination: Aquaporin-Based Hollow Fiber Composite Membrane with Superior Performance,” *Journal of Membrane Science* 494 (2015): 68–77, <http://doi.org/10.1016/j.memsci.2015.07.040>.

[Вернуться](#)

116

Tamir Gonen and Thomas Walz, “The Structure of Aquaporins,” *Quarterly Reviews of Biophysics* 39, no. 4 (2006): 361–96, <http://doi.org/10.1017/S0033583506004458>.

[Вернуться](#)

117

D. Fu et al., “Structure of a Glycerol-Conducting Channel and the Basis for Its Selectivity,” *Science* 290, no. 5491 (2000): 481–86, <http://doi.org/10.1126/science.290.5491.481>; B. L. De Groot and H. Grubmuller, “Water Permeation across Biological Membranes: Mechanism and Dynamics of Aquaporin-1 and GlpF,” *Science* 294, no. 5550 (2001): 2353–57, <http://doi.org/10.1126/science.1062459>.

[Вернуться](#)

118

Huayu Sun et al., “The Bamboo Aquaporin Gene PeTIP4; 1–1 Confers Drought and Salinity Tolerance in Transgenic Arabidopsis,” *Plant Cell Reports* 36, no. 4 (2017): 597–609, <http://doi.org/10.1007/s00299-017-2106-3>.

[Вернуться](#)

119

Landon S. King, David Kozono, and Peter Agre, “From Structure to Disease: The Evolving Tale of Aquaporin Biology,” *Nature Reviews Molecular Cell Biology* 5 (2004): 687–98.

[Вернуться](#)

120

Серийный предприниматель – человек, который умеет создавать бизнес в любом контексте, в любое время и практически с нулевыми ресурсами. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

121

Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, демографический отдел “Перспективы мировой урбанизации, редакция 2018 г.”, 2018, <http://population.un.org/wup/DataQuery>.

[Вернуться](#)

122

Клаус Хеликс-Нильсен и Петер Хольм Йенсен в разговорах с автором, сентябрь 2017.

[Вернуться](#)

123

C. Y. Tang et al., “Desalination by Biomimetic Aquaporin Membranes: Review of Status and Prospects,” *Desalination* 308 (2013): 34–40, <http://doi.org/10.1016/j.desal.2012.07.007>; Mariusz Grzelakowski et al., “A Framework for Accurate Evaluation of the Promise of Aquaporin Based Biomimetic Membranes,” *Journal of Membrane Science* 479 (2015): 223–31, <http://doi.org/10.1016/j.memsci.2015.01.023>.

[Вернуться](#)

124

M. Dao, C. T. Lim, and S. Suresh, “Mechanics of the Human Red Blood Cell Deformed by Optical Tweezers,” *Journal of the Mechanics and Physics of Solids* 51, no. 11–12 (2003): 2259–80, <http://doi.org/10.1016/j.jmps.2003.09.019>.

[Вернуться](#)

125

Монетный двор США, “Спецификации монет”. Последнее изменение – 5 апреля 2018, <http://www.usmint.gov/learn/coin-and-medalprograms/coin-specifications>.

[Вернуться](#)

126

Arne E. Brandstrom and Bo R. Lamm, Processes for the preparation of omeprazole and intermediates therefore, issued 1985, <http://doi.org/US005485919A>; Bruce D. Roth, Trans-6-2- (3-OR 4-Carboxamide-substituted pyrrol-1-yl) alkyl-4-hydroxypyran-2-one inhibitors of cholesterol synthesis, issued 1987, [http://doi.org/10.1016/j.\(73\)](http://doi.org/10.1016/j.(73)); W. Sneader, “The Discovery of Aspirin” *Pharmaceutical Journal* 259, no. 6964 (1997): 614–17, <http://doi.org/10.1136/bmj.321.7276.1591>; Kay Brune, B. Renner, and G. Tiegs “Acetaminophen/Paracetamol: A History of Errors, Failures and False Decisions,” *European Journal of Pain (United Kingdom)* 19, no. 7 (2015): 953–65, <http://doi.org/10.1002/ejp.621>.

[Вернуться](#)

127

D. V. Goeddel et al., “Expression in Escherichia Coli of Chemically Synthesized Genes for Human Insulin,” *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 76, no. 1 (1979): 106–10, <http://doi.org/10.1073/pnas.76.1.106>; Henrik Dalboge et al., “A Novel Enzymatic Method for Production of Authentic HGH from an Escherichia Coli Produced HGH-Precursor,” *Nature Biotechnology* 5 (1987): 161–64; Mohamed N. Baeshen, “Production of Biopharmaceuticals in *E. Coli*: Current Scenario and Future Perspectives,” *Journal of Microbiology and Biotechnology* 25, no. 7 (2014): 1–24, <http://doi.org/10.4014/jmb.1405.05052>.

[Вернуться](#)

128

Giuseppe Calamita et al., “Molecular Cloning and Characterization of AqpZ, a Water Channel from Escherichia Coli,” *Journal of Biological Chemistry* 270, no. 49 (1995): 29063–66, <http://doi.org/10.1074/jbc.270.49.29063>.

[Вернуться](#)

129

Ulrich Hartl, Andreas Bracher, and Manajit Hayer-Hartl, “Molecular Chaperones in Protein Folding and Proteostasis,” *Nature* 475, no. 7356 (2011): 324–32, <http://doi.org/10.1038/nature10317>.

[Вернуться](#)

130

David Shemin and D. Rittenberg, "The Life Span of the Human Red Blood Cell," *Journal of Biological Chemistry* 166 (1946): 627–36.

[Вернуться](#)

131

Gerald D. Weinstein and Eugene J. van Scott, "Autoradiographic Analysis of Turnover Times of Normal and Psoriatic Epidermis," *Journal of Investigative Dermatology* 45, no. 4 (1965): 257–62, <http://doi.org/10.1038/jid.1965.126>.

[Вернуться](#)

132

H. J. Li et al., "Basic Helix-Loop-Helix Transcription Factors and Enteroendocrine Cell Differentiation," *Diabetes, Obesity and Metabolism* 13, Suppl 1, no. 2 (2011): 5–12, <http://doi.org/10.1111/j.1463-1326.2011.01438.x>.

[Вернуться](#)

133

Xuesong Li et al., "Preparation of High Performance Nanofiltration (NF) Membranes Incorporated with Aquaporin Z," *Journal of Membrane Science* 450 (2014): 181–88, <http://doi.org/10.1016/j.memsci.2013.09.007>.

[Вернуться](#)

134

Saren Qi et al., "Aquaporin-Based Biomimetic Reverse Osmosis Membranes: Stability and Long Term Performance," *Journal of Membrane Science* 508 (2016): 94–103, <http://doi.org/10.1016/j.memsci.2016.02.013>.

[Вернуться](#)

135

Yan Zhao et al., "Synthesis of Robust and High-Performance Aquaporin-Based Biomimetic Membranes by Interfacial Polymerization-Membrane Preparation and RO Performance Characterization," *Journal of Membrane Science* 423–424 (2012): 422–28, <http://doi.org/10.1016/j.memsci.2012.08.039>; Honglei Wang, Tai Shung Chung, and Yen Wah Tong, "Study on Water Transport through a Mechanically Robust Aquaporin Z Biomimetic Membrane," *Journal of Membrane Science* 445 (2013): 47–52, <http://doi.org/10.1016/j.memsci.2013.05.057>.

[Вернуться](#)

136

Yang Zhao et al., "Effects of Proteoliposome Composition and Draw Solution Types on Separation Performance of Aquaporin-Based Proteoliposomes: Implications for Seawater Desalination Using Aquaporin-Based Biomimetic Membranes," *Environmental Science and Technology* 47, no. 3 (2013): 1496–1503, <http://doi.org/10.1021/es304306t>.

[Вернуться](#)

137

Honglei Wang, Tai Shung Chung, and Yen Wah Tong, “Study on Water Transport through a Mechanically Robust Aquaporin Z Biomimetic Membrane,” *Journal of Membrane Science* 445 (2013): 47–52, <http://doi.org/10.1016/j.memsci.2013.05.057>; Chuyang Tang et al., “Biomimetic Aquaporin Membranes Coming of Age,” *Desalination* 368 (2015): 89–105, <http://doi.org/10.1016/j.desal.2015.04.026>.

[Вернуться](#)

138

Zhaolong Hu, James C. S. Ho, and Madhavan Nallani, “Synthetic (Polymer) Biology (Membrane): Functionalization of Polymer Scaffolds for Membrane Protein,” *Current Opinion in Biotechnology* 46 (2017): 51–56, <http://doi.org/10.1016/j.copbio.2016.10.012>; Marta Espina Palanco et al., “Tuning Biomimetic Membrane Barrier Properties by Hydrocarbon, Cholesterol and Polymeric Additives,” *Bioinspiration and Biomimetics* 13, no. 1 (2017): 1–11, <http://doi.org/10.1088/1748-3190/aa92be>.

[Вернуться](#)

139

“Aquaporin Inside Membranes Undergo Second Round of Test in Space,” *Membrane Technology* (February 2017): 5–6, [http://doi.org/10.1016/S0958-2118\(17\)30032-0](http://doi.org/10.1016/S0958-2118(17)30032-0); “Aquaporin Inside Membrane Testing in Space (AquaMembrane),” NASA International Space Station Research and Technology. Last modified October 4, 2017, http://www.nasa.gov/mission_pages/station/research/experiments/2156.html.

[Вернуться](#)

140

Программа оценки водных ресурсов мира ООН, “Ежегодный отчет о развитии мировых водных ресурсов ООН 2015: вода для экологически ответственного мира” (Париж, UNESCO, 2015).

[Вернуться](#)

141

Национальный институт онкологии США, “Национальный акт о раке 1971”. Последнее изменение – 16 февраля 2016, <http://www.cancer.gov/about-nci/legislative/history/national-cancer-act-1971>; Eliot Marshall, “Cancer Research and the \$90 Billion Metaphor,” *Science* 331, no. 6024 (2011): 1540–41, <http://doi.org/10.1126/science.331.6024.1540-a>.

[Вернуться](#)

142

Rebecca L. Siegel, Kimberly D. Miller, and Ahmedin Jemal, “Cancer Statistics, 2018.” *CA: A Cancer Journal for Clinicians* 68, no. 1 (2018): 7–30, <http://doi.org/10.3322/caac.21442>; Национальный институт онкологии США, “Статистика онкологических заболеваний”. Последнее изменение – 27 апреля 2018, <http://www.cancer.gov/about-cancer/understanding/statistics>.

[Вернуться](#)

143

P. Rous, “A Transmissible Avian Neoplasm. (Sarcoma of the Common Fowl),” *Journal of Experimental Medicine* 12 (1910): 696–705, <http://doi.org/10.1084/jem.12.5.696>; P. Rous, “A Sarcoma of the Fowl Transmissible by an Agent Separable from the Tumor Cells,” *Journal of Experimental Medicine* 13 (1911): 397–411, <http://doi.org/10.1097/00000441-191108000-00079>; Robin A. Weiss and Peter K. Vogt, “100 Years of Rous Sarcoma Virus,” *Journal of Experimental Medicine* 208, no. 12 (2011): 2351–55, <http://doi.org/10.1084/jem.20112160>.

[Вернуться](#)

144

Сам вирус использует в качестве носителя генетической информации РНК, поэтому для встраивания в геном клетки хозяина на основе вирусной РНК создается комплементарная ей нить ДНК (кДНК). – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

145

Marco A. Pierotti, Gabriella Sozzi, and Carlo M. Croce, “Discovery and Identification of Oncogenes,” in *Holland- Frei Cancer Medicine*, ed. D. W. Kufe, R. E. Pollock, and R. R. Weichselbaum, 6th ed. (Hamilton: BC Decker, 2003); Peter K. Vogt, “Retroviral Oncogenes: A Historical Primer,” *Nature Reviews Cancer* 12, no. 9 (2012): 639–48, <http://doi.org/10.1038/nrc3320>. Retroviral; Klaus Bister, “Discovery of Oncogenes: The Advent of Molecular Cancer Research,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 112, no. 50 (2015): 15259–60, <http://doi.org/10.1073/pnas.1521145112>.

[Вернуться](#)

146

Andreas Hochhaus et al., “Long-Term Outcomes of Imatinib Treatment for Chronic Myeloid Leukemia,” *New England Journal of Medicine* 376, no. 10 (2017): 917–27, <http://doi.org/10.1056/NEJMoa1609324>.

[Вернуться](#)

147

Всемирная организация здравоохранения, “Предотвращение онкологических заболеваний”. Последнее изменение – 2018, <http://www.who.int/cancer/prevention/en/>

[Вернуться](#)

148

Sidney J. Winawer et al., “Colorectal Cancer Screening: Clinical Guidelines and Rationale: The Adenoma-Carcinoma Sequence,” *Gastroenterology* 112 (1997): 594–642, <http://doi.org/10.1053/GAST.1997.V112.AGAST970594>; M. G. Marmot et al., “The Benefits and Harms of Breast Cancer Screening: An Independent Review,” *British Journal of Cancer* 108, no. 11 (2013): 2205–40, <http://doi.org/10.1038/bjc.2013.177>.

[Вернуться](#)

149

А.М. Нун и др. “Течение, распространенность и исходы злокачественных заболеваний 1975–2015, Национальный институт онкологических заболеваний, Бетесда, штат Мэриленд, http://seer.cancer.gov/csr/1975_2015/, по данным, предоставленным SEER в 2017 г. и опубликованным на веб-сайте SEER в апреле 2018; “Статистика по онкологическим

заболеваниям: рак груди”, Национальный институт онкологических заболеваний, программа изучения течения, распространенности и исходов злокачественных заболеваний. Последнее изменение – 2015, <http://seer.cancer.gov/statfacts/html/breast.html>.

[Вернуться](#)

150

“Статистика по онкологическим заболеваниям: рак прямой кишки”, Национальный институт онкологических заболеваний, программа изучения течения, распространенности и исходов злокачественных заболеваний. Последнее изменение – 2015, <http://seer.cancer.gov/statfacts/html/colorect.html>.

[Вернуться](#)

151

John V. Frangioni, “New Technologies for Human Cancer Imaging,” *Journal of Clinical Oncology* 26, no. 24 (2008): 4012–21, <http://doi.org/10.1200/ICO.2007.14.3065>.

[Вернуться](#)

152

N. Lynn Henry and Daniel F. Hayes, “Cancer Biomarkers,” *Molecular Oncology* 6, no. 2 (2012): 140–46, <http://doi.org/10.1016/j.molonc.2012.01.010>.

[Вернуться](#)

153

Gabriel A. Kwong et al., “Mass-Encoded Synthetic Biomarkers for Multiplexed Urinary Monitoring of Disease,” *Nature Biotechnology* 31, no. 1 (2013): 63–70, <http://doi.org/10.1038/nbt.2464>.

[Вернуться](#)

154

Ester J. Kwon, Jaideep S. Dudani, and Sangeeta N. Bhatia, “Ultrasensitive Tumour-Penetrating Nanosensors of Protease Activity,” *Nature Biomedical Engineering* 1, no. 4 (2017), <http://doi.org/10.1038/s41551-017-0054>.

[Вернуться](#)

155

S. N. Bhatia et al., “Selective Adhesion of Hepatocytes on Patterned Surfaces,” *Annals of the New York Academy of Sciences* 745 (1994): 187–209, <http://www3.interscience.wiley.com/journal/119271052/abstract%5Cnpapers://e7896fb4-5763-415a-bb1b-292b8a8ba273/Paper/p904>.

[Вернуться](#)

156

Austin M. Derfus, Warren C. W. Chan, and Sangeeta N. Bhatia, “Probing the Cytotoxicity of Semiconductor Quantum Dots,” *Nano Letters* 4, no. 1 (2004): 11–18, <http://doi.org/10.1021/nl0347334>.

[Вернуться](#)

157

Jorg Kreuter, “Nanoparticles – A Historical Perspective,” *International Journal of Pharmaceutics* 331, no. 1 (2007): 1–10, <http://doi.org/10.1016/j.ijpharm.2006.10.021>.

[Вернуться](#)

158

Saeid Zanganeh et al., “The Evolution of Iron Oxide Nanoparticles for Use in Biomedical MRI Applications,” *SM Journal Clinical and Medical Imaging* 2, no. 1 (2016): 1–11.

[Вернуться](#)

159

Florian J. Heiligtag and Markus Niederberger, “The Fascinating World of Nanoparticle Research,” *Materials Today* 16, no. 7–8 (2013): 262–71, <http://doi.org/10.1016/j.mattod.2013.07.004>.

[Вернуться](#)

160

Ian Freestone et al., “The Lycurgus Cup – A Roman Nanotechnology,” *Gold Bulletin* 40, no. 4 (2007): 270–77.

[Вернуться](#)

161

Debasis Bera et al., “Quantum Dots and Their Multimodal Applications: A Review,” *Materials* 3, no. 4 (2010): 2260–2345, <http://doi.org/10.3390/ma3042260>.

[Вернуться](#)

162

Jonas Junevi, Juozas Žilinskas, and Darius Gleiznys, “Antimicrobial Activity of Silver and Gold in Toothpastes: A Comparative Analysis,” *Stomatologija, Baltic Dental and Maxillofacial Journal* 17, no. 1 (2015): 9–12.

[Вернуться](#)

163

Florian J. Heiligtag and Markus Niederberger, “The Fascinating World of Nanoparticle Research,” *Materials Today* 16, no. 7–8 (2013): 262–71, <http://doi.org/10.1016/j.mattod.2013.07.004>.

[Вернуться](#)

164

Geoffrey Von Maltzahn et al., “Nanoparticle Self-Assembly Gated by Logical Proteolytic Triggers,” *Journal of the American Chemical Society* 129, no. 19 (2007): 6064–65, <http://doi.org/10.1021/ja0704611>; Ji Ho Park et al., “Magnetic Iron Oxide Nanoworms for Tumor

Targeting and Imaging,” *Advanced Materials* 20, no. 9 (2008): 1630–35, <http://doi.org/10.1002/adma.200800004>.

[Вернуться](#)

165

M. E. Akerman et al., “Nanocrystal Targeting in Vivo,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 99, no. 20 (2002): 12617–21, <http://doi.org/10.1073/pnas.152463399>; Kazuki N. Sugahara et al., “Co-Administration of a Tumor-Penetrating Peptide Enhances the Efficacy of Cancer Drugs,” *Science* 328, no. 5981 (2010): 1031–35, <http://doi.org/10.1126/science.1183057>; Ester J. Kwon et al., “Porous Silicon Nanoparticle Delivery of Tandem Peptide Anti-Infectives for the Treatment of *Pseudomonas Aeruginosa* Lung Infections,” *Advanced Materials* 29, no. 35 (2017): 1–9, <http://doi.org/10.1002/adma.201701527>.

[Вернуться](#)

166

Todd J. Harris et al., “Proteolytic Actuation of Nanoparticle Self-Assembly,” *Angewandte Chemie – International Edition* 45, no. 19 (2006): 3161–65, <http://doi.org/10.1002/anie.200600259>.

[Вернуться](#)

167

Todd J. Harris et al., “Protease-Triggered Unveiling of Bioactive Nanoparticles,” *Small* 4, no. 9 (2008): 1307–12, <http://doi.org/10.1002/sml.200701319>.

[Вернуться](#)

168

Характеристика, используемая для оценки стабильности комплекса биологических молекул. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

169

A. Bairoch, “The ENZYME Database in 2000,” *Nucleic Acids Research* 28, no. 1 (2000): 304–5, <http://doi.org/10.1093/nar/28.1.304>.

[Вернуться](#)

170

Arren Bar-Even et al., “The Moderately Efficient Enzyme: Evolutionary and Physicochemical Trends Shaping Enzyme Parameters,” *Biochemistry* 50, no. 21 (2011): 4402–10, <http://doi.org/10.1021/bi2002289>.

[Вернуться](#)

171

Dmitri Simberg et al., “Biomimetic Amplification of Nanoparticle Homing to Tumors,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 104, no. 3 (2007): 932–36, <http://doi.org/10.1073/pnas.0610298104>.

[Вернуться](#)

172

Todd J. Harris et al., “Tissue-Specific Gene Delivery via Nanoparticle Coating,” *Biomaterials* 31, no. 5 (2010): 998–1006, <http://doi.org/10.1016/j.biomaterials.2009.10.012>.

[Вернуться](#)

173

Elvin Blanco, Haifa Shen, and Mauro Ferrari, “Principles of Nanoparticle Design for Overcoming Biological Barriers to Drug Delivery,” *Nature Biotechnology* 33, no. 9 (2015): 941–51, <http://doi.org/10.1038/nbt.3330>.

[Вернуться](#)

174

Andrew D. Warren et al., “Disease Detection by Ultrasensitive Quantification of Microdosed Synthetic Urinary Biomarkers,” *Journal of the American Chemical Society* 136 (2014): 13709–14, <http://doi.org/10.1021/ja505676h>; Simone Schuerle et al., “Magnetically Actuated Protease Sensors for in Vivo Tumor Profiling,” *Nano Letters* 16, no. 10 (2016): 6303–10, <http://doi.org/10.1021/acs.nanolett.6b02670>.

[Вернуться](#)

175

Jaideep S. Dudani et al., “Classification of Prostate Cancer Using a Protease Activity Nanosensor Library,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 115, no. 36 (2018): 8954–59, <http://doi.org/10.1073/pnas.1805337115>.

[Вернуться](#)

176

Gabriel A. Kwong et al., “Mathematical Framework for Activity-Based Cancer Biomarkers,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 112, no. 41 (2015): 12627–32, <http://doi.org/10.1073/pnas.1506925112>.

[Вернуться](#)

177

Sharon S. Hori and Sanjiv S. Gambhir, “Mathematical Model Identifies Blood Biomarker-Based Early Cancer Detection Strategies and Limitations,” *Science Translational Medicine* 3, no. 109 (2011), <http://doi.org/10.1126/scitranslmed.3003110>. Mathematical.

[Вернуться](#)

178

A. D. Warren et al., “Point-of-Care Diagnostics for Noncommunicable Diseases Using Synthetic Urinary Biomarkers and Paper Microfluidics,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 111, no. 10 (2014): 3671–76, <http://doi.org/10.1073/pnas.1314651111>.

[Вернуться](#)

179

Zhou J. Deng et al., “Layer-by-Layer Nanoparticles for Systemic Codelivery of an Anticancer Drug and siRNA for Potential Triple-Negative Breast Cancer Treatment,” *ACS Nano* 7, no. 11 (2013): 9571–84, <http://doi.org/10.1021/nn4047925>; Erkki Ruoslahti, Sangeeta N. Bhatia, and Michael J. Sailor, “Targeting of Drugs and Nanoparticles to Tumors,” *Journal of Cell Biology* 188, no. 6 (2010): 759–68, <http://doi.org/10.1083/jcb.200910104>; Zvi Yaari et al., “Theranostic Barcoded Nanoparticles for Personalized Cancer Medicine,” *Nature Communications* 7 (2016), <http://doi.org/10.1038/ncomms13325>; Rong Tong et al., “Photoswitchable Nanoparticles for Triggered Tissue Penetration and Drug Delivery,” *Journal of the American Chemical Society* 134, no. 21 (2012): 8848–55, <http://doi.org/10.1021/ja211888a>; Dan Peer et al., “Nanocarriers as an Emerging Platform for Cancer Therapy,” *Nature Nanotechnology* 2, no. 12 (2007): 751–60, <http://doi.org/10.1038/nnano.2007.387>.

[Вернуться](#)

180

Melodi Javid Whitley et al., “A Mouse-Human Phase 1 Co-Clinical Trial of a Protease-Activated Fluorescent Probe for Imaging Cancer,” *Science Translational Medicine* 8, no. 320 (2016): 4–6, <http://doi.org/10.1126/scitranslmed.aad0293>.

[Вернуться](#)

181

Джим Эвинг в разговоре с автором, май 2018.

[Вернуться](#)

182

Прикладная наука, объединяющая достижения биологии, механики и электроники для восстановления или усиления нарушенных функций организма – контроля движения, зрения, осязания и др. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

183

Eric Moskowitz, “The Prosthetic of the Future,” *Boston Globe*, November 21, 2016, <http://www.bostonglobe.com/metro/2016/11/21/the-prosthetic-future/Ld6C2rxZL4uiotc96kNyPO/story.html>.

[Вернуться](#)

184

Хью Герр в разговоре с автором, 2006–2018.

[Вернуться](#)

185

“Motor Neurons,” *PubMed Health Glossary*, <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmedhealth/PMHT0024358/>; Andrew B. Schwartz, “Movement: How the Brain Communicates with the World,” *Cell* 164, no. 6 (2016): 1122–35, <http://doi.org/10.1016/j.cell.2016.02.038>.

[Вернуться](#)

186

Hugh M. Herr and Alena M. Grabowski, “Bionic Ankle– Foot Prosthesis Normalizes Walking Gait for Persons with Leg Amputation,” *Proceedings of the Royal Society B* 279 (2012): 457–64, <http://doi.org/10.1098/rspb.2011.1194>.

[Вернуться](#)

187

Samuel K. Au, Jeff Weber, and Hugh Herr, “Powered Ankle – Foot Prosthesis Improves Walking Metabolic Economy,” *IEEE Transactions on Robotics* 25, no. 1 (2009); Luke M. Mooney, Elliott J. Rouse, and Hugh M. Herr, “Autonomous Exoskeleton Reduces Metabolic Cost of Human Walking,” *Journal of NeuroEngineering and Rehabilitation* 11, no. 1 (2014): 1–5, <http://doi.org/10.1186/1743-0003-11-151>.

[Вернуться](#)

188

Разговоры автора с Хильдур Эйнарссдоттир, Кимом де Рой и Магнусом Одссоном, октябрь 2017.

[Вернуться](#)

189

Beata Jarosiewicz et al., “Virtual Typing by People with Tetraplegia Using a Self-Calibrating Intracortical Brain- Computer Interface,” *Science Translational Medicine* 7, no. 313 (2015): 1–11; B. Wodlinger et al., “Ten- Dimensional Anthropomorphic Arm Control in a Human Brain–Machine Interface: Difficulties, Solutions, and Limitations,” *Journal of Neural Engineering* 12, no. 1 (2015), <http://doi.org/10.1088/1741-2560/12/1/016011>; S. R. Soekadar et al., “Hybrid EEG/EOG-Based Brain/Neural Hand Exoskeleton Restores Fully Independent Daily Living Activities after Quadriplegia,” *Science Robotics* 1 (2016): 1–8.

[Вернуться](#)

190

Разговоры автора с Джоном Донохью, сентябрь 2017; Jens Clausen et al., “Help, Hope, and Hype: Ethical Dimensions of Neuroprosthetics,” *Science* 356, no. 6345 (2017): 1338–39.

[Вернуться](#)

191

D. Purves et al., eds., “The Primary Motor Cortex: Upper Motor Neurons That Initiate Complex Voluntary Movements,” in *Neuroscience*, 2nd ed. (Sunderland, MA: Sinauer Associates, 2001), <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK10962/>.

[Вернуться](#)

192

Пуантилизм – живописный прием письма отдельными четкими мазками в виде точек или мелких квадратов. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

193

John P. Donoghue and Steven P. Wise, “The Motor Cortex of the Rat: Cytoarchitecture and Microstimulation Mapping,” *Journal of Comparative Neurology* 212 (1982): 76–88; Shy Shoham et al., “Statistical Encoding Model for a Primary Motor Cortical Brain-Machine Interface,” *IEEE Transactions on Biomedical Engineering* 52, no. 7 (2005): 1312–22; T. Aflalo et al., “Decoding Motor Imagery from the Posterior Parietal Cortex of a Tetraplegic Human,” *Science* 348, no. 6237 (2015): 906–10, <http://doi.org/10.7910/DVN/GJDUTV>.

[Вернуться](#)

194

Sharlene N. Flesher et al., “Intracortical Microstimulation of Human Somatosensory Cortex,” *Science Translational Medicine* 8 (2016): 1–11; Emily L. Graczyk et al., “The Neural Basis of Perceived Intensity in Natural and Artificial Touch,” *Science Translational Medicine* 142 (2016): 1–11; Luke E. Osborn et al., “Prosthesis with Neuromorphic Multilayered E-Dermis Perceives Touch and Pain,” *Science Robotics* 3 (2018): 1–11, <http://doi.org/10.1126/scirobotics.aat3818>.

[Вернуться](#)

195

Встроенный в кору головного мозга. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

196

John P. Donoghue, “Connecting Cortex to Machines: Recent Advances in Brain Interfaces,” *Nature Neuroscience* 5, no. 11 (2002): 1085–88, <http://doi.org/10.1038/mn947>; Mijail D. Serruya et al., “Instant Neural Control of a Movement Signal,” *Nature* 416, no. 6877 (2002): 141–42, <http://doi.org/10.1038/416141a>; Vicki Brower, “When Mind Meets Machine,” *EMBO Reports* 6, no. 2 (2005): 108–10.

[Вернуться](#)

197

Leigh R. Hochberg et al., “Neuronal Ensemble Control of Prosthetic Devices by a Human with Tetraplegia,” *Nature* 442 (July 2006), <http://doi.org/10.1038/nature04970>.

[Вернуться](#)

198

Leigh R. Hochberg et al., “Reach and Grasp by People with Tetraplegia Using a Neurally Controlled Robotic Arm,” *Nature* 485, no. 7398 (2012): 372–75, <http://doi.org/10.1038/nature11076>; Andrew Jackson, “Neuroscience: Brain-Controlled Robot Grabs Attention,” *Nature* 485, no. 7398 (2012): 317–18, <http://doi.org/10.1038/485317a>.

[Вернуться](#)

199

“Парализованная женщина двигает роботом с помощью своего сознания”, Nature Video. Последнее изменение – 16 мая 2012. <http://www.youtube.com/watch?v=ogBX18maUiM>.

[Вернуться](#)

200

A. Bolu Ajiboye et al., “Restoration of Reaching and Grasping in a Person with Tetraplegia through Brain- Controlled Muscle Stimulation: A Proof-of-Concept Demonstration,” *Lancet* 389 (2017): 1821–30, [http://doi.org/10.1016/S0140-6736\(17\)30601-3](http://doi.org/10.1016/S0140-6736(17)30601-3); Clive Cookson, “Paralysed Man Regains Arm Movement Using Power of Thought,” *Financial Times*, March 28, 2017, <http://www.ft.com/content/1460d6e6-10c0-11e7-b030-768954394623>; “Using Thought to Control Machines: Brain-Computer Interfaces May Change What It Means to Be Human,” *The Economist*, January 4, 2018, <http://www.economist.com/leaders/2018/01/04/using-thought-to-control-machines>.

[Вернуться](#)

201

Импланты, вживленные в улитку внутреннего уха. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

202

Leigh R. Hochberg et al., “Neuronal Ensemble Control of Prosthetic Devices by a Human with Tetraplegia,” *Nature* 442 (July 2006), <http://doi.org/10.1038/nature04970>.

[Вернуться](#)

203

Karl Frank, “Some Approaches to the Technical Problem of Chronic Excitation of Peripheral Nerve” (speech), April 1968, Centennial Celebration of the American Otological Society.

[Вернуться](#)

204

Ли Хокберг в разговорах с автором, декабрь 2017; Bob Tedeschi, “When Might Patients Use Their Brains to Restore Movement? ‘We All Want the Answer to Be ow,’” *STAT*, June 6, 2017, <http://www.statnews.com/2017/06/02/braingate-movement-paralysis/>.

[Вернуться](#)

205

Chethan Pandarinath et al., “High Performance Communication by People with Paralysis Using an Intracortical Brain-Computer Interface,” *ELIFE* 6 (2017): 1–27, <http://doi.org/10.7554/eLife.18554>.

[Вернуться](#)

206

Агонисты – скелетные мышцы, которые играют главную роль в определенном движении. Антагонисты – мышцы, выполняющие противодействие агонистам. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

207

Lindsay M. Biga et al., eds., “Chapter 11: The Muscular System,” in *Anatomy & Physiology* (Open Oregon State: [Pressbooks.com](http://pressbooks.com), 2018), <http://library.open.oregonstate.edu/aandp/chapter/11-1-describe-the-roles-of-agonists-antagonists-and-synergists/>; Janne M. Hahne et al., “Simultaneous Control of Multiple Functions of Bionic Hand Prostheses: Performance and Robustness in End Users,” *Science Robotics* 3 (2018): 1–9, <http://doi.org/10.1126/scirobotics.aat3630>.

[Вернуться](#)

208

S. S. Srinivasan et al., “On Prosthetic Control: A Regenerative Agonist-Antagonist Myoneural Interface,” *Science Robotics* 2, no. 6 (2017), <http://doi.org/10.1126/scirobotics.aan2971>.

[Вернуться](#)

209

Tyler R. Clites et al., “A Murine Model of a Novel Surgical Architecture for Proprioceptive Muscle Feedback and Its Potential Application to Control of Advanced Limb Prostheses,” *Journal of Neural Engineering* 14 (2017).

[Вернуться](#)

210

Tyler R. Clites et al., “Proprioception from a Neurally Controlled Lower-Extremity Prosthesis,” *Science Translational Medicine* 10, no. 443 (2018), <http://doi.org/10.1126/scitranslmed.aap8373>; Gideon Gil and Matthew Orr, “Pioneering Surgery Makes a Prosthetic Foot Feel Like the Real Thing,” *STAT*, May 30, 2018, <http://www.statnews.com/2018/05/30/pioneering-amputation-surgery-prosthetic-foot/>.

[Вернуться](#)

211

Фенотипический комплекс фонда Белуэттера Центра растениеводства имени Данфорта, <http://www.danforthcenter.org/scientists-research/core-technologies/phenotyping>.

[Вернуться](#)

212

Mao Li et al., “The Persistent Homology Mathematical Framework Provides Enhanced Genotypeto-Phenotype Associations for Plant Morphology,” *Plant Physiology* 177 (2018): 1382–95, <http://doi.org/10.1104/pp.18.00104>.

[Вернуться](#)

213

Robert T. Furbank and Mark Tester, “Phenomics – Technologies to Relieve the Phenotyping Bottleneck,” *Trends in Plant Science* 16, no. 12 (2011): 635–44, <http://doi.org/10.1016/j.tplants.2011.09.005>; Daniel H. Chitwood and Christopher N. Topp, “Revealing Plant Cryptotypes: Defining Meaningful Phenotypes among Infinite Traits,” *Current Opinion in Plant Biology* 24 (2015): 54–60, <http://doi.org/10.1016/j.pbi.2015.01.009>.

[Вернуться](#)

214

Todd P. Michael and Scott Jackson, “The First 50 Plant Genomes,” *The Plant Genome* 6, no. 2 (2013): 1–7, <http://doi.org/10.3835/plantgenome2013.03.0001in>.

[Вернуться](#)

215

Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, демографический отдел “Перспективы мировой урбанизации, редакция 2018 г.”, 2018, <http://population.un.org/wup/DataQuery>.

[Вернуться](#)

216

D. Tilman et al., “Global Food Demand and the Sustainable Intensification of Agriculture,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 108, no. 50 (2011): 20260–64, <http://doi.org/10.1073/pnas.1116437108>.

[Вернуться](#)

217

M. A. Zeder, “Domestication and Early Agriculture in the Mediterranean Basin: Origins, Diffusion, and Impact,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 105, no. 33 (2008): 11597–604, <http://doi.org/10.1073/pnas.0801317105>; Iosif Lazaridis et al., “Genomic Insights into the Origin of Farming in the Ancient Near East,” *Nature* 536, no. 7617 (2016): 419–24, <http://doi.org/10.1038/nature19310>.

[Вернуться](#)

218

Плодородный полумесяц – условное название региона на Ближнем Востоке, где в зимние месяцы наблюдается повышенное количество осадков. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

219

Nils Roll-Hansen, “The Holist Tradition in Twentieth-Century Genetics. Wilhelm Johannsen’s Genotype Concept,” *Journal of Physiology* 592, no. 11 (2014): 2431–38, <http://doi.org/10.1113/jphysiol.2014.272120>; W. Johannsen, “The Genotype Conception of Heredity,” *International Journal of Epidemiology* 43, no. 4 (2014): 989–1000, <http://doi.org/10.1093/ije/dyu063>.

[Вернуться](#)

220

Мендель Г. Опыты над растительными гибридами // Труды Бюро по прикладной ботанике. 1910. Т. 3. № 11. С. 479–529.

[Вернуться](#)

221

Maclyn McCarty, “Discovering Genes Are Made of DNA,” *Nature* 421 (2003): 406.

[Вернуться](#)

222

Фарадей М. [Экспериментальные исследования по электричеству](#). В 3 т. – М.: Изд. АН СССР, 1947, 1951, 1959. (“Классики науки”).

[Вернуться](#)

223

Joseph John Thomson, “XL. Cathode Rays,” *The London, Edinburgh, and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science* 44, no. 269 (1897): 293–316, <http://doi.org/10.1080/14786449708621070>.

[Вернуться](#)

224

P. Agre et al., “Aquaporin CHIP: The Archetypal Molecular Water Channel,” *American Journal of Physiology* 265 (1993): F463–76, <http://doi.org/10.1085/jgp.79.5.791>; Mario Parisi et al., “From Membrane Pores to Aquaporins: 50 Years Measuring Water Fluxes,” *Journal of Biological Physics* 33, no. 5–6 (2007): 331–43, <http://doi.org/10.1007/s10867-008-9064-5>.

[Вернуться](#)

225

Mauricio De Castro, “Johann Gregor Mendel: Paragon of Experimental Science,” *Molecular Genetics and Genomic Medicine* 4, no. 1 (2016): 3–8, <http://doi.org/10.1002/mgg3.199>.

[Вернуться](#)

226

Ralf Dahm, “Friedrich Miescher and the Discovery of DNA,” *Developmental Biology* 278, no. 2 (2005): 274–88, <http://doi.org/10.1016/j.ydbio.2004.11.028>.

[Вернуться](#)

227

J. D. Watson and F. H. Crick, “Molecular Structure of Nucleic Acids: A Structure for Deoxyribose Nucleic Acid,” *Nature* 171, no. 4356 (1953): 737–38; Francis Crick, “Central Dogma of Molecular Biology,” *Nature* 227 (1970): 561–63.

[Вернуться](#)

228

R. T. Fraley et al., “Expression of Bacterial Genes in Plant Cells,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 80, no. 15 (1983): 4803–7, <http://doi.org/10.1073/pnas.80.15.4803>; P. Zambryski et al., “Ti Plasmid Vector for the Introduction of DNA into Plant Cells without Alteration of Their Normal Regeneration Capacity,” *EMBO Journal* 2, no. 12 (1983): 2143–50, <http://doi.org/10.1002/J.1460-2075.1983.TB01715.X>.

[Вернуться](#)

229

Mark Vaecck et al., “Transgenic Plants Protected from Insect Attack,” *Nature* 328, no. 6125 (1988): 33–37, <http://doi.org/10.1038/328033a0>.

[Вернуться](#)

230

Elizabeth Nolan and Paulo Santos, “The Contribution of Genetic Modification to Changes in Corn Yield in the United States,” *American Journal of Agricultural Economics* 94, no. 5 (2012): 1171–88, <http://doi.org/10.1093/ajae/aas069>; Zhi Kang Li and Fan Zhang, “Rice Breeding in the Post-Genomics Era: From Concept to Practice,” *Current Opinion in Plant Biology* 16, no. 2 (2013): 261–69, <http://doi.org/10.1016/j.pbi.2013.03.008>.

[Вернуться](#)

231

Andrew Balmford, Rhys Green, and Ben Phalan, “Land for Food & Land for Nature?” *Daedalus* 144, no. 4 (2015): 57–75, http://doi.org/10.1162/DAED_a_00354.

[Вернуться](#)

232

Sun Ling Wang et al., “Agricultural Productivity Growth in the United States: Measurement, Trends and Drivers,” United States Department of Agriculture Economic Research Service, 2015, http://www.ers.usda.gov/webdocs/publications/45387/53417_err189.pdf?v=42212.

[Вернуться](#)

233

Статистическая служба Министерства сельского хозяйства США, “Исторические записи о производстве сельскохозяйственных культур (апрель 2017)”, 2017, http://www.nass.usda.gov/Publications/Todays_Reports/reports/cropr17.pdf.

[Вернуться](#)

234

1 акр = 0,404 га. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

235

Sean Sanders, ed., “Addressing Malnutrition to Improve Global Health,” *Science* 346 (2014), <http://doi.org/10.1126/science.346.6214.1247-d>; FAO, IFAD, and WFP, *The State of Food Insecurity in the World 2014. Strengthening the enabling environment for food security and nutrition* (Rome: FAO, 2014), <http://www.fao.org/3/a-i4030e.pdf>.

[Вернуться](#)

236

Информационный центр ООН в Канберре, “Статистика голода ВОЗ”, <http://un.org.au/2014/05/14/who-hunger-statistics/>.

[Вернуться](#)

237

Norman E. Borlaug, “The Green Revolution Revisited and the Road Ahead,” in *Nobel Prize Symposium*, 2002, <http://doi.org/10.1086/451354>.

[Вернуться](#)

238

G. Bruening and J. M. Lyons, “The Case of the FLAVR SAVR Tomato,” *California Agriculture* 54, no. 4 (2000).

[Вернуться](#)

239

Научно-исследовательская служба Министерства сельского хозяйства США, “Сельскохозяйственные методы и организация деятельности: биотехнологический обзор”. Последнее изменение – 11 января 2018, <http://www.ers.usda.gov/topics/farm-practices-management/biotechnology/>.

[Вернуться](#)

240

“Genetically Engineered Crops: Experiences and Prospects,” The National Academies Press, 2016, <http://doi.org/10.17226/23395>.

[Вернуться](#)

241

Ryan K. C. Yuen et al., “Whole Genome Sequencing Resource Identifies 18 New Candidate Genes for Autism Spectrum Disorder,” *Nature Neuroscience* 20, no. 4 (2017): 602–11, <http://doi.org/10.1038/nn.4524>; Stephan Ripke et al., “Biological Insights from 108 Schizophrenia-Associated Genetic Loci,” *Nature* 511, no. 7510 (2014): 421–27, <http://doi.org/10.1038/nature13595>; Aswin Sekar et al., “Schizophrenia Risk from Complex Variation of Complement Component 4,” *Nature* 530, no. 7589 (2016): 177–83, <http://doi.org/10.1038/nature16549>.

[Вернуться](#)

242

Mohamed A. Ibrahim et al., “Bacillus Thuringiensis: A Genomics and Proteomics Perspective,” *Bioengineered Bugs* 1, no. 1 (2010): 31–50, <http://doi.org/10.4161/bbug.1.1.10519>.

[Вернуться](#)

243

National Research Council of the National Academies, *Toward Sustainable Agricultural Systems in the 21st Century*, 2010, <http://www.nap.edu/catalog/12832/towardsustainable-agricultural-systems-in-the-21st-century>.

[Вернуться](#)

244

National Research Council of the National Academies, *Toward Sustainable Agricultural Systems in the 21st Century*, 2010, <http://www.nap.edu/catalog/12832/towardsustainable-agricultural-systems-in-the-21st-century>.

[Вернуться](#)

245

Luca Comai, Louvminia C. Sen, and David M. Stalker, “An Altered AroA Gene Product Confers Resistance to the Herbicide Glyphosate,” *Science* 221 (1983): 370–71.

[Вернуться](#)

246

Jon Entine and Rebecca Randall, “GMO Sustainability Advantage? Glyphosate Spurs No-Till Farming, Preserving Soil Carbon,” Genetic Literacy Project, 2017, <http://geneticliteracyproject.org/2017/05/05/gmo-sustainabilityadvantage-glyphosate-sparks-no-till-farming-reserving-soil-carbon/>.

[Вернуться](#)

247

The National Academies Press, “Genetically Engineered Crops: Experiences and Prospects,” 2016, <http://doi.org/10.17226/23395>.

[Вернуться](#)

248

J. Madeleine Nash, “This Rice Could Save a Million Kids a Year,” *Time Magazine*, July 31, 2000, 1–7, <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,997586-4,00.html>; Ingo Potrykus, “The ‘Golden Rice’ Tale,” *AgBioWorld*, 2011, <http://www.agbioworld.org/biotech-info/topics/goldenrice/tale.html>.

[Вернуться](#)

249

J. H. Humphrey, K. P. West, and A. Sommer, “Vitamin A Deficiency and Attributable Mortality among Under-5-Year-Olds,” *Bulletin of the World Health Organization* 70, no. 2 (1992): 225–32, <http://www.pubmedcentral.nih.gov/articlerender.fcgi?artid=2393289&tool=pmcentrez&rendertype=abstract>

[Вернуться](#)

250

A. Alan Moghissi, Shiqian Pei, and Yinzuo Liu, “Golden Rice: Scientific, Regulatory and Public Information Processes of a Genetically Modified Organism,” *Critical Reviews in Biotechnology* 36, no. 3 (2016): 535–41, <http://doi.org/10.3109/07388551.2014.993586>; Janel M. Albaugh, “Golden Rice: Effectiveness and Safety, A Literature Review,” *Honors Research Projects* 382, University of Akron, 2016, http://ideaexchange.uakron.edu/honors_research_projects/382/.

[Вернуться](#)

251

Gary Scattergood, “Australia, New Zealand Approve Purchasing of GMO Golden Rice to Tackle Vitamin-A Deficiency in Asia,” Genetic Literacy Project, 2018, <http://geneticliteracyproject.org/2018/01/29/Australia-new-zealand-approve-sale-gmo-golden-rice-effort-boostfight-vitamin-deficiency-asia/>.

[Вернуться](#)

252

Peggy G. Lemaux, “Genetically Engineered Plants and Foods: A Scientist’s Analysis of the Issues (Part I),” *Annual Review of Plant Biology* 59, no. 1 (2008): 771–812, <http://doi.org/10.1146/annurev.arplant.58.032806.103840>; Wilhelm Klumper and Matin Qaim, “A Meta-Analysis of the Impacts of Genetically Modified Crops,” *PLoS ONE* 9, no. 11 (2014), <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0111629>; Mark Lynas, “How I Got Converted to G.M.O. Food,” *New York Times*, April 25, 2015, <http://www.nytimes.com/2015/04/25/opinion/sunday/how-i-got-converted-to-gmo-food.html>; Mitch Daniels, “Avoiding GMOs Isn’t Just Anti-Science. It’s Immoral,” *Washington Post*, December 27, 2017, http://www.washingtonpost.com/opinions/avoiding-gmos-isnt-just-anti-science-its-immoral/2017/12/27/fc773022-ea83-11e7-b698-91d4e35920a3_story.html?oredirect=on&utm_term=.ec447407b07d; Michael Gerson, “Are You Anti-GMO? Then You’re Anti-Science, Too,” *Washington Post*, May 3, 2018, http://www.washingtonpost.com/opinions/are-you-anti-gmo-then-youre-anti-science-too/2018/05/03/cb42c3ba-4ef4-11e8-af46-b1d6dc0d9bfe_story.html?utm_term=.0bc14d1df5c0.

[Вернуться](#)

253

Маниок, маниока – тропическое растение, клубни которого употребляют в пищу в Африке, Азии и Южной Америке. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

254

Wangxia Wang, Basia Vinocur, and Arie Altman, “Plant Responses to Drought, Salinity and Extreme Temperatures: Towards Genetic Engineering for Stress Tolerance,” *Planta* 218, no. 1 (2003): 1–14, <http://doi.org/10.1007/s00425-003-1105-5>; Huayu Sun et al., “The Bamboo Aquaporin Gene PeTIP4;1–1 Confers Drought and Salinity Tolerance in Transgenic Arabidopsis,” *Plant Cell Reports* 36, no. 4 (2017): 597–609, <http://doi.org/10.1007/s00299-017-2106-3>; Kathleen Greenham et al., “Temporal Network Analysis Identifies Early Physiological and Transcriptomic Indicators of Mild Drought in Brassica Rapa,” *ELife* 6 (2017): 1–26, <http://doi.org/10.7554/eLife.29655>.

[Вернуться](#)

255

Andrade Sanchez, “Field-Based Phenomics for Plant Genetics Research,” *Field Crops Research* 133 (2012): 101–12, <http://doi.org/10.1080/10643389.2012.728825>; J. L. Araus and J. E. Cairns, “Field High-Throughput Phenotyping: The New Crop Breeding Frontier,” *Trends in Plant Science* 19, no. 1 (2014): 52–61, <http://doi.org/10.1016/j.tplants.2013.09.008>; Noah Fahlgren et al., “A Versatile Phenotyping System and Analytics Platform Reveals Diverse Temporal Responses to Water Availability in *Setaria*,” *Molecular Plant* 8, no. 10 (2015): 1520–35, <http://doi.org/10.1016/j.molp.2015.06.005>; Malia A. Gehan and Elizabeth A. Kellogg, “High-Throughput Phenotyping,” *American Journal of Botany* 104, no. 4 (2017): 505–8, <http://doi.org/10.3732/ajb.1700044>; Jordan R. Ubbens and Ian Stavness, “Deep Plant Phenomics: A Deep Learning Platform for Complex Plant Phenotyping Tasks,” *Frontiers in Plant Science* 8 (July 2017), <http://doi.org/10.3389/fpls.2017.01190>.

[Вернуться](#)

256

Xue Zhao et al., “Loci and Candidate Genes Conferring Resistance to Soybean Cyst Nematode HG Type 2.5.7,” *BMC Genomics* 18, no. 1 (2017): 1–10, <http://doi.org/10.1186/s12864-017-3843-y>.

[Вернуться](#)

257

Jeremy Schmutz et al., “Genome Sequence of the Palaeopolyploid Soybean,” *Nature* 463, no. 7278 (2010): 178–83, <http://doi.org/10.1038/nature08670>.

[Вернуться](#)

258

Barbara McClintock, “The Origin and Behavior of Mutable Loci in Maize,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 36 (1950): 344–55; Barbara McClintock, “The Significance of Responses to the Genome to Challenge: Nobel Lecture,” 1983, http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/medicine/laureates/1983/mcclintock-lecture.html.

[Вернуться](#)

259

John Wihbey, “Agricultural Drones May Change the Way We Farm,” *Boston Globe*, August 23, 2015, <http://www.bostonglobe.com/ideas/2015/08/22/agricultural-drones-change-way-farm/WTrOVMV9j4C7kchvbmPr4J/story.html>; Steve Curwood and Nikhil Vadhavkar, “Drones Are the Future of Agriculture,” *Living on Earth*, August 5, 2016, <http://www.loe.org/shows/segments.html?programID=16-P13-00032&segmentID=5>; G. Lobet, “Image Analysis in Plant Sciences: Publish Then Perish,” *Trends in Plant Science* 22 (2017): 1–8, <http://doi.org/10.1016/j.tplants.2017.05.002>.

[Вернуться](#)

260

“Improving the Human Condition through Plant Science,” Donald Danforth Plant Science Center: Roots & Shoots Blog. Last modified January 6, 2015, <http://www.danforthcenter.org/news-media/roots-shoots-blog/blog-item/improving-the-human-condition-through-plant-science>.

[Вернуться](#)

261

Разговоры автора с Элизабет Келлог, октябрь 2017.

[Вернуться](#)

262

Elizabeth Kellogg, “Relationships of Cereal Crops and Other Grasses,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 95, no. 5 (1998): 2005–10, <http://doi.org/10.1073/pnas.95.5.2005>.

[Вернуться](#)

263

Carl Zimmer, “Where Did the First Farmers Live? Looking for Answers in DNA,” *New York Times*, October 18, 2016, <http://www.nytimes.com/2016/10/18/science/ancient-farmers-archaeology-dna.html>.

[Вернуться](#)

264

Разговоры автора с Джимом Каррингтоном, октябрь 2017.

[Вернуться](#)

265

Jia He et al., “Threshold-Dependent Repression of SPL Gene Expression by MiR156/MiR157 Controls Vegetative Phase Change in *Arabidopsis Thaliana*,” *PLoS Genetics* 14, no. 4 (2018): 1–28, <http://doi.org/10.1371/journal.pgen.1007337>.

[Вернуться](#)

266

A. Tabb, K. E. Duncan, and C. N. Topp, “Segmenting Root Systems in X-ray Computed Tomography Images Using Level Sets,” 2018 IEEE Winter Conference on Applications of Computer Vision (WACV), Lake Tahoe, NV/CA, 586–595, <http://doi.org/10.1109/wacv.2018.00070>.

[Вернуться](#)

267

National Research Council of the National Academies, *Toward Sustainable Agricultural Systems in the 21st Century*, 2010, <http://www.nap.edu/catalog/12832/toward-sustainable-agricultural-systems-in-the-21st-century>.

[Вернуться](#)

268

Разговоры автора с Бекки Барт и Найджелом Тейлором, октябрь 2017.

[Вернуться](#)

269

Наука по изучению белкового состава биологических объектов, модификаций и структурно-функциональных свойств белковых молекул. – *Прим. пер.*

[Вернуться](#)

270

Центр растениеводства имени Дональда Данфорта, “Кампус: опытное предприятие Центра растениеводства имени Дональда Данфорта”, <http://www.danforthcenter.org/about/campus>.

[Вернуться](#)

271

Shujun Yang et al., “Narrowing down the Targets: Towards Successful Genetic Engineering of Drought-Tolerant Crops,” *Molecular Plant* 3, no. 3 (2010): 469–90, <http://doi.org/10.1093/mp/ssq016>; Andrew Marshall, “Drought-Tolerant Varieties Begin Global March,” *Nature Biotechnology* 32, no. 4 (2014): 308, <http://doi.org/10.1038/nbt.2875>; Mark Cooper et al., “Breeding Drought-Tolerant Maize Hybrids for the US Corn-Belt: Discovery to Product,” *Journal of Experimental Botany* 65, no. 21 (2014): 6191–94, <http://doi.org/10.1093/jxb/eru064>.

[Вернуться](#)

272

Разговоры автора с Элизабет Келлог, апрель 2018.

[Вернуться](#)

273

Malia A. Gehan et al., “PlantCV v2: Image Analysis Software for High-Throughput Plant Phenotyping,” *PeerJ* 5 (2017): e4088, <http://doi.org/10.7717/peerj.4088>.

[Вернуться](#)

274

Разговоры автора с Тоддом Моклером, октябрь 2017.

[Вернуться](#)

275

Министерство сельского хозяйства США, “Исследования по физиологии и генетике растений в Марикопе, штат Аризона”, <http://www.ars.usda.gov/pacific-west-area/maricopa-arizona/us-arid-land-agricultural-research-center/plant-physiology-and-genetics-research/>.

[Вернуться](#)

276

Noah Fahlgren, Malia A. Gehan, and Ivan Baxter, “Lights, Camera, Action: High-Throughput Plant Phenotyping Is Ready for a Close-Up,” *Current Opinion in Plant Biology* 24 (2015): 93–99, <http://doi.org/10.1016/j.pbi.2015.02.006>; Nadia Shakoor, Scott Lee, and Todd C. Mockler, “High-Throughput Phenotyping to Accelerate Crop Breeding and Monitoring of Diseases in the Field,” *Current Opinion in Plant Biology* 38 (2017): 184–92, <http://doi.org/10.1016/j.pbi.2017.05.006>.

[Вернуться](#)

277

Arti Singh et al., “Machine Learning for High-Throughput Stress Phenotyping in Plants,” *Trends in Plant Science* 21, no. 2 (2016): 110–24, <http://doi.org/10.1016/j.tplants.2015.10.015>; Sotirios A. Tsafaris, Massimo Minervini, and Hanno Scharf, “Machine Learning for Plant Phenotyping Needs Image Processing,” *Trends in Plant Science* 21, no. 12 (2016): 989–91, <http://doi.org/10.1016/j.tplants.2016.10.002>; Pouria Sadeghi-Tehran et al., “Multi-Feature Machine Learning Model for Automatic Segmentation of Green Fractional Vegetation Cover for High-Throughput Field Phenotyping,” *Plant Methods* 13, no. 1 (2017): 1–16, <http://doi.org/10.1186/s13007-017-0253-8>.

[Вернуться](#)

278

Frank Vinluan, “A.I.’s Role in Agriculture Comes into Focus with Imaging Analysis,” *Xconomy*, May 2, 2017, <http://www.xconomy.com/raleigh-durham/2017/05/02/a-i-s-role-in-agriculture-comes-into-focus-with-imaging-analysis/>.

[Вернуться](#)

279

Министерство сельского хозяйства США, доклад службы экономических исследований при использовании данных Национальной сельскохозяйственной статистической службы “Июньский сельскохозяйственный опрос”. Последнее изменение – 12 июля 2017, <http://www.ers.usda.gov/data-products/adoption-of-genetically-engineered-crops-in-the-us.aspx>.

[Вернуться](#)

280

“Adoption of Genetically Engineered Cotton in the United States, by Trait, 2000–17,” <http://www.ers.usda.gov/webdocs/charts/56323/biotechcotton.png?v=42565>; “Adoption of Genetically Engineered Corn in the United States, by Trait, 2000–17,” <http://www.ers.usda.gov/webdocs/charts/55237/biotechcorn.png?v=42565>.

[Вернуться](#)

281

FAO and IFAD, *The World Cassava Economy* (Rome: International Fund for Agricultural Development and Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2000), <http://www.fao.org/docrep/009/x4007e/X4007E00.htm#TOC>.

[Вернуться](#)

282

“VIRCA Plus: устойчивая к вирусу и обогащенная питательными веществами маниока для Африки”, Центр растениеводства имени Дональда Данфорта. Последнее изменение – ноябрь 2017, <http://www.danforthcenter.org/scientistsresearch/research-institutes/institute-for-international-cropimprovement/crop-improvement-projects/virca-plus>.

[Вернуться](#)

283

Центр растениеводства имени Дональда Данфорта. “Новые возможности маниоки – VIRCA – информационный бюллетень”, <http://www.danforthcenter.org/scientists-research/research-institutes/institute-for-international-crop-improvement/crop-improvementprojects/virca>.

[Вернуться](#)

284

Разговоры автора с Найджелом Тейлором, апрель 2018.

[Вернуться](#)

285

A. Bucksch et al., “Image-Based High-Throughput Field Phenotyping of Crop Roots,” *Plant Physiology* 166, no. 2 (2014): 470–86, <http://doi.org/10.1104/pp.114.243519>.

[Вернуться](#)

286

Центр растениеводства имени Дональда Данфорта, “VIRCA Plus: устойчивая к вирусу и обогащенная питательными веществами маниока для Африки”. Последнее изменение – ноябрь 2017, <http://www.danforthcenter.org/scientistsresearch/research-institutes/institute-for-international-cropimprovement/crop-improvement-projects/virca-plus>.

[Вернуться](#)

287

Анемия (или малокровие) – состояние, при котором снижается количество красных кровяных клеток. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

288

Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, демографический отдел “Перспективы мировой урбанизации, редакция 2018 г.”, 2018, <http://population.un.org/wup/DataQuery>.

[Вернуться](#)

289

Karl T. Compton, “The Electron: Its Intellectual and Social Significance,” *Nature* 139, no. 3510 (1937): 229–40.

[Вернуться](#)

290

J. J. Thomson, “Carriers of Negative Electricity,” *Nobel Lecture*, 1906, https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/physics/laureates/1906/thomson-lecture.html.

[Вернуться](#)

291

Michael Riordan, “The Discovery of Quarks,” *Science* 256 (1992): 1287–93; John Ellis, “The Discovery of the Gluon,” *ArXiv*, 2014, <http://arxiv.org/pdf/1409.4232.pdf>.

[Вернуться](#)

292

E. Rutherford, “LXXIX. The Scattering of α and β Particles by Matter and the Structure of the Atom,” *Philosophical Magazine Series 6* 21, no. 125 (1911): 669–88, <http://doi.org/10.1080/14786440508637080>.

[Вернуться](#)

293

B. Cameron Reed, “A Compendium of Striking Manhattan Project Quotes,” *History of Physics Newsletter* 13, no. 3 (2016): 8, <http://doi.org/10.1016/j.chembiol.2011.05.005>.

[Вернуться](#)

294

Первая в мире атомная электростанция, подключенная к общей электросети, была запущена в СССР, в Обнинске, в 1954 г. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

295

“Экспериментальный бридерный реактор-I”, Национальная лаборатория Айдахо. Последнее изменение – 8 февраля 2012, <http://www4vip.inl.gov/research/experimental-breeder-reactor-1/d/experimental-breeder-reactor-1.pdf>.

[Вернуться](#)

296

William Edward Hartpole Lecky, *Democracy and Liberty* (New York: Longmans, Green, and Co., 1899), <http://oll.libertyfund.org/titles/1813>.

[Вернуться](#)

297

P. Sharp, T. Jacks, and S. Hockfield, “Capitalizing on Convergence for Health Care,” *Science* 352, no. 6293 (2016): 1522–23, <http://doi.org/10.1126/science.aag2350>; Phillip Sharp and Susan Hockfield, “Convergence: The Future of Health,” *Science* 355, no. 6325 (2017): 589, <http://doi.org/10.1126/science.aam8563>.

[Вернуться](#)

298

Петер Хольм Йенсен в разговоре с автором, сентябрь 2017.

[Вернуться](#)

299

Alexander H. Tullo, “Ethylene from Methane: Researchers Take a New Look at an Old Problem,” *Chemical and Engineering News* 89, no. 3 (2011): 20–21.

[Вернуться](#)

300

Ik Dong Choi, Jae Won Lee, and Yong Tae Kang, “CO₂ Capture/Separation Control by SiO₂ Nanoparticles and Surfactants,” *Separation Science and Technology* 50, no. 5 (2015): 772–80, <http://doi.org/10.1080/01496395.2014.965257>; Alison E. Berman, “How Nanotech Will Lead to a Better Future for Us All,” 2016, <http://singularityhub.com/2016/08/12/how-nanotech-will-lead-to-a-better-future-for-us-all/#sm.000f3rwrfl3l3epptd9lmp6z4gw9y>.

[Вернуться](#)

301

Ivan P. Parkin and Robert G. Palgrave, “Self-Cleaning Coatings,” *Journal of Materials Chemistry* 15, no. 17 (2005): 1689–95, <http://doi.org/10.1039/b412803f>.

[Вернуться](#)

302

Институт Рузвельта, “Рецессия при Рузвельте”. Последнее изменение – 19 августа 2010, <http://rooseveltinstitute.org/roosevelt-recession/>.

[Вернуться](#)

303

Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения. – Петрозаводск: Петроком, 1993.

[Вернуться](#)

304

Vannevar Bush, “Science: The Endless Frontier, A Report to the President by Vannevar Bush, Director of the Office of Scientific Research and Development,” Washington, DC, 1945, <http://www.nsf.gov/od/lpa/nsf50/vbush1945.htm>.

[Вернуться](#)

305

Mark Boroush, “U.S. R&D Increased by \$20 Billion in 2015, to \$495 Billion; Estimates for 2016 Indicate a Rise to \$510 Billion,” *NCSES InfoBrief*, 2017, <http://www.nsf.gov/statistics/2018/nsf18306/nsf18306.pdf>.

[Вернуться](#)

306

Stephen A. Merrill, “Righting the Research Imbalance,” 2018.

[Вернуться](#)

307

Научный благотворительный союз, “Опрос 2016 г. о частных вложениях в основные научные исследования, отчетный доклад”, 2016, <http://www.sciencephilanthropyalliance.org/wp-content/uploads/2017/02/Survey-of-Private-Funding-for-Basic-Research-Summary-021317.pdf>.

[Вернуться](#)

308

Американская ассоциация содействия развитию науки “Бюджет инвестиций в исследования и общая проблематика: исследования в области естественных и инженерных наук”. Последнее изменение – сентябрь 2017. <http://www.aaas.org/page/research-science-and-engineering-discipline>.

[Вернуться](#)

309

Национальный совет по делам науки, “Показатели в области естественных наук и машиностроения” – *Science and Engineering Indicators 2018, NSB-2018-1* (Alexandria, VA: National Science Foundation, 2018), <http://www.nsf.gov/statistics/indicators/>.

[Вернуться](#)

310

Национальные институты здоровья, “Результаты исследований национальных институтов здоровья”. Последнее изменение – 1 мая 2018, <http://www.nih.gov/about-nih/what-we-do/impact-nih-research/our-society>.

[Вернуться](#)

311

Группа Всемирного банка “Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, в целом (в годах)”. Последнее изменение – 2017, <http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?end=2015&locations=US&start=1960>.

[Вернуться](#)

312

Francis S. Collins et al., “New Goals for the U.S. Human Genome Project: 1998–2003,” *Science* 282, no. 5389 (1998): 682–89, <http://doi.org/10.1126/science.282.5389.682>.

[Вернуться](#)

313

E. S. Lander et al., “Initial Sequencing and Analysis of the Human Genome,” *Nature* 409, no. 6822 (2001): 860–921, <http://doi.org/10.1038/35057062>; J. C. Venter et al., “The Sequence of the Human Genome,” *Science* 291, no. 5507 (2001): 1304–51, <http://doi.org/10.1126/science.1058040>; R. H. Waterston et al., “Initial Sequencing and Comparative Analysis of the Mouse Genome,” *Nature* 420, no. 6915 (2002): 520–62, <http://doi.org/10.1038/nature01262>; Mark D. Adams et al., “The Genome Sequence of *Drosophila Melanogaster*,” *Science* 287 (2017): 2185–96.

[Вернуться](#)

314

Yoshio Miki et al., “Strong Candidate for the Breast and Ovarian Cancer Susceptibility Gene BRCA1,” *Science* 266, no. 5182 (1994): 66–71, <http://doi.org/10.1126/science.7545954>; Decio L. Eizirik et al., “The Human Pancreatic Islet Transcriptome: Expression of Candidate Genes for Type 1 Diabetes and the Impact of Pro-Inflammatory Cytokines,” *PLoS Genetics* 8, no. 3 (2012), <http://doi.org/10.1371/journal.pgen.1002552>; Tiffany A. Greenwood et al., “Association Analysis of 94 Candidate Genes and Schizophrenia-Related Endophenotypes,” *PLoS ONE* 7, no. 1 (2012), <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0029630>.

[Вернуться](#)

315

Национальный научно-исследовательский институт генома человека, “Стоимость секвенирования ДНК: информация”. Последнее изменение – 25 апреля 2018, <http://www.genome.gov/sequencingcostsdata/>.

[Вернуться](#)

316

National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine, *Triennial Review of the National Nanotechnology Initiative* (Washington, DC: National Academies Press, 2016), <http://doi.10.17226/23603>.

[Вернуться](#)

317

Cornelia I. Bargmann and William T. Newsome, “The Brain Research Through Advancing Innovative Neurotechnologies (BRAIN) Initiative and Neurology,” *JAMA Neurology* 71, no. 6 (2014): 675–76, <http://doi.org/10.1001/jamaneurol.2014.411>. Conflict.

[Вернуться](#)

318

Совокупность микроорганизмов, населяющих человеческий организм. – *Прим. науч. ред.*

[Вернуться](#)

319

Sarah L. Clark and Paula T. Hammond, “Engineering the Microfabrication of Layer-by-Layer Thin Films,” *Advanced Materials* 10, no. 18 (1998): 1515–19.

[Вернуться](#)

320

Andrew E. H. Elia, Lewis C. Cantley, and Michael B. Yaffe, “Proteomic Screen Finds P^{Ser}/P^{Thr}-Binding Domain Localizing Plk1 to Mitotic Substrates,” *Science* 299, no. 5610 (2003): 1228–1, <http://doi.org/10.1126/science.1079079>.

[Вернуться](#)

321

Erik C. Dreaden et al., “Tumor-Targeted Synergistic Blockade of MAPK and PI3K from a Layer-by-Layer Nanoparticle,” *Clinical Cancer Research* 21, no. 5 (2015): 4410–20, <http://doi.org/10.1158/1078-0432.CCR-15-0013>.

[Вернуться](#)

322

David C. Mowery and Bhaven N. Sampat, “The Bayh-Dole Act of 1980 and University-Industry Technology Transfer: A Model for Other OECD Governments?” *Journal of Technology Transfer* 30, no. 1/2 (2005): 115–27, http://doi.org/10.1007/0-387-25022-0_18.

[Вернуться](#)

323

Этот процесс называется “трансфер технологий”. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

324

Ampere A. Tseng and Miroslav Raudensky, “Assessments of Technology Transfer Activities of US Universities and Associated Impact of Bayh-Dole Act,” *Scientometrics* 101, no. 3 (2014): 1851–69, <http://doi.org/10.1007/s11192-014-1404-6>; National Science Board, *Science and Engineering Indicators 2018, NSB-2018-1* (Alexandria, VA: National Science Foundation, 2018), <http://www.nsf.gov/statistics/indicators/>.

[Вернуться](#)

325

Ведомство по патентам и товарным знакам США, группа наблюдателей за процессом выдачи патентов, колледжи и университеты США – выдача патентов на изобретения, календарные годы 1969–2012, 2012, http://www.uspto.gov/web/offices/ac/ido/oeip/taf/univ/univ_toc.htm.

[Вернуться](#)

326

Разговоры автора с Клаусом Хеликс-Нильсеном, сентябрь 2017.

[Вернуться](#)

327

Larry Fink, “Larry Fink’s Annual Letter to CEOs: A Sense of Purpose,” Blackrock, 2017, <http://www.blackrock.com/corporate/investor-relations/larry-fink-ceo-letter>.

[Вернуться](#)

328

Center for American Entrepreneurship, “Immigrant Founders of the 2017 Fortune 500,” accessed June 18, 2018, <http://startupsusa.org/fortune500/>.

[Вернуться](#)

329

Leigh Buchanan, “Study: Nearly Half the Founders of America’s Biggest Companies Are First-or Second-Generation Immigrants,” *Inc.*, December 5, 2017, <http://www.inc.com/leigh->

buchanan/fortune-500-immigrantfounders.html.

[Вернуться](#)

330

National Science Board, “Higher Education in Science and Engineering,” in *Science and Engineering Indicators 2018*, 2.1–109 (Arlington, VA: National Science Foundation, 2018), <http://www.nsf.gov/statistics/seind12/>.

[Вернуться](#)

331

Nick Anderson, “Report Finds Fewer New International Students on U.S. College Campuses,” *Washington Post*, November 12, 2017, http://www.washingtonpost.com/local/education/report-finds-fewer-new-international-students-on-us-college-campuses/2017/11/12/5933fe02-c61d-11e7-aae0-cb18a8c29c65_story.html.

[Вернуться](#)

332

Hironao Okahana and Enyu Zhou, *International Graduate Applications and Enrollment: Fall 2017* (Washington, DC: Council of Graduate Schools, 2018).

[Вернуться](#)

333

Bianca Quilantan, “International Grad Students’ Interest in American Higher Ed Marks First Decline in 14 Years,” *Chronicle of Higher Education*, January 30, 2018, <http://www.chronicle.com/article/International-Grad-Students-/242377>.

[Вернуться](#)

334

Ted Nordhaus, “The Earth’s Carrying Capacity for Human Life Is Not Fixed,” *Aeon*, July 5, 2018, <http://aeon.co/ideas/the-earths-carrying-capacity-for-human-life-is-not-fixed>.

[Вернуться](#)

335

Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, демографический отдел “Перспективы мировой урбанизации, редакция 2018 г.”, 2018, <http://population.un.org/wup/DataQuery>.

[Вернуться](#)

336

Phillip A. Sharp, “Split Genes and RNA Splicing,” *Nobel Lectures*, 1993, http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/medicine/laureates/1993/sharp-lecture.pdf.

[Вернуться](#)